

СНАЧАЛА - СНЫ. ЗАТЕМ - ОХОТА. ТЕПЕРЬ - БИТВА ЗА ВЫЖИВАНИЕ.

ДАНИЭЛА САКЕРДОТИ

СНЫ

ТРИЛОГИЯ САРЫ МИДНАЙТ
КНИГА ПЕРВАЯ

«Вы никогда бы не подумали, что это может случиться с вами. Вы никогда бы не подумали, что однажды будете стоять на кладбище, пока дождь стучит по морю чёрных зонтиков, и наблюдать, как ваших родителей опускают в землю, откуда они никогда не вернутся. Это случилось со мной. Они сказали — это был несчастный случай. Лишь я знаю правду. Мои родители были охотниками, как и их родители и прародители до них, сотни лет назад, десятки моих предков выполняли тот же долг. Я должна пойти по их стопам. Я — единственная, кто остался, чтобы сдержать обещание. Я никогда не смогу отказаться от этой борьбы, борьбы, переданной мне, сброшенной на мои беспомощные плечи. Я бы предпочла быть похороненной вместе со своими родителями, моими храбрыми, сильными мамой и папой, живущими и умершими под девизом Миднайтов: «Не дай им разгуливать по нашему миру». В свой тринадцатый День Рождения теперь уже семнадцатилетняя Сара Миднайт начала страдать от демонов в своих снах — но, в отличие от кошмаров большинства людей, кошмары Сары превращались в реальность. Её сны направляли охоту её родителей, в то время как сама Сара оставалась в постели, в страхе, но в безопасности, защищённая от истинных ужасов наследия Миднайтов. Но все это скоро изменится. После убийства её родителей, её безжалостно толкают в тайный мир невообразимых ужасов, ведь она должна принять их миссию. Одинокая и неподготовленная к будущей борьбе, Сара должна научиться использовать унаследованную силу и решить, кому стоит доверять, пока не стало слишком поздно...

Даниэла Сакердоти Сны

Даниэла Сакердоти «Сны», 2012

Оригинальное название: «Dreams «SarahMidnight #1» 2012

Перевод: Анастасия Фролова

Редактирование: Дарья Шевчук

Оформление: Анна Янишевская

Пролог. Ночь наступает

Одиночество принуждает.

Любовь ломает.

Вы никогда бы не подумали, что это может случиться с вами.

Вы никогда бы не подумали, что однажды будете стоять на кладбище, пока дождь стучит по морю чёрных зонтиков, и наблюдать, как ваших родителей опускают в землю, откуда они никогда не вернутся.

Это случилось со мной.

Они сказали — это был несчастный случай. Лишь я знаю правду.

Так что, вот она я, стою на краю глубоких, черный ям, вырытых для них, зная, что они были убиты, зная, что никто, никто и никогда не поверит мне.

Я никогда не смогу отказаться от этой борьбы, борьбы, переданной мне, сброшенной на мои беспомощные плечи. Я бы предпочла быть похороненной вместе со своими родителями, моими храбрыми, сильными мамой и папой, живущими и умершими под девизом Миднайтов: *«Не дай им разгуливать по нашему миру»*.

Мои родители были охотниками, как и их родители и прародители до них, сотни лет назад, десятки моих предков выполняли тот же долг.

Я должна пойти по их стопам. Я — единственная, кто остался, чтобы сдержать обещание. Я — последний охотник.

Я — Сара Миднайт.

Глава 1. Темная вода

*Могу ли я искупить
Грехи своего отца?
Паду ли, подобно ему?*

Сара стояла на коленях на холодном тротуаре перед девушкой примерно ее возраста. Девушка корчилась и стонала, пытаясь освободиться от захвата Сары. Ее лица слабо светилось в темноте, белое от страха.

А потом выражение лица девушки изменилось. Страх превратился в ярость, и странный звук вырвался из задней части ее горла.

«Ну вот», — подумала Сара. — «Началось».

Глаза девушки начали чернеть, медленно, медленно, пока не стали двумя омутами ненависти. Ее кожа стала болезненно белой, волосы задеревенели и осыпались, улетаая в ночь и оставляя после себя лысый, серый череп. На руках выросли когти, одежда разорвалась, чтобы показать тонкую, как бумага, кожу, и длинные, костлявые конечности.

Персонаж из кошмаров. В буквальном смысле.

Сон показал Саре, где найти эту девушку и во что она превратится. Где найти существо, которое овладело телом и душой девушки, полностью уничтожив ее, и собиралось сделать то же самое с таким количеством молодых женщин, с каким только могло. Саре снился демон в игровом парке, выжидающий, дожидаящийся, когда появится жертва, — пока не появилась Лили. Сара знала, что сон говорил ей идти, несмотря на страх, и охотиться на существо, как охотились ее родители. Только она будет одна.

Теперь превращение Лили было завершено, и существо собиралось освободиться. Сара должна действовать быстро. Она закрыла глаза и начала вызывать свою силу.

«Мой первый раз», — подумала она. — «Как в моих снах».

На несколько ужасных секунд Сара испугалась, что этого не произойдет. Она испугалась, что темная вода, сила, которую она унаследовала от своего отца, подведет ее. Она испугалась, что ее руки останутся холодными, и она будет беспомощной, превратится из охотника в жертву в мгновение ока.

«Ты должен был быть здесь! Ты должен был быть здесь и научить меня!»

Горе и гнев охватили ее, и вместе с этим пришло освобождение. Темная вода взяла над ней контроль, как неконтролируемый ток, и ее руки наполнились теплом. Сара посмотрела вниз в ужасе, ожидая увидеть свои руки в огне. Существо закричало под прикосновением Сары, издало леденящий душу визг. Его кожа начала таять и растворяться. Примерно через минуту, всем, что осталось после демона, была лужица темной жидкости, такая холодная, что к ней было больно прикасаться.

Сара откинулась на пятки и медленно выдохнула, будто огромный груз упал с ее плеч. Она задумчиво взглянула на свои руки, будто не могла поверить в то, что только что случилось, что вышло из нее. Она очень долго знала о темной воде — знала, что отец владел ею, и что она тоже должна обладать ею. Но чувствовать, как это происходит...

Это другое.

Это одновременно ужасало и придавало сил.

Сара задрожала на холодном ветру. Она была пропитана этой странной, темной

жидкостью, которую они называли темной водой, но которая, на самом деле, была чем-то другим, чем-то безымянным. Она вытерла руки о джинсы, медленно, словно в тумане. Она была опустошена, измучена.

Ее первая охота.

Ее родители должны были брать ее с собой, должны были направлять ее, но их убили слишком рано. Она должна была делать это в одиночку. Она должна была учиться, и учиться быстро. Так часто она просила родителей начать ее обучение...

* * *

— Скоро вернемся, любовь моя, — волосы матери нежно коснулись ее щеки, когда Анна наклонилась над кроватью Сары чтобы поцеловать ее. Легкий свет абажурной лампы Сары тонко осветил черты Анны и заставил карие глаза сиять. Сара хотела обвить маму руками и удержать ее, удержать дома.

— Позволь мне пойти с тобой...

— Сара, милая, мы уже говорили об этом. Это слишком опасно.

— Я знаю! — бледное лицо Сары вспыхнуло от пыла ее слов. — Но я хочу остаться с тобой. Я не хочу быть здесь в одиночестве.

— Ты в безопасности. Ты знаешь, что мы с папой видели это. Ничто не может напасть на тебя здесь.

— Я не об этом. Я не боюсь за себя... — замялась Сара. Слова подвели ее. «Я боюсь, вы не вернетесь», хотела она сказать, но фраза застряла у нее в горле. Она не должна выражать свой страх в словах. — Я должна учиться. Я тоже Миднайт. Я никогда не пользовалась черной водой. Я не знаю как...

— Время придет. Я обещаю. Скоро.

— Если бы моя бабушка была жива, она научила бы меня!

Анна глубоко вздохнула.

— Да. Да, она научила бы.

— Но ты не учишь!

— Мы защищаем тебя, Сара. Довольно. Ты нас задерживаешь, — Джеймс, ее отец, вошел в комнату Сары, его глаза выглядели напряженными. Его большая, высокая фигура виднелась в дверном проеме. Его тон был ясен: разговор окончен. Когда ее отец говорил, Анна слушалась. Всегда. Иногда Сара задумывалась о том, была ли когда-либо у ее матери собственная воля.

— Мама... — позвала Сара. Но Анна последовала за Джеймсом и не обернулась.

Это была еще одна одинокая ночь для Сары, и, слушая шаги родителей, она гадала, когда ей можно будет принять законное наследие. Гадала, что она будет делать, если они не вернутся.

Гадала, на что похожа черная вода...

* * *

— Прости, Лили, — прошептала Сара мертвой девушке, лежащей на земле. По крайней

мере, Лили была последней жертвой существа.

Сара поднялась. Она подобрала шарф, который упал в бою, и обернула его вокруг шеи. Полоска белого на черном пальто, ее длинные волосы развевались на ветру. Она отвернулась и пошла домой. В последний раз.

Потому что завтра ей нужно собрать вещи, оставить дом, воспоминания о своих родителях и обо всем, что она знала, и переехать вместе с дядей и тетей.

Сара повернула ключ в замке и вошла. Она сняла пальто и шарф и аккуратно повесила их на вешалке, будто все зависело от того, как ровно они будут висеть. Она так же сняла свои ботинки и ступила на деревянный пол своего безупречного коридора. Она наклонилась, чтобы стереть невидимое пятно, а затем еще раз, просто для уверенности.

Оказавшись на кухне, она начала протирать все поверхности тряпкой, тщательно, осторожно, не пропуская ни дюйма. Она так устала, что ее руки тряслись, но она должна была это сделать. Должна.

Ее живот заурчал. Она была голодна, но знала, что не проглотит ничего. Узел, образовавшийся в желудке после смерти родителей, не давал ей нормально питаться.

Тень пришла поприветствовать ее, потерлась о ногу Сары с тихим мурлыканьем. Она была абсолютно черной, за исключением одной белой лапки, а ее глаза были такими глубокими, золотисто-янтарными. Однажды, два года назад, Сара вернулась из школы и нашла ее, сидящей на пороге. Она была лишь котенком, но ее взгляд был непокорным, будто говорил: *«Мне суждено жить с тобой, ты не можешь прогнать меня»*. Сара открыла дверь, и котенок вошел, будто жил в доме. Она начала преследовать Сару, куда бы та не пошла, и поэтому Джеймс предложил назвать ее «Тень Сары», и в конечном итоге кличка была сокращена просто до Тени.

— Сара! Где ты была! Я места себе не находила от волнения! — тетя Джульетта ворвалась на кухню в халате и тапочках.

— Снаружи. Мне нужно было подышать воздухом, — Сара отказывалась смотреть на нее.

— Воздухом! Уже за полночь!

Сара проигнорировала ее.

«Дерзкий, невозможный подросток», — подумала Джульетта. Как будто ей не хватало забот с собственными дочерьми, и теперь она должна приглядывать за этой трудной, необузданной, замечательной девушкой. Потому что именно так Джульетта думала о Саре — она была замечательной. Сара не догадывалась об этом, и Джульетта бы никогда не рассказала ей. Но Джульетта также чувствовала, что ее долг — направлять Сару, воспитать ее, вот поэтому у них не было шанса стать друзьями. Сару не направить, не говоря уже о воспитании.

У Джульетты было доброе сердце, правда, и благие намерения. Но она никогда не смогла бы полностью понять Сару, как никогда не смогла понять собственную сестру, Анну.

— Ты не можешь бродить по ночам в одиночку. Вокруг много плохих людей, и тебе определено об этом известно.

«Плохих людей и изобилие других... вещей», — подумала Сара, натирая уже идеальной чистый кухонный стол. Воспоминания об охоте снова охватили ее. Испуганное лицо Лили, жуткое тепло темной воды в ее руках... Вот таким будет остаток моей жизни. Сны и охота, пока однажды кто-то не доберется до меня так же, как добрался до моих родителей.

Целая жизнь снов. Ее личная пытка, от которой никуда не скрыться.

Они начались, когда ей исполнилось тринадцать, как это всегда происходит с девушками Миднайт. Ей снились существа, мучащие, причиняющие боль, убивающие невинных людей. И во снах она была там, когда в качестве свидетеля, иногда в качестве жертвы. Долгом Сары было записать все в дневник снов, вплоть до мельчайших деталей, и так ее родители могли знать, где охотиться. Теперь, когда ее родители умерли, она должна самостоятельно толковать сны.

Это никогда не было трудно. Ее сны всегда были детальными, точными, надежными. Но, с тех пор, как родители Сары погибли, все изменилось. Сны стали непредсказуемыми, запутанными. Информация, которую они могли дать, стала неясной, места сюрреалистическим — она не знала, где найти их, они не принадлежали этому миру. Сара была в темноте. Ее единственным проводником был инстинкт Миднайттов, ослабленный горем и страхом.

— Слава богу, ты скоро вернешься в школу. Немного нормальности. Ну, во всяком случае, уже ничего не может быть нормальным, — добавила Джульетта с истинной печалью. — Когда ты будешь жить с нами, больше никаких ночных прогулок, если ты не скажешь мне куда идешь и когда вернешься.

Сара бросила тряпку через всю комнату в приступе гнева.

— Я не буду жить с вами! Я остаюсь здесь! Это — мой дом!

Джульетта смотрела на нее с нежностью, но Сара не поняла этого. Для нее это выглядело как жалость, а она не могла позволить, чтобы ее жалели.

— Я знаю, дорогая, я знаю... — Джульетта протянула руку, чтобы коснуться плеча Сары. Сара отстранилась.

— Мне жаль, что все это случилось с тобой. Я бы хотела, чтобы ты осталась в собственном доме, правда. Но твои родители решили, что ты не можешь жить одна, пока тебе не исполнится восемнадцать и, честно говоря, я согласна с ними. Мы присмотрим за тобой. Другого пути нет. Ты не можешь пойти против желаний своих родителей — ты потеряешь дом, ты потеряешь все. И в любом случае, ты не можешь игнорировать их последнее желание.

Сара почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Она думала о своем доме — замечательной вилле из серого песчаника. Она думала о своей комнате, выкрашенной в светлый серебристо-серый цвет, переливающийся в лунном свете, о длинных, белых, прозрачных шторах, развевающихся на ветру каждый раз, когда она открывала окно. Она думала о пейзаже, вид на который открывается с ее комнаты — огромный сад, пустоши и холмы за его пределами, пурпурные от вереска, дикие и ветреные. Она думала о комнате родителей, хаотичной каморке, где одежда и книги были раскиданы по полу. Как она всегда расстраивалась, когда входила, потому все выглядело таким... неконтролируемым. Она думала о мамином туалетном столике, где Анна расчесывала свои длинные черные волосы — красивые волосы, которые унаследовала Сара. Так часто Сара сидела за столиком, играла с косметикой и парфюмами мамы.

Но прежде всего, Сара думала о теперь запертом подвале. Секретная комната, где Анна и Джемс хранили свое оружие, карты, книги, которые никто не должен видеть. Где ее мама хранила травы, камни, свечи и остальные загадочные предметы, которые использовала в своих заклинаниях и оберегах, один из них Сара сейчас носила на шее, он был скрыт из вида: маленький красный бархатный мешочек, наполненный хвоей, крошечным зубчиком чеснока и розовым кварцем. Защитный оберег.

«Хотя, никакие обереги не смогли их спасти», — горько подумала Сара.

Как же она могла объяснить все эти вещи, если кто-то найдет их, если ее не будет здесь, чтобы охранять их? Как же она могла от них избавиться? Зарыть в саду или сжечь на большом костре? Превратить жизни ее родителей в пепел, превратить их в ничто. Сара не могла позволить этому случиться.

Она должна найти способ остаться в своем доме.

— Кстати, твой кузен звонил сегодня, — голос Джульетты прервал поток ее мыслей.

— Мой кузен?

— Гарри. Он звонил из Лондона. Я никогда его не встречала. Это необычно — пропустить похороны собственного дяди.

— Они не говорили годами, — ответила Сара слабым голосом. Ее отец и его брат Стюарт разругались много лет назад — Саре никогда не говорили почему. Через несколько лет после раскола между братьями, дошли слухи, что и Стюарт, и его жена, были мертвы, а Гарри был оставлен на воспитание дальним родственникам из Новой Зеландии. Ему было пятнадцать. Анна и Джеймс как раз в то время получили карту, но ни один из них не прилагал много усилий, чтобы оставаться на связи. Сара подозревала, что причина такого расстояния между братьями Миднайт должна быть очень веской.

— Ну, он сказал, чтобы ты проверила почту. Сара, ты промокла! Что с тобой случилось?

— Был дождь. В игровом парке.

— Ты была в игровом парке? Посреди ночи?

Сара глубоко вздохнула.

— Я устала. Я иду в душ, а потом спать.

— Ты не поужинала. Хотя бы съешь что-нибудь! — Но Сара уже взбежала по лестнице и скрылась в своей комнате.

Она бросилась на кровать в компании Тени, свернувшейся калачиком у ее ног. Саре нравилось чувствовать мягкий розовый нос Тени на своем, и усы кошки легко защекотали ее щеку.

— Теперь мы вдвоем, малышка, вдвоем, — прошептала Сара в ее шерсть.

Ей нужен был душ. Она поплелась в ванную, и Тень расположилась на безопасном расстоянии от воды, на подоконнике, ее янтарные глаза светились в полумраке комнаты.

Сара закрыла глаза под потоком воды, позволяя ей смыть темную воду, адреналин, страх. Она вышла через полчаса, завернутая в полотенце, с длинных черных волос капала вода, и села на кровати, скрестив ноги и пытаясь поддерживать одеяло так прямо, как только могла. Она включила свой ноутбук.

Одно новое сообщение.

«Здравствуй, Сара, это твой кузен Гарри. Ты, должно быть, не помнишь меня, ты видела меня лишь однажды, будучи еще совсем ребенком. У наших родителей были разногласия и они не общались длительное время, но мы с дядей Джеймсом начали переписываться несколько месяцев назад. Как жестоко, что его больше нет теперь, когда мы только начали налаживать отношения. Ты, должно быть, проходишь через ад. Я знаю, что в действительности случилось с ними. Нам нужно поговорить. Я возвращаюсь в Шотландию. Был бы благодарен, если бы ты приютила меня ненадолго.

Береги себя,

Гарри»

Сердце Сары пропустило удар. Он знал! Она не была одинока в ужасном знании, в

знании, почему ее родители так ужасно погибли. В конце концов, существовал еще один Миднайт, чтобы разделить бремя. И, может, если Гарри останется, ей не нужно будет переезжать.

Чувствуя, что может произойти что-то важное, Тень запрыгнула на кровать Сары и села рядом, глядя на экран.

— Конечно, Гарри, — прошептала Сара себе под нос, ее пальцы быстро двигались по клавиатуре. — Конечно, я смогу приютить тебя ненадолго, — она улыбнулась впервые с тех пор, как... как все это произошло.

«Дорогой Гарри,

Они выкидывают меня из дома, потому что мои родители решили, что я не могу остаться здесь в одиночестве. Приезжай поскорее. Оставайся, по крайней мере, пока мне не исполнится 18:)

Сара»

Сара пару раз погладила мех Тени, и новое сообщение выскочило на экране:

«Я в аэропорту. Увидимся через час».

В аэропорту! Он уже здесь! Сердце Сары забилось быстрее. Она быстро высушила волосы, надела леггинсы и футболку и пошла вниз, на кухню. Неожиданно, она была голодна, по-настоящему голодна, будто действительно могла есть.

Сара любила готовить, это было ее утешением. У нее была блестящая выпечка, и она часто пекла пироги и булочки для родителей, чтобы подкрепить их силы после целой ночи охоты. Она аккуратно хранила все кулинарные книги на кухонной полке, и погрузилась в них, вертясь от приготовления пасты до измельчения и медленного приготовления еды, пока вокруг царил хаос и страх.

Стараясь быть как можно тише — ее не особо волновало, разбудит ли она Джульетту, она просто не хотела проблем — она взяла муку, масло, соль и дрожжи из шкафа и расположила их на кухонном столе. Она смешивала, месила и формировала, ей нравился запах теста, исходящий от ее рук. И вот она — идеальная маленькая пицца «а — ля Сара». Теперь ей нужно все прибрать, потому что беспорядок делает ее слишком нервной, чтобы проглотить что-нибудь.

Когда она закончила, она налила немного молока для Тени, к которому кошка едва притронулась (она была хорошим охотником, и немного поела, в то время как Сара, в свою очередь, была на охоте), и стала ждать, пока пицца будет готова. Через десять минут она проглотила все до последней крошки. Она не понимала, насколько голодна была. Эта пицца — первый основательный прием пищи за несколько недель.

Сара дожевывала последний кусок, когда в дверь позвонили. Она быстро вытерла руки и рот и вскочила на ноги. Мог ли это уже быть Гарри? Она стояла за кухонной дверью. Она хотела посмотреть его до того, как он увидит ее.

Она слышала, как Джульетта ринулась вниз по лестнице, наверное, чтобы проверить, не один ли это из нежелательных друзей Сары решил посетить их дом в столь поздний час.

— Здравствуйте. Я Гарри Миднайт, — глубокий, живой голос с намеком на новозеландский акцент. — Вы, должно быть, Джульетта. Спасибо, что присмотрели за Сарой. Теперь вы можете идти. Ну, оденьтесь сначала.

Сара подавила улыбку.

— Шевелитесь. Не беспокойтесь. Я — семья. Мы присмотрим друг за другом, — в его голосе было ощутимо веселье.

— Я ни за что не оставлю ее наедине с... с вами! — закричала Джульетта, как только обрела возможность говорить.

— Нет, думаю, нет. Но мы можем поговорить об этом завтра.

Сара сделала небольшой шаг вперед, все еще скрываясь за дверью, чтобы попытаться взглянуть на него. Он был высоким, светловолосым, со светло-голубыми глазами, такими светлыми, что они почти светились. Вся семья Миднайт была белокурой — со светлыми волосами и голубыми или зелеными глазами — Сара унаследовала свои черные волосы от матери — но, несмотря на это, Гарри довольно отличался от Джеймса и Стюарта. У него были более твердые черты, длинный, прямой нос, мягкие губы, и самыми яркими были его глаза: большие, выразительные, полные жизни. И пронзительный свет в них, свет, который говорил не подходить слишком близко, будто предупреждал. Он был одет в синюю куртку с капюшоном и джинсы, издававшие времена и получше — он выглядел как человек, с которым вам лучше не связываться, как кто-то, кто может за себя постоять.

Сара решила, что увидела достаточно. Она решилась выйти в коридор. Ее сердце выпрыгивало из груди. Ее будущее зависело от этого человека.

— Гарри, — прошептала она. Ее голос звучал неуверенно, но взгляд говорил совсем о другом. Она смотрела Гарри прямо в глаза.

«Она сильная», — подумал он сразу.

— Сара.

Бледное лицо, маленький нос и рот, то, как она держала подбородок слегка приподнятым в жесте гордости и неповиновения, и эти глаза, невероятно зеленые. Она была Миднайт до мозга костей.

Взгляд Гарри был настолько сильным, что она вдруг почувствовала, что его слишком много.

— Пойдем. Я покажу тебе твою комнату, — сказала она резко, чтобы разрушить чары. — Мы можем поговорить наверху, — добавила она, бросив незаметный взгляд на Джульетту. Гарри сразу же понял.

Они поднялись наверх в сопровождении Тени, мимо Джульетты, игнорируя ее, будто она была вешалкой. В ту же секунду Джульетта уже говорила по телефону с Тревором. Ее голос было слышно из прихожей, и Сара с Гарри слышали немного из того, что она говорила.

— Будто он живет здесь! Будто это его дом! Я знаю, я знаю, он семья. Я знаю, что ничего не могу поделать. Хорошо. Хорошо. Увидимся завтра.

Делает ли она правильный выбор? Правильно ли поступила, впустив этого бледного кузена в свой дом, в свою жизнь? У нее не было выбора. Родители не оставили ей выбора. Сара почувствовала прилив гнева, направленного на них. Ей не нравилось чувствовать себя так, и она постаралась оттолкнуть неприятное ощущение, будто оно никогда и не появлялось, но тягостные воспоминания выталкивали себя на первый план в ее разуме.

* * *

Прожекторы ослепили Сару, когда она вышла на сцену Королевского концертного зала. Она не могла видеть зрителей — они были лишь черным морем, рядами едва различимых голов. Сара ждала этого момента вечность. Это было ее первое серьезное выступление.

Лучшие музицирующие ученики средних школ со всей страны были отобраны, чтобы сопровождать известных артистов на рождественском концерте. Когда учитель сказал ей, что ее выбрали, она не могла поверить. Она была так взволнована, так гордилась, что даже уборка стала более расслабляющей. В течение нескольких недель она была необычайно разговорчива, болтала о репетициях и о том, каким дружелюбным был музыкальный руководитель, и как они собирались надеть школьную форму, и как ВВС собиралось снимать событие... Она рассказывала и рассказывала своим родителям все, каждую неделю возвращалась домой с репетиций пружинящим шагом и с улыбкой на лице.

Рождественский концерт был в субботу. Тетя Джульетта привезла ее в город вместе с виолончелью и тщательно выглаженной формой, осторожно лежащей на заднем сиденье. Тетя Джульетта настояла на том, чтобы составить ей компанию и помочь успокоиться. Сара хотела, чтобы мама пошла с ней, но это было просто невозможно. У нее были вещи, на которые нужно взглянуть, и то, каким тоном это было произнесено, не оставляло никаких сомнений о природе этих вещей. Но все же, конечно, они будут на концерте. Они ни за что не пропустили бы его, Сара была в этом уверена.

Когда пришло время идти за кулисы, оставить друзей и родственников позади, Сара бросила последний взгляд поверх небольшой толпы, надеясь увидеть своих родителей, входящих через стеклянные двери. В этот момент телефон тети Джульетты начал пищать. Родители Сары немного опаздывали, но они будут здесь через полчаса.

Куча времени. У нее в запасе был почти час, пока оставшаяся часть зрителей прибудет и рассядется. Они успеют.

Руки Сары тряслись от волнения и нервов, когда она вышла на сцену, свет сделал ее волосы иссиня-черными, краска залила ей лицо, когда она села со своей виолончелью. Она не могла разглядеть ничего дальше сцены, но знала, что ее родители уже должны были вернуться и смотреть на нее. Мысль согревала ей сердце, наполняя ее гордостью. Она не могла дождаться, чтобы показать, что умеет.

Певцы, скрипачи, аккордеонисты, арфисты следовали один за другим, и Сара чувствовала себя самым счастливым человеком на земле. Она не могла знать, сколько зрителей были восхищены прекрасной девушкой с длинными черными волосами, играющей на виолончели с такой страстью, такой точностью. Она отыграла свою партию без единой ошибки, потом пришло время встать и искупаться в аплодисментах и криках, и застенчиво улыбнуться, когда артисты повернулись и указали на них, на учеников музыкальной школы, и аплодисменты взорвались с новой силой, чтобы поприветствовать новый талант девушек и парней, которые так хорошо играли.

Когда родственников и друзей впустили за кулисы, последовал шквал поздравлений, объятий, цветов. Сара рыскала по небольшим группкам, в поисках своих родителей.

Тетя Джульетта была здесь, она улыбалась, но ее глаза выглядели странно.

— Молодец, моя дорогая! Ты была потрясающей!

Сара продолжала смотреть поверх плеча тети Джульетты.

— Где мама с папой?

Джульетта смотрела на нее мгновение, будто искала подходящие слова.

Но тогда уже ничего не требовалось говорить. Сара знала, что они не пришли.

Гарри с Сарой сели в гостевой спальне и немного поговорили, осторожно, неуверенно. Сара не знала, насколько много ей можно говорить, и продолжала формальный разговор, будто осторожный танец. Все это время она смотрела в эти невероятно чистые ясные глаза и чувствовала страх. Вскоре, истощение нагнало ее. Она пожелала Гарри спокойной ночи и пошла в постель, слишком уставшая, чтобы волноваться, слишком уставшая, чтобы думать, но все еще находя энергию, чтобы устроить вокруг себя одеяло так, как это требовалось лично ей. Вскоре она забылась, истощенная горем, охотой и облегчением, что, может быть, ей не придется покидать собственный дом.

Но это был беспокойный, тревожный сон, принесший ей видения.

Сара стояла в темноте. Она могла различить два тела, неподвижно лежащих в темноте, и полукруг темных фигур вокруг них. Она опознала тела: это были ее родители. Внутри все перевернулось. Рядом с ними стоял парень не на много старше ее, с такими темными волосами, что они были почти синими, и лицом бледным, как луна. И кое-кого другого: высокий, светловолосый мужчина с чем-то в руке... кинжал, серебряный кинжал. Лицо мужчины продолжало изменяться, черты продолжали размываться.

— Посмотри на него, Сара.

Голос женщины. Голос, наполненный ненавистью.

Сара обернулась, чтобы посмотреть, откуда исходил голос, и увидела женщину, ее лицо было полно горя. У нее были поразительные, яростные голубые глаза и высокие скулы, обрамленные волнистыми русыми волосами. Она была красивой — или была бы красивой, если бы не выглядела такой измученной и полной боли.

— Кто вы? — спросила Сара.

— Ты одинока, Сара, — ответила женщина и улыбнулась угрожающей улыбкой, изменившей ее прекрасные черты и заставившей кожу Сары покрыться мурашками. Краем глаза она увидела, что светловолосый мужчина поднял кинжал и направился к ней...

Сара проснулась влажной от пота, она замерзала. Девушка потянулась к лампе и зажгла ее трясущимися руками. Она моментально ахнула и выпрямилась от страха.

Кто-то стоял у ее кровати.

— Все хорошо, Сара. Что бы ты ни видела, это был просто сон, — прошептал силуэт, окутанный полумраком. Он был высоким и светловолосым. Как человек из ее сна.

Гарри.

Сердце Сары пропустило удар. Она глубоко вдохнула, пытаясь сохранять спокойствие.

— Что ты делаешь в моей комнате?

— Услышал, как ты кричала.

— Ты не спал? — ее голос дрожал. Она сглотнула.

— Некоторое время будет некогда спать. Я приглядываю за тобой.

— Я в опасности? — Сара уже знала ответ.

Гарри наклонился к ней и смахнул прядь влажных волос с ее лица. Она поняла, что дрожала, как осиновый лист.

— Сара, хотел бы я успокоить тебя, сказать, что все будет хорошо и что под твоей кроватью не прячутся монстры. Но ты — Миднайт. Я знаю, что ты смелая и сильная, и я должен сказать тебе правду. Ты в ужасной опасности, и никому не можешь доверять.

«Нет, я никому не могу доверять», — подумала Сара, вспоминая человека из своего сна, который подходил к ней с поднятым ножом.

«Я не могу доверять никому, включая тебя».

Глава 2. Судьба

*Найдя друг друга
Между тысячами возможностей,
Вечно гадая
Было ли это предначертано.*

Шон

Я знал, что рано или поздно они бы добрались до него, и все мои усилия, чтобы защитить его, ушли бы коту под хвост. Его судьба была предрешена. Я узнал это по тому, как он говорил со мной в последний день своей жизни: будто он уже был мертв.

Гарри. Мой брат.

Я был одинок всю свою жизнь. Когда мои родители умерли, я был еще достаточно молод и всегда противился отношениям с другими людьми. Мои бабушка и дедушка приглядывали за мной, потому что считали это своим долгом, но так и не добрались до моего сердца. Друзья и знакомые — всего лишь для компании. Девушки... ну, это другая история, скорее поиски, на самом деле, так и не завершившиеся поиски кого-то, кому я мог бы принадлежать.

А потом я встретил Гарри Миднайта, и он навсегда изменил мою жизнь. Он навсегда изменил меня. Он показал мне, как это — заботиться о ком-то больше, чем о себе, показал мне, что это значит — иметь семью.

Он посвятил меня в секретный мир, скрытый за этим, ужасный, прекрасный, опасный мир, где то, что мы видим уголком глаза, то, чего мы опасаемся в тени, живет и процветает. Где воспоминания о древних хищниках больше, чем просто воспоминания. Они — живые.

Благодаря ему я стал охотником, я стал человеком, которым всегда должен был быть.

Я только что поступил в университет в родном городе Крайстерч в Новой Зеландии. Медицина. У меня не было пристрастия к ней. Я просто сделал это, потому что мог, потому что не знал, что еще делать, и потому что это казалось хорошим способом жить жизнью, которую я хотел. Гарри был там же, чтобы следовать семейным традициям — его отец и дядя были докторами. Вскоре я узнал еще несколько их семейных традиций, и большинство из них, в различных степенях, включало опасности и смерть.

Он был сиротой. Его родителей убили, когда он был подростком. Они разорвали связь с собственными семьями в Шотландии и переехали в Новую Зеландию, когда Гарри был ребенком. После их смерти, Гарри остался один и попал на попечение к родственникам, прямо как я.

Впервые я увидел его холодной зимней ночью. Он стоял на клумбе недалеко от общежития университета, бормоча что-то себе под нос. Я возвращался из чьей-то комнаты, я не могу вспомнить ее имени. В то время в моей жизни было несколько девушек. Я подумал, что, должно он быть, пьян, раз стоит на таком холоде и говорит сам с собой. Я не самаритянин, но не хотел, чтобы кто-то упал на улице и получил переохлаждение, так что подошел к нему.

Я никогда не забуду первый раз, когда я увидел его лицо, потому что, клянусь, его глаза были самыми дикими из всех, что мне доводилось видеть. Зеленые, ярко-зеленые, почти неестественные, и их выражение остановило бы кого угодно на его пути — кого угодно, или

что угодно. Он выглядел погруженным в разговор, будто обсуждал что-то важное — его лицо было жестким, как кулак. Он размахивал руками в воздухе, очерчивая невидимые символы пальцами.

Теперь, оглядываясь назад, я по глазам мог бы узнать, как он опасен, и как в ту ночь я рисковал остаться под кустом со сломанной шеей. Первый из бесчисленных случаев, когда Гарри и опасность шли рука об руку.

Когда он увидел меня, сразу же перестал говорить, и серьезное выражение лица сменилось улыбкой. Он выбрал «ничего не случилось» вместо того, чтобы сломать мне шею.

— Чудесная ночь, — сказал он весело.

— Ты в порядке?

— Да, все отлично, просто задумался.

Я сразу же увидел, что он не был пьян и не собирался засыпать на улице, так что у меня не было причин задерживаться.

— Ладно, приятель, увидимся, — сказал я, уходя.

Но судьба распорядилась иначе.

Мне всегда было интересно, что случилось бы, не встретить я его в ту ночь. Что случилось бы, останься я на ночь с той безымянной девушкой, или выбери я другой путь к своей комнате, или не заговори я с ним...

Если бы я сбежал, когда существо вышло из земли.

— Осторожно! — вдруг закричал странный человек, когда я уже отвернулся, чтобы уйти. Я почувствовал, как что-то навалилось на меня, что-то тяжелое. Я упал на холодную, твердую землю. Я был потрясен, взбешен — этот человек с дикими глазами нарывался на драку? Я вскочил на ноги и меня сразу же толкнули вниз. Кто-то или что-то сидело у меня на спине и не позволяло подняться снова.

Все мои силы ушли на то, чтобы обернуться, сбросить человека на землю и сесть на него сверху. Я думал, что на меня уставится пара зеленых глаз, но увидел кое-что другое. Голое, бледное существо с невидящим взглядом. Его кожа была как мякоть грибов — белая и болезненная на вид, будто что-то, живущее под землей, как чудовищная личинка. Однако его черты были человеческими. Будто когда-то это был человек, и однажды он сошел со своей эволюции и стал чем-то совершенно другим. Его рот был открыт, показывая ряд почерневших, но острых зубов, и они пытались сомкнуться на мне, кусая воздух в поисках плоти.

Я не паникую, когда боюсь, страх делает меня более резким, холодным, более собранным. Мой мозг приспособлен для выживания, и я не мог видеть ничего другого. Я вдавил пальцы в глаза существа, и оно начало выть. Звук был, словно пришедший из-под земли, от чего-то темного и первобытного. Его руки искали что-то, рот был открыт и пытался укусить меня. Он продолжал кричать, и я снова вдавил пальцы в его глаза.

У меня не было времени подумать, что все происходящее было невозможным. Не было времени подумать, что таких существ не бывает, что вы можете видеть их только в кино или читать о них в книгах. Не было времени на то, чтобы рассмотреть хоть что-то из этого, потому что существо, которое не должно было существовать, воткнуло свои когти в мои руки и спину; полилась кровь. Теперь была моя очередь издать рев боли и ярости.

Именно тогда я понял, что зеленоглазый человек стоял около нас, не двигаясь. Он смотрел так, словно наблюдал за футбольным матчем по телевизору. Почему он не помогает? Неужели он был хозяином существа и мог использовать его, чтобы напасть на

меня?

Тогда я заметил его положение — он держал небольшой кинжал в руке, и был готов нанести удар. Мужчина ожидал чего-то. Какого черта он ждал? Чтобы существо убило меня?

— Помоги мне, ублюдок! — закричал я. Но он не двинулся. Незаметная улыбка скривила его губы, разозлив меня еще больше.

Что-то пришло мне в голову. Самая древняя часть моего мозга, должно быть, отметила эту информацию и сохранила ее, и теперь говорила, что мне делать, в этой борьбе не на жизнь, а на смерть: я увидел каменный бордюр, обегавший цветочную клумбу, — моё оружие на данный момент. Это был единственный шанс.

Я оторвал руки от лица существа, оно поднесло свои к глазам, и это дало мне достаточно времени, чтобы быстро повернуть голову и найти камень. Одна доля секунды, и демон снова принялся за меня: оттолкнул меня, попытался укусить — его клыки были так близко к моей коже, что я напрягся, ожидая укуса.

И это произошло: существо укусило мою руку так сильно, что сорвало кусок плоти.

Я истекал кровью, перепуганный до смерти и в ярости. Сила, которой я не знал, что обладаю, захлестнула меня, и я зарычал, никогда не думал, что такой звук может выйти из моего горла. Эта шпукovina не укусит меня снова. Она заплатит за то, что сделала со мной.

Я двинул коленом в грудь существа так сильно, что воздух вышел из его легких. Я вскочил на ноги, боль разрывала меня на части, кровь лилась из раненной руки, и я ударил его в лицо, чувствуя, как ломается его нос. Мне следует сказать, что меня затошнило от этого... но нет. Я был взволнован, я триумфовал, слыша, как ломается кость, видя, как существо, пытавшееся убить меня, катается по земле от боли. Это заставило меня почувствовать себя живым как никогда прежде. Я бросился на демона и схватил его окровавленные руки своими. Я бил его о камни — один раз, два, пока не почувствовал как ломается кость, и демон замер.

Я дышал так тяжело, что думал, что мое сердце остановится. Я посмотрел вверх, на небо — оно было чистым, усеянным миллионом звезд. Я никогда не забуду то небо в ночь, когда я впервые убил демона.

— Впечатляюще.

Голос исходил издалека. Я потряс головой, пытаюсь стряхнуть чувство нечеткости и нереальности, которое охватило меня.

Зеленоглазый человек улыбался. Я открыл рот, но не произнес ни слова. Я все еще был контужен.

— Ты делал это раньше? — его голос звучал заинтересованно, вежливо, будто он спрашивал что-то вроде «Ты когда-нибудь нырял с аквалангом?»

— Почему ты не помог мне? — я едва мог сдерживать свою ярость. Я мог умереть, а он стоял там все время с ножом в руке!

Гарри остался равнодушным.

— Я хотел узнать, как далеко ты зашел бы. Ты только что встретился с Сурари.

— Сурари?

— Демон. Гарри Миднайт, кстати, — он протянул мне руку.

Я колебался секунду, потом пожал ее. Он поднял меня на ноги, и мы оказались лицом к лицу.

— Шон Ханни.

Наши глаза встретились, и случилось что-то странное, будто мы узнали друг друга. Я

видел себя в нем. Знал, что он видел себя во мне. Мы оба принадлежали одному и тому же: мы принадлежали охоте.

И это стало началом.

* * *

Вот что сделал для меня Гарри Миднайт: он поднял завесу, скрывающую правду, он показал мне мир, скрытый за этим миром. Он показал мне, как реки времени никогда не должны пересечься; как существа с начала времён не должны просочиться в этот мир, и, если все же им это удалось, нужно безжалостно уничтожать их. Он научил меня, что все мы живем в опасности, большой и близкой опасности. Мы в опасности, когда спим в наших кроватях, идем на работу, ходим по улицам наших городов. Наши собственные дети в опасности; все в опасности, в любое время, днем или ночью, где бы мы ни были.

Большинство людей не знают об этом, но Тайные Семьи делают все возможное, чтобы держать все в тайне. В любом случае, большинство людей предпочитают не видеть, они выбрали верить лишь в то, что видят. Они хотят притворяться, что ничего из этого не происходит, что это не реально. Это всего лишь кошмар, который растворится с приходом рассвета. Но скоро у них не будет выбора. Скоро намного большее количество людей по принуждению узнает то, что знаем мы.

Я вступил в бой, потому что любил острые ощущения. Да, я любил охоту — она была всем для меня. Но, по мере того, как я узнавал, что нам угрожает на самом деле, что действительно преследует нас, не осталось никакого удовольствия. Это стало миссией выживания для всей человеческой расы. Миссия Гарри стала моей, теперь я живу ею. Я не член Тайной Семьи — ими не становятся, а рождаются. Я один из их окружения, один из их Егерей. Так же, как обычные егеря охотятся и отлавливают диких животных в угодьях, за которыми присматривают, мы охотимся и отлавливаем, но, конечно, далеко не диких животных — ни оленей, ни фазанов, или зайцев. Для нас это демоны. Тайный Совет, созданный главой одной из самых известных Тайных Семей (или Сабха на древнем языке), назвал нас «Егерями». Думаю, это что-то вроде шутки.

В любом случае, чтобы стать Егерем, требуются годы обучения и стальные нервы. Они проверяют нас снова и снова, чтобы убедиться, что мы полностью преданы им. Затем нам позволяют вернуться к старой жизни, оставаясь шпионами. Каждый из нас относится к конкретной семье Совета, но мы можем быть отозваны в любое время для выполнения миссий разных семей, и направляться туда, где Сабха нуждаются в нас. Мы должны быть готовы в любой момент к отправке в любую точку мира, и сделать все, что они просят. Мы со всех слоев общества: молодые и старые, мужчины и женщины, втянутые в мир, о существовании которого никогда не подозревали. У нас лишь одна общая цель — служить Тайным Семьям, не опасаясь последствий.

Мы с Мэри Энн, моей тогдашней девушкой, были приставлены не к семье, а к отдельному человеку — Гарри Миднайту, он нашел нас и тренировал. Гарри сказал мне, что у семьи Миднайт не было Егерей. Они не хотели иметь ничего общего с Сабха. Но это не относится к Гарри. Его родители избраны, чтобы быть частью Тайной Семьи и быть верными Сабха.

Сегодня быть Егерем — значит иметь хорошие шансы быть убитым. Многие из нас уже

мертвы, столько своих друзей больше нет. Дрожь сотрясает весь мир, уже дует ветер, предвещающий шторм. Трещины в этом мире уже показываются, и война начнется совсем скоро. Реки времени столкнулись, проходы открылись — то, чего никогда не должен видеть свет, выползает наружу, пользуясь дырами или будучи призванными. Мы боремся, чтобы сохранить этот мир, но те, у кого есть претензии на владение им — более глубокие и древние претензии — становятся сильнее изо дня в день. Баланс сил сдвигается быстрее, чем мы могли предположить. У ворот — враг, безликий Браг, загадка для нас, и демоны у него на службе. Он и сам демон? Никто не знает. Все случилось так быстро, угроза настигла нас так внезапно, будто цунами. Мы не были готовы. Сабха не были готовы. Егери не были готовы. Не было времени подготовиться, найти способ защититься, прежде чем начнется разрушение.

Тайные Семьи — люди вроде Гарри, люди, которые борются и умирают каждый день, чтобы сохранить этот мир нашим — становятся мишенью, один за другим, семья за семьей. Древняя система защиты по всей Европе, по всему миру, разрывается.

Если она исчезнет, для нас не останется ничего другого, кроме как скрываться и молиться, что когда они найдут нас, то убьют быстро, и, говоря «мы», я имею в виду себя и тебя, и любого другого представителя человеческой расы. Если Тайные Семьи будут уничтожены, человечеству будет больше некуда пойти, это будет означать, что течение рек изменится впервые за миллионы лет. Это будет означать, что этот мир больше не наш. Это будет означать, что снова настали времена Демонов.

Прежде чем все это началось, была просто охота. И это было весело. Мне нравилось быть Егерем. Скоро я понял, что все меняется, я видел, что число существ возрастает, чувствовал, что они становятся сильнее, злее, но некоторое время это было потрясающе. Каждый вечер я просыпался (так мы работали — спали днем, охотились ночью) с рвением к работе, полный адреналина, готовый к драке, готовый чувствовать запах их крови.

Гарри, Элоди, Мэри-Энн и я.

Элоди — наследница семьи Брун, Тайной Семьи из Лиона — или, может, была ею... Господи, незнание того, жива она или мертва, убивает меня. Гарри обожал ее. Связь между ними заставила меня тоже хотеть чего-то подобного, но это безнадежно. Любовь, кажется, случается лишь с другими людьми.

Я был с Мэри-Энн, и она была замечательным Егерем — сильная и смелая, с полным и абсолютным презрением к страху. Она не обращала внимания на опасность — она просто шагала вперед, что бы ни требовалось сделать. Неудивительно, что Гарри увидел в ней потенциал и стал тренировать так же, как тренировал меня.

Еще она была красивой, забавной и теплой. Но я не любил ее. У Гарри и Элоди было что-то такое глубокое и всепоглощающее. Они жили друг для друга, и я даже не уверен, что мог бы когда-то чувствовать что-то подобное к кому-либо, и определенно не думаю, что кто-то может чувствовать что-то подобное ко мне.

Мы вчетвером были потрясающей командой. Мы думали, что непобедимы. Пока нас не вызвали в Японию, чтобы справиться с угрозой Тайцзу — и именно тогда все пошло наперекосяк.

Нас позвала семья Аянами. Они — одна из величайших Тайных Семей в мире. И снова может, они были величайшей семьей. Они готовились к вторжению духов Тайцзу — тихих, смертоносных тварей, которые могут убивать десятки людей одним лишь прикосновением, не оставляя никаких следов. Все выглядит так, будто у жертвы случился сердечный приступ,

но правда в том, что они забирают дыхание. Знаете, как говорят о кошках, что они воруют дыхание детей, поэтому их нельзя подпускать к детским кроваткам? Так вот это не кошки. Это Тайцзу в животном обличье.

Мы не восприняли эту охоту всерьез, но вскоре поняли, что угроза оказалась серьезнее, чем предполагалось. Аянами, Синдза и Токуда — три японские Тайные Семьи, кланы Равнин, Гор и Морей — были встревожены, и много Егерей со всего мира были посланы Сабха, чтобы помочь им.

Шесть месяцев спустя, большинство егерей, посланных в Японию, были мертвы, а три Семьи — уничтожены. Утоплены, задушены в собственных кроватях, машинах, растерзаны, съедены. Это была бойня.

Лишь маленькая Аико, трехлетняя дочь вождя Аянами, была спасена и тайно отправлена в Италию на воспитание местных Егерей в маленькой деревушке в Альпах.

Когда страх и разрушения окружили нас, Гарри изменился. Он становился все более и более унылым, все больше и больше боялся. Он сказал мне, что ему нужно в Лондон так скоро, как возможно, встретиться с Сабха. Он был убежден, что только если мы будем сражаться вместе, во главе с Сабха, Тайные Семьи смогут встретиться лицом к лицу с такой огромной угрозой. Я хотел поехать с ним, но бедственное положение японского народа было слишком тяжело игнорировать. Мне нужно было попытаться помочь. Гарри с Элоди полетели в Лондон, а мы с Мэри-Энн продолжали сражаться в Японии.

Это были жуткие времена. Мы делали все, что могли, и затем пришло время решать: мы знали, что если останемся в Японии, то умрем, как те Егери. Мэри-Энн решила лететь назад в Новую Зеландию и продолжать бороться там. Я выбрал догнать Гарри и Элоди в Лондоне. Мы расстались, с оттенком грусти с моей стороны и горя — с ее. Не было ничего, чем бы я мог смягчить ее боль. Я пытался полюбить ее, правда, пытался, но не смог.

Когда я снова увидел Гарри в Лондоне, я был потрясен. Он выглядел, как призрак человека: мрачные глаза, впалые щеки. Я ненавидел себя за то, что оставил его. Я должен был поехать с ним, защищать его. Что заставило меня остаться в Японии, сражаться в безнадежной битве?

Гарри много раз встречался с Сабха. Главы европейских Тайных Семей стекались в Лондон, чтобы найти путь, встретиться лицом к лицу с опасностью. Он полностью и безоговорочно верил в Сабха.

В день, когда я вернулся, он нашел предлог для ухода Элоди. Она ушла без споров, смиренно, потому что знала, что не могла отказать. Она выглядела такой напуганной, такой потерянной — ее карие глаза были наполнены тревогой, длинные прямые волосы струились по плечам, словно хотели защитить ее, тонкий силуэт выглядел еще более хрупким, чем обычно. У меня едва хватило времени, чтобы быстро обнять ее, прошептать «Все будет хорошо» ей в ухо, и затем она ушла.

Я страшился того, что произойдет. Всем существом я чувствовал, что Гарри хотел сказать мне, что нужно делать в случае его смерти, потому что видел, что у него не было сомнений, что это скоро произойдет.

Она посадил меня в гостиной их Мэйферского особняка. Из окна я видел прекрасный симметричный сквер, окружающий дом, серое небо, нависающее над Лондоном, тяжелое от неизбежного дождя.

Он глубоко вздохнул — вздох прозвучал странно, хрипло — затем начал.

— Я недавно связался с дядей Джеймсом из Шотландии. Ты знаешь, что мы не говорили годами...

— Да.

— Он дурак. Он пытается продолжать жить, будто все как обычно. Он знает! Но он отказывается признавать масштабы происходящего. Будто отрицает существование широкого мира...

— Этого не может быть. Никто не может продолжать жить, будто все как обычно, — я подумал о невинных людях в Японии, не знающих о битве, загнанных в ловушку. Даже их жизни были задеты, а они были всего лишь наблюдателями, так как же тогда могут оставаться нетронутыми Тайные Семьи?

— Он отказывается принять положение, чтобы защитить свою дочь, мою кузену, — продолжил Гарри. — Ее имя — Сара. Ей около семнадцати. Она Провидец их семьи. — Я знал, что это означает — у каждой семьи есть Провидец по своей территории, кто-то, кто в своих снах узнает о демонах поблизости и где их найти, и рассказывает все своей семье. Если Провидца убивают, сила переходит к следующему члену семьи. — Когда они ударят, она либо умрет, либо ей придется встретиться со всем в одиночку, без союзников. А они ударят скоро. Я точно знаю, что это последние дни моего дяди. Шон, мне нужно, чтобы ты сделал кое-что для меня.

— Конечно, Гарри. Конечно. — Видя такой страх в глазах человека, который был для меня братом — не в меньшей мере, чем, если бы у нас была общая кровь — я чувствовал, как разрывается мое сердце.

— Ты должен присмотреть за Сарой. Когда что-то случится со мной, а это будет скоро, ты должен отправиться в Шотландию и защитить ее. Я могу доверять лишь тебе. Мне недолго осталось.

Внезапно, боль, которую я чувствовал, превратилась в гнев. Гарри был охотником, а теперь позволял убить себя, даже без борьбы. Как он мог поступить так с Элоди, со мной, с самим собой?

— Я не хочу слышать об этом, Гарри! Будто ты уже мертв!

— Ты не понимаешь, Шон. Я уже мертв. Посмотри. Посмотри на меня.

Я посмотрел. И я увидел: изможденность, мертвецкая бледность, хриплое дыхание, мрачные глаза, покрытые матовой пеленой. Я видел, как это происходит в Японии, я знал симптомы, но в случае с Гарри я приказал себе не видеть.

— Яд, — прошептал я в ужасе.

— Одного прикосновения было достаточно. Или, может, он был в моей еде. Теперь это лишь вопрос времени.

— О, Гарри. Кто сделал это? Кто? — я задушу их собственными руками, не важно как долго придется искать.

— В это сложно поверить, я знаю. Но, Шон... Сабха сделали это со мной. — Он покачал головой, будто не мог поверить в собственные слова.

Мое сердце пропустило удар. Как? Как мог член Тайной Семьи предать всех нас?

— Сабха? О, Боже...

— Я думал, что они просто отрицали, что у них не было времени, чтобы начать действовать. Но теперь я знаю. Они все заражены, или даже обращены. Вот почему я прошу тебя присматривать за Сарой, — продолжил Гарри. — Я больше никому не могу доверять... Мы должны взять все в свои руки.

— Кто послушает нас, Гарри? Кто поверит, что Сабха теперь враг?

— Не многие. Нам удалось добраться до Аико через Егерей Аянами. Мы старые друзья, они мне поверили. Так же с Флиннами. Наши семьи давно знают друг друга, так что я знаю, что могу доверять им, а они — мне. Я послал Майка, чтобы он забрал Найла Флинна в Луизиану, куда-то подальше.

— Майка Прюдомма? Он лучший Егерь из всех, кого я знаю.

— Да. Мы с ним тоже давно знаем друг друга. Найл очень, очень повезло. Так же, как и Саре с тобой.

Я кивнул. Я был слишком потрясен, чтобы говорить. Я всем сердцем надеялся, что не разочарую Гарри.

— Больше никто не должен знать, чем мы занимаемся. Если Сабха узнает, мы все мертвецы... — дыхание Гарри подвело его, и он схватился за грудь. Хотел бы я дышать за него. — Я хочу, чтобы вы с Майком все время поддерживали связь. Тебе нужна его помощь. Только тебе будет известно, как связаться с ними.

— Да. Да.

Комната вращалась вокруг меня. Некуда пойти, некому довериться.

— Что насчет Элоди? Она должна поехать со мной в Шотландию.

— Она не может, — отчаяние отразилось на лице Гарри. — Она едет к Темзе. Там ее ждет лодка. Она поедет в Италию, к Аико Аянами. Ей нужно помочь Егерям защитить ее. Нам безопаснее порознь, чем вместе. Ты с Сарой, Элоди с Аико, Майк с Найлом. Если вы будете вместе, они найдут вас...

Я кивнул. Он был прав.

— Я просто не могу поверить. Я думал, что мы боремся с Валайя. Врагом. Теперь нам нужно беспокоиться и о Сабха.

— Я считаю, что Враг и Сабха теперь заодно.

Мы посмотрели друг на друга, слова Гарри повисли между нами, будто камни в сердцах.

— Шон, Элоди теперь моя жена. — Тень улыбки появилась на губах Гарри.

— Твоя... жена?

— Вчера мы поженились. Мы знали, что осталось не так много времени.

Гарри с Элоди поженились, и на следующий день после свадьбы уже разлучились. Мною завладела глубокая скорбь. Она и сейчас со мной, и я уверен, что никогда не оставит меня, будет преследовать до конца моих дней. Я почувствовал, что стены сжимаются вокруг меня, и подумал, что задохнусь, как это медленно происходило с Гарри. Я подошел к окну и посмотрел на небо.

— Наследники Тайных Семей должны быть живы, несмотря ни на что. Ты понимаешь? Сара должна жить. В конце концов, она должна спасти всех нас. Все наследники должны выжить, а столькие уже погибли.

— Я сделаю все, что могу, Гарри. Обещаю. Может, мне забрать ее в укрытие, как Аико и Найла. Куда-то, в секретное...

— Сара никогда не поедет с тобой, поверь. Она даже не знает о существовании других Тайных Семей, о Сабха, или о настоящей природе Суари. Мой дядя держал все в тайне. И

если она узнает правду теперь, то пойдет к Сабха, и мы потеряем ее. Ты должен притворяться, медленно завоевать ее доверие... — Гарри снова закашлялся, болезненным, обжигающим кашлем, который заставил меня вздрогнуть. Я кивнул, ошеломленный всеми их разоблачениями. — Поэтому я хочу, чтобы ты получил все это. Этот дом, мои вещи, все. Я хочу, чтобы ты стал мной. Здесь все, что тебе нужно, — он протянул мне кожаный портфель. — Уезжай отсюда так скоро, как сможешь. Они не заставят себя ждать.

Я попытался понять, что Гарри только что сказал.

— Ты хочешь, чтобы я стал тобой?

— Это единственный способ. В ином случае, Сара никогда не впустит тебя в свою жизнь. Она никогда не доверится тебе. Ты не знаешь Миднайтов. Они горды и недоверчивы. Они не примут помощи от постороннего. Я видел ее лишь однажды, когда она была ребенком. Она совсем не помнит моего лица, и все фотографии, которые у них есть — если есть вообще — с того времени, когда мы виделись в последний раз, и мне было восемь. У нас обоих светлые волосы, и твои глаза могут сойти за глаза Миднайтов. Она тебе поверит.

— Я хочу остаться до... до конца.

— Это слишком опасно. Теперь слушай меня. Ты ближе всего к семье для меня. Ты и Элоди. Ты должен пережить это. Ты должен помочь Саре пережить. Тебе нужно уходить. Сейчас.

Зелень его глаз прожигала меня. Я кивнул. Я не мог говорить.

— Они идут, чтобы покончить со мной в своем стиле. — Он горько улыбнулся. — Я знаю, что они хотят сделать со мной. Я не позволю им.

И вот. Я посмотрел ему в лицо в последний раз, в его храбрые, дикие глаза Миднайта.

Тогда я увидел его в последний раз.

Я снимал комнату где-то в Ист-Энде, подальше. Я просмотрел портфель Гарри. Он все тщательно собрал: все нужные мне документы, кипа информации о Миднайтах, люди, которым можно было позвонить, если потребуется помощь, акт передачи его Мэйфэрского дома с запиской «Если нужно будет где-то остановиться, когда он снова станет безопасным».

Между документами и бумагами была фотография. Изображение девочки с длинными черными волосами и зелеными глазами, как у Гарри — Сара Миднайт. Качество фотографии было ужасным, так что мне не удалось разглядеть ее лица как следует. Я смотрел на него очень долго.

Той ночью я просматривал новости на ноутбуке. Я узнал то, что ожидал узнать: что мужчина по имени Шон Ханни был найден плавающим в Темзе. Я молился и молился, чтобы Элоди была в безопасности в Италии, где-то в скрытом месте, где-то, где она с Аико и еще кем-то, кто нашел туда дорогу, найдут там убежище. Для Гарри было уже поздно.

Последнее, что я мог сделать для него, это следовать его указаниям. Стать Гарри Миднайтом.

Я вошел в почту Гарри. И там было письмо, которого он страшился, письмо от адвоката Миднайтов.

«Хотим поставить Вас в известность, что ваши тетя и дядя — Джеймс и Анна Миднайт — погибли прошлой ночью в дорожно-транспортной аварии».

Я сразу же удалил его. Ни за что нельзя привлекать внимание к Гарри — к себе.

Пора. Я вышел в темноту ночи, в поисках такси, которое отвезет меня в аэропорт Хитроу, а оттуда в Шотландию, зеленое, открытое всем ветрам место, где я найду Сару

Миндайт.

Глава 3. Новый мир

Был одинок, кажется, вечность...

А затем загорелся твой маяк.

— Тебе нужно пойти в школу, Сара. Я знаю, ты расстроена, но мы должны продолжать жить. Ты не можешь сидеть в доме целый день, от этого будет только хуже... — Джульетта продолжала и продолжала, возясь с тостером и раскидывая повсюду крошки. Сара почувствовала, как мурашки расползаются по коже при виде бардака, который устраивала тетя. Она должна встать и собрать крошки влажной губкой, а затем тщательно протереть поверхность сухой кухонной тряпкой. Вид того, как она убирает, кажется, расстраивал тетю, что раздражало Сару. Только когда она обрадовалась, что каждая крошечка убрана, и только когда она протерла поверхность еще пару раз, на всякий случай, Сара смогла сесть обратно за кухонный стол, где ее ждал пенный капучино собственного приготовления. Она выглядела протестующе.

— Я просто не могу пойти. Мне есть чем заняться.

— И чем же?

— Просто... делами.

Джульетта закатила глаза. Её племянница, должно быть, самая упёртая девушка во всей Шотландии. В порыве разочарования, она всплеснула руками.

— Ну, хорошо. Только сегодня. Ты вернёшься в школу в понедельник, а хотя...

— Она пойдет сегодня.

Сара удивлённо подняла глаза. Гарри вошёл в комнату босиком, в джинсах и белой футболке, его светлые волосы были мокрыми после душа.

— Она должна пойти сегодня. Вы правы, Джульетта. Нужно сохранить хоть частичку нормальной жизни. Я позабочусь об этом.

Джульетта недоверчиво посмотрела на него. Он действительно был на её стороне?

— Да. Хорошо. Буду рада разговору с глазу на глаз, — Джульетта допила свой капучино и пошла наверх одеваться, довольная улыбка расплылась на её лице, потому что битва выиграна, пусть и с чужой помощью.

Сара была возмущена. Как он посмел так вмешиваться в её жизнь?

— Ну и зачем ты это сделал? — прошептала она, как только Джульетта не могла их слышать. — Мне нужно перебрать вещи родителей. Ты это знал. Я говорила прошлой ночью.

— Я знаю. Но чтобы заняться этим, тебе нужно, чтобы Джульетта перестала к тебе цепляться. И чтобы это произошло, ты должна показать, что пришла в себя. Что мы можем справиться сами, что я могу присмотреть за тобой.

— О! Конечно. Тогда я могу остаться дома на несколько дней.

— Кто тебе сказал? — спросил Гарри, его голубые глаза сверкнули.

— Ты сказал...

— Я сказал, что нам нужно показать ей, что все хорошо, и позволить тебе прогуливать школу — не часть плана. Ты идешь. Сдвоенная математика и все такое.

Он этим наслаждался!

Сара встала, как вкопанная. Что он только что сказал?

— Как ты узнал, что у меня сдвоенная математика?

— Она, правда, сегодня у тебя в расписании? Я сказал наугад.

Сара посмотрела на него с подозрением.

— Я угадал. Правда! — он поднял руки в жесте невинности.

— Ни на секунду тебе не верю. Как же ты узнал, какие у меня сегодня уроки? — Ее трясло. Он залез в мою комнату ночью, а теперь знает мое расписание?

— Ну ладно. Я прошелся по твоим вещам, — сказал он ровным голосом, будто это была совершенно обыденная вещь.

— Что ты сделал?

— Мне пришлось. Я искал кое-что.

— О. И как? Нашел? — Сарказм был единственным выходом. Альтернатива — только ударить его по лицу.

— Пока нет. Теперь иди или опоздаешь. А вообще-то, подожди...

Сара обернулась к нему лицом, бледная от гнева.

— Что? — прошипела она.

— Есть минутка, чтобы сделать мне капучино? Твой выглядит потрясающе.

Сара задыхнулась от возмущения. Она искала подходящий ответ, но была способна лишь на слабое:

— Сделай себе сам!

Она так злилась, что почти плакала. Она взбежала по лестнице и захлопнула дверь в свою комнату.

«Он прав, — говорил маленький голосок внутри. — Если мы покажем, что в порядке, что контролируем ситуацию, они позволят Гарри остаться, и мне не придется покидать дом. Прямо сейчас, это лучший выход».

Ладно, в этом он был прав. Но что насчет лазанья по моим вещам?

Сара огляделась. Ее комната была ее святилищем. Мысль о том, что кто-то прикасался к ее вещам... И что, во имя всего святого, он мог искать? Она глубоко вдохнула. Объяснений ей придется ждать после школы.

Она быстро приняла душ, высушила волосы и оделась в школьную форму: короткая черная юбка, черные колготки, белая рубашка и серый свитер с серо-синим галстуком. Все должно быть идеально чистым, выглаженным и отлично сидеть. У нее просто не может быть ничего другого. Она придирчиво осмотрела себя, одергивая юбку, разглаживая рубашку, расстегивая и снова застегивая пуговицы. Она собрала свои шелковые волосы назад в конский хвост, и ни один волосок не выбивался из него, взяла сумку и уже была готова выходить... Но колебалась.

Она снова пошла к зеркалу и повторила все. Одернула юбку, разгладила рубашку, распустила волосы и снова их собрала, развязывала и завязывала галстук, пока он не был идеально прямым.

Теперь она была готова.

Готова подумать, что многие девушки в школе завидовали ее красоте, ее упрямому совершенству. Если бы они только знали, как это опустошающе, как душераздирающе для нее, продолжать все эти обряды совершенства, как сильно она хотела бы нацепить свою форму и выбежать из двери, не чувствуя всего этого, но если бы это случилось, мир бы рухнул вокруг нее. Как бы она хотела перестать стирать, чистить, разглаживать вещи. Как бы она хотела лечь на кровать и почитать книгу, не беспокоясь о том, что помнет одеяло, не ползать по полу с махровым полотенцем после душа, вытирая каждую капельку, не выходить из дома на грани слез от волнения за то, чтобы все осталось так, как должно быть.

Ее одержимость сводила родителей с ума. Ее родители — особенно, мама — были бы счастливы жить в хаосе. Они не могли понять, или, может, не хотели видеть, что постоянная тяга к уборке Сары не была просто чертой характера, а появилась из-за жуткой тревоги, постоянного ощущения ужаса, который поглощал ее с детства.

Ночь за ночью Сара лежала в пустом доме в ожидании услышать звук открывающейся двери и звук шагов родителей по лестнице. Только когда она знала, что родители вернулись с охоты, что они были живы, она снова могла свободно дышать. Каждый вечер, как только уходили родители, Сара вымывала кухню, репетировала игру на виолончели, убирала в комнате до тех пор, пока все не стояло идеально прямо, а затем ложилась в постель, устраивая подушки и одеяла вокруг себя известным только ей способом, так, как они должны лежать. Если она будет делать все это каждую ночь, родители вернуться домой в целости и сохранности. Это была ее тайная сделка с Богом, с судьбой, со вселенной — она не знала с чем конкретно, но кажется, она работала.

Поскольку она хорошо действовала, Сара решила распространить ее на все части своей жизни: ее волосы должны быть идеально собранными, школьная форма безупречной, книги расположены по цвету, туфли аккуратно выстроены у стены, по невидимой совершенной линии. Если что-то находилось не на своем месте, она сходила с ума от беспокойства, потому что что-то случится с ее родителями, и она будет всему виной. Ее жизнь переросла в сплошную уборку, мытье, сортировку и расставление, и ни одного дня она не проводила без своего рода ритуала.

Джеймс с Анной ничего из этого не понимали. Они убедили себя, что Сара просто была чистюлей, щепетильной маленькой девочкой. Именно Джульетта заметила, что что-то не так, и как-то упомянула об этом Анне.

Но Анна сказала, что Джульетта попусту переживает.

Сара понимала. Они — Миднайты. Им нужно охотиться. Они должны жить этой опасной, невозможной жизнью. Если их дочь была истощена и запугана всеми теми заданиями, которые поставила сама себе, им лучше не видеть этого. Для них это будет лишним. Итак, тайная сделка продолжала свое действие, поглощая жизнь Сары.

Когда начались сны, все стало только хуже. Они снились практически каждую ночь, особенно в полнолуние. И практически каждую ночь она с криками просыпалась в пустом доме. Она вставала и начинала уборку, пока каждый предмет в ее комнате не был расставлен по какой-то невидимой схеме в ее голове. Это немного успокаивало, но не до конца.

В конце концов, ее сделка не сработала. Сила, с которой она заключила ее — с Богом, вселенной, чем бы она ни была — не выполнила свою часть, и в одну ночь она напрасно ожидала звук открываемой двери, шаги по лестнице и приглушенные голоса. Вместо этого, там была полиция, рассказавшая о смерти родителей.

Гарри вышел из кухни, пока Сара была в коридоре, надевая пиджак и оборачивая длинный, кремовый шарф вокруг шеи дважды, так, как и требовалось.

— Веди себя хорошо, — поддразнил он. Сара посмотрела на него, прищурив зеленые глаза, словно кошка. — Господи. Ты меня пугаешь. — И это в самом деле так было. Взгляд Миднайта может быть очень напряженным, и порой может производить очень странный эффект на людей. И на других существ тоже. Он видел, как настоящий Гарри пользовался этим пару раз.

— Послушай, Сара. Ты должна мне доверять. Сейчас у тебя нет другого выбора, — неожиданно он был серьезным.

— Я знаю. В противном случае, ты был бы уже за дверью, — сказала Сара самым ледяным тоном, который только смогла изобразить, и отвернулась.

Затем она снова обернулась.

— Когда конкретно ты просматривал мои вещи?

— Пока ты спала.

Сара была поражена.

— Как? Я очень чутко сплю. Я бы тебя услышала, — ее голос дрожал, и она ненавидела себя за это.

— Скажем так: у меня есть свои методы, — Гарри удерживал ее взгляд. Они смотрели друг на друга несколько секунд.

И именно Гарри отвел взгляд первым.

— Увидимся днем. Сразу иди домой, у нас много работы.

Сара не ответила и пошла по гравийной дорожке к железным воротам, которые служили входом в ее дом.

— Сара! Сара, подожди, я подвезу тебя! — пронзительный голос Джульетты донесся до нее, когда она ступила на дорогу, но она проигнорировала его.

Джульетта остановилась на ступеньках рядом с Гарри и вздохнула.

— Ну, думаю, теперь поеду домой. Вернусь днем.

— Зачем торопиться, Джульетта? Оставайтесь, — сказал Гарри, а его глаза были словно из стали. Он положил ладонь Джульетте на руку и проводил ее обратно в дом.

Сара замерла на каменных ступеньках школы. Кира Маккарти только что прошла мимо нее, под глазами синие тени, на бледном лице застыла скорбь.

Старшая сестра Киры пропала две недели назад, в ночь, когда умерли родители Сары. Она растворилась в воздухе. Сара знала, что они больше никогда не увидят ее. Потому что именно ее, Лили Маккартни, Сара превратила в темную воду. Она никак не могла убить демона и спасти Лили одновременно. Но, по крайней мере, она была последней жертвой того существа. Третьей и последней. Сара подумала о болезненной, желтоватой коже существа, длинных, тонких когтях, и весь ужас охоты снова навалился на нее.

— Сара. Я рад, что ты вернулась.

Сара чуть не выпрыгнула из кожи. Высокий мужчина с охапкой бумаг в руках появился рядом с ней. Завуч, мистер Макинтайр.

— Извини, я не хотел тебя напугать, — он подтолкнул ее и взял под локоть в знакомом, ласковом жесте.

— Здравствуйте, мистер Макинтайр, — Сара ждала, пока сердце замедлит свой ритм.

— Сара, я хочу, чтобы ты знала... Ну, если тебе нужно поговорить, ты знаешь, где меня найти.

На секунду, Сара почувствовала удушье. Она посмотрела в доброе лицо мистера Макинтайра. Он и ее мама были не только коллегами, но еще и хорошими друзьями. Анна работала учителем музыки в Академии Тринити многие годы. Несмотря на то, что достаточно сложно ходить в ту же школу, в которой работает твоя мать, Саре нравилось видеть Анну там, перекидываться парой слов, взглядами. По крайней мере, так ей удавалось видеть свою мать, что случалось, не так часто, учитывая то, что они с отцом охотились почти каждую ночь.

Сара не могла поверить, что больше никогда не увидит свою мать. Она моргнула несколько раз. Она не позволит слезам упасть на щеки, она будет сдерживаться, даже не

смотря на то, что это мучительно.

— Спасибо, — сказала она поспешно и ушла. В спешке, она влетела в кого-то.

— О, прошу прощения...

— Сара! — она почувствовала, как пара рук нежно сжала ее. Ее окутал отчетливый запах колокольчиков.

— Брайони, — Сара обняла ее в ответ, зарываясь лицом в сладко пахнущие волосы. Замечательно снова ее увидеть.

— Ты вернулась! Тут была пустыня без тебя. О, Сара, мне так жаль. Я хотела прийти на похороны, полшколы хотело, но нам не разрешили. Они сказали, что там будет только семья. Но ты семья для меня...

Брайони была лучшей подругой Сары с тех пор, как им было три. Она была невысокой девушкой с яркими, вьющимися рыжими волосам, которые чаще всего спадали ей на плечи и служили маяком. Сара была тихой и держала все в себе, в то время как Брайони была болтливой, жизнерадостной и всем известной. Она всегда пыталась приобщить Сару к вечеринкам, клубам и внеклассным занятиям, но это не привело к успеху. Сара проводила больше времени, репетируя на виолончели.

— Ты сегодня придешь?

— Приду... куда?

— Ко мне домой. Будут Ли и Элис. Мы купим чипсов и посмотрим фильм, или... Я знаю, что это вроде как... ну, так скоро после... но немного общения пойдет тебе на пользу. Мой папа может приехать и забрать тебя. Знаешь, эти пропавшие девушки...

Больше никто не исчезнет. По крайней мере, не из-за этого чудовища.

— Брайони, прости, я просто не могу. Ты понятия не имеешь, со скольким мне нужно разобраться...

«Нет, действительно понятия не имеешь».

— Конечно, прости, — лицо Брайони помрачнело. — Так что теперь будет? Я видела Шивон пару дней назад. Она сказала, что ты переезжаешь к ним.

— Нет. Ни за что, — глаза Сары полыхнули.

— Ты всегда можешь остаться с нами. Ты же знаешь мою маму, она такая, примет тебя в любую секунду, нужно будет просто найти еще одну кровать где-нибудь...

Сара улыбнулась, несмотря на свою печаль. Брайони была старшей из пяти детей в семье, и всегда казалось, что в их большом, шумном и неряшливом доме обосновалась целая толпа. Сара была уверена, что Брайони говорила искренне, ее мама с папой приняли бы ее. Но это невозможно.

— Спасибо, но пока все в порядке. Вчера приехал мой кузен. Из Лондона, — мысль о Гарри заставила напрячься. *«Человек с ножом, которого я видела во сне, выглядел в точности как он. Он стоял в изголовье моей кровати, когда я проснулась. Он обыскивал мои вещи посреди ночи».*

Девочки пошли по коридору в класс математики. Мистер Комбс, молодой мужчина с невероятно скучным, монотонным голосом, уже стоял за столом, ожидая звонка.

— Я даже не знала, что у тебя в семье есть еще кто-то со стороны Миднайтов, — прошептала Брайони.

— Я видела его лишь однажды.

— Как надолго он остается?

— Не знаю. Надеюсь, достаточно долго для того, чтобы мне не пришлось переезжать.

Мистер Комбс попросил внимания, и пара математики медленно приближала часовую стрелку к одиннадцати часам.

* * *

Джульетта лежала на полу в гостиной, ее лицо белое как мрамор, глаза закрыты, волосы разметались по ковру. Рядом с ней прямо сидела Тень, ее хвост грозно покачивался, она охраняла ее, в случае, если ему вздумается вернуться.

Что может сделать кот, когда человек ростом в шесть футов хочет прибрать ее с дороги? Тень знала, что у нее нет шансов, но она была смелой и безрассудной. Она не сбежала. Она продолжала наблюдать.

Если он вернется, Тень не собиралась сдаваться без боя.

Шон спокойно попивал кофе, сидя за компьютером в подвале. На экране высветилась почта Джеймса Миднайт, и Шон просматривал его письма в поисках... вот этого. Вот оно. Письмо от адвоката.

«С сожалением сообщаю, что ваш племянник, Гарри Миднайт, объявлен пропавшим без вести. Его отсутствие было замечено его экономкой, миссис Элизабет Бойл. Прошу, свяжитесь со мной, если...».

Удалить.

Удалить, удалить, удалить.

Его тело наполнилось яростью, ослепительной яростью, а сердце неистово стучало.

Гарри мертв. Гарри никогда не вернется.

Затем он взял себя в руки. Он сосредоточился на дыхании — вдох, выдох... Медленно...

Через несколько минут он снова чувствовал себя спокойным. Он выключил компьютер и встал.

«Гарри Миднайт, я сдержу свое обещание. Даже если это будет последним в моей жизни, я не подведу тебя», — подумал Шон.

* * *

Сара сидела в столовой. Перед ней на подносе лежал бутерброд с ветчиной. Она смотрела на него с отвращением. Пластмассовый хлеб, пластмассовая ветчина, скорее всего, двухнедельной давности. Она не собиралась это есть.

— Давай, мисс Неженка, это всего лишь бутерброд! — засмеялась Брайони.

— Ни за что, — сказала Сара и начала чистить апельсин.

— Тогда почему ты не взяла с собой обед? — спросила Элис, хватая бутерброд с ее подноса.

— Не было времени утром...

— Что? У сверхорганизованной Сары не было времени, чтобы... Ай! — Брайони пихнула ее под стол.

— Прости, я не хотела... Я не подумала... Должно быть, для тебя все сейчас сложно... — мямлила Элис.

— Все хорошо, Элис. Я знаю, что ты имела в виду. — Этим утром не было времени ни

на что. Она была слишком занята, отбиваясь от Гарри и тети Джульетты.

Внезапно что-то щелкнуло у нее в голове. Гарри хотел, чтобы она пошла в школу. Он настоял, чтобы она вышла из дома.

Гарри хотел, чтобы она ушла.

Чтобы он остался там один.

Как она могла быть такой глупой?

Сара вскочила на ноги и быстро начала собирать свои вещи.

— Брайони, пожалуйста, скажи мистеру Макинтайру, что я пошла домой. Скажи, что я буду в порядке, моя тетя там. Я позже напишу тебе...

— Сара, ты в порядке?

— Да, не беспокойся, — сказала она, задыхаясь, и вышла из столовой, затем спустилась по ступенькам, выбежала к главной улице, а затем по Кросс-стрит, вверх по склону к Гейтсайд Роад так, будто ее жизнь зависела от этого. Ее бок пульсировал в агонии, и она думала, что легкие вот-вот взорвутся, но продолжала бежать сквозь полыхающую цветами шотландскую осень, через железные ворота к гравийной дорожке.

Глава 4. Иллюзия

*Если жизнь захочет поглотить мою душу,
Я буду бороться до последнего вздоха.*

— Тетя Джульетта! — позвала Сара, врываясь в коридор. — Тетя Джульетта?

Она проверила комнаты на первом этаже, чувствуя, как нарастает паника, пока Джульетта не возникла на верхней ступеньке, волосы в беспорядке, взгляд рассеянный, будто она только что проснулась.

— Сара, что ты здесь делаешь? Почему ты не в школе?

— Тетя Джульетта... ты в порядке...

— Конечно, я в порядке. Что ты делаешь дома так рано?

— Я... я пропустила спортзал. Я плохо себя чувствовала.

Тень прыгнула с дивана и теперь терлась о ноги Сары. Она выглядела нервной.

— Ты бежала всю дорогу? Ты так тяжело дышишь! Тебе нужно было позвонить, я бы приехала тебя забрать...

— Все хорошо. Я в порядке. Просто хочу пить, — Сара подняла Тень и посмотрела ей в глаза. Они были слишком расширены. Она пыталась сказать ей что-то.

— Иди и присядь, я принесу тебе попить и что-нибудь поесть, может? Что насчет бутерброда с ветчиной?

То, что надо.

— Нет, спасибо. Вода подойдет. Где Гарри?

— Ну, мы мило поговорили утром о твоих родителях. Он задавал так много вопросов... Он сделал мне чашку чая, а потом... — Джульетта выглядела растерянной на секунду. — Потом он пошел вниз, думаю. Да, он пошел вниз. Он все еще в подвале.

В подвале? Как он туда проник? Дверь всегда закрыта! Она судорожно ощупала шею под свитером. Ключ все еще был там, висел на серебряной цепочке. Так, где же он нашел еще один ключ?

— И что ты делала? После того как вы поговорили, — спросила она Джульетту, пытаясь заставить свой голос звучать спокойно.

— Я... Я..., — снова этот растерянный взгляд. — Я села тут, смотрела телевизор, наверное. — Она покачала головой. — Смешно то, что я не могу вспомнить! Я, должно быть, уснула...

Сара почувствовала, как живот скручивает в узел.

— Ну, не беспокойся, тетя Джульетта. Я приготовлю тебе обед. Только пойду, поздороваюсь с Гарри.

Поздороваюсь, именно так.

— Привет, Сара. Ты уже вернулась. Не пошла в спортзал? — Гарри, кажется, тихо материализовался между ними. Они не слышали его шагов.

Сара почувствовала, как сердце колотится в груди.

— Не пошла в спортзал, — ответила она.

— Упражнения пойдут тебе на пользу, Сара. Они сделают тебя сильной и выносливой, — его тон был насмешливым. Уже второй раз за день, Сара почувствовала, что хочет его ударить.

— В любом случае, она поупражнялась — она бежала всю дорогу! — засмеялась тетя

Джульетта.

— Бежала? Почему? Где-то пожар? — глаза Гарри были широкими и искренними.

— Просто хотела домой, вот и все.

— Ну, мне нужно домой ненадолго, — вмешалась Джульетта, положив руку Саре на плечо. — Тревор, наверное, уже вешается дома с девочками. Вернусь вечером.

— Тебе не обязательно, тетя Джульетта, — быстро сказала Сара.

— Будет лучше, если я приду.

— Мы в порядке, Джульетта. Я справлюсь, — сказал Гарри.

Джульетта выглядела неуверенно на секунду. Сара посмотрела на Гарри. Его привлекательное лицо, ясные голубые глаза. Пример надежности.

— Тогда ладно. Ладно. Раз уж ты здесь...

Сара проводила тетю до дверей и крепко-крепко обняла ее. Джульетте было приятно, хоть она и удивилась.

— Береги себя, детка, увидимся завтра, — она посмотрела в лицо Саре. Она была поражена тем, как по-детски, как уязвимо она выглядит. Семнадцатилетний ребенок. Молодая семнадцатилетняя женщина. Одинока в целом мире, но у нее есть она и Тревор.

И Гарри.

Прошел момент, и Сара отвернулась.

— Что ты с ней сделал? — зарычала Сара, как только Джульетта вышла за дверь.

— Я не знаю о чем ты.

— Ты прекрасно знаешь. Она была растеряна. Она не смогла вспомнить, что случилось утром. Я думала, что ты послал меня в школу, потому что хотел побыть один, но ты хотел побыть наедине с ней. Ты задавал ей вопросы о моих родителях. Что ты с ней сделал? — четко повторила она, ее зеленые глаза сверкали. Тень была рядом с ней, ее хвост ритмично и угрожающе двигался.

Она выглядела прямо как Гарри.

— Мне просто нужно было поговорить с ней. Я убедил ее остаться ненадолго, и мы выпили чаю.

— А потом?

— Потом я усыпил ее.

Что?

— Как?

— Как тебя прошлой ночью. Вот так, — он быстро обернулся и поместил руку на голову Тени. У Тени даже не было времени сопротивляться или отпрыгнуть, прежде чем она свалилась в клубочек у их ног.

— Тень! — Сара в ужасе бросилась к кошке. Она положила руку на ее мягкую, пушистую спину... она все еще дышала. С ней, кажется, все было в порядке. Она просто спала.

— Видишь? Ничего плохого. Я научился этому в Японии. Я могу усыплять людей — ну, всех живых существ, — они будут спать крепким сном. Они не проснутся, пока я не скажу. Вот и все, никакого вреда.

— Разбуди ее немедленно! — Сара тряслась. Если Гарри навредит Тени... Она чувствовала, как руки становятся теплыми, начинает сочиться темная вода...

Гарри наклонился и ласково коснулся Тени, прямо между ее ушей. Кошка открыла глаза и медленно и пьяно поднялась, смотря на Сару так, будто спрашивала, что с ней случилось.

Сара взяла ее на руки и зарылась лицом в мягкую кошачью шерсть, вдыхая с облегчением.

— Пойдем со мной, — Гарри пошел из гостиной на кухню и вниз по винтовой лестнице, ведущей в подвал. Дверь была закрыта. Он достал маленький ключ из кармана и открыл ее.

Сара лишилась дара речи.

— Где ты нашел ключ?

— Свои методы. У всех они должны быть, — он улыбнулся.

— Ты просто вор, — сухо сказала она.

Его улыбка превратилась в озорную ухмылку.

— Когда это необходимо.

В подвале царил полумрак. Было прохладно, и заплесневелый запах витал в воздухе. Гарри включил лампы, их теплый золотой свет рассеял тени и заполнил комнату. Сара подошла, чтобы включить электрические обогреватели, и была окутана облаком неожиданного тепла. Со светом и теплом, и золотым сиянием на стенах, Сару охватило чувство, что ее родители были здесь...

Она обернулась к столу Джеймса, и вынуждена была заморгать — один раз, два.

Папа?

Но это был не он. Это был просто Гарри. Эта одышка, это чувство, будто она не могла вдохнуть, будто задыхалась, посещало ее все чаще и чаще.

— Иди сюда и посмотри, — экран компьютера ожил. Гарри достал карту памяти из кармана. — Вот это я искал прошлой ночью.

— Что это?

— Увидишь... Вот. Вот с чем твои родители сталкивались на протяжении последних нескольких месяцев.

Картинки замелькали на экране. Люди. Обычные люди. Мужчины, женщины, молодые и старые, запечатленные в машине, в супермаркете, в ресторане.

— Я не понимаю. Они просто... люди. Демоны убили моих родителей. Мы охотимся на демонов, а не на людей!

— Посмотри внимательнее, — Гарри кликнул на фотографию светловолосой женщины, вызывающей такси. Она отворачивалась, так что профиль было едва видно. Он приблизил, и еще раз, и еще раз, пока экран не заполнили детали ее шеи. На ней была крошечная черная метка, прямо за ухом. Гарри приблизил еще раз.

— Видишь это?

Сара немного прищурилась.

— Выглядит как татуировка. Как... круг. Кольцо.

— Именно. Это кольцо — символ Валайя. Они люди, да, но они хуже демонов, на которых мы охотимся.

Сара почувствовала, как подкашиваются коленки. Она присела рядом с Гарри.

— Это люди, которые...

— Убили твоих родителей. И многих других. Да.

— Ва... Валайя?

— Да.

Сара покачала головой.

— Почему я должна верить тебе? Я даже не знаю. Почему я вообще должна тебя слушать?

— Сара, у тебя нет выбора.

— О, он у меня есть! — закричала она. — Я могу выкинуть тебя отсюда, переехать к моим дяде и тете, забыть обо всем этом...

— Это невозможно.

— Я не доверяю тебе. Я хочу, чтобы ты убрался прямо сейчас!

— Сара, тише.

— Не смей говорить мне, что делать! Ты пришел сюда с кучей рассказов, не имеющих никакого смысла...

— Сара.

— Собирай вещи сейчас же!

Прежде чем она опомнилась, Гарри закрыл ей рот рукой и крепко держал. Она не могла двигаться и говорить, она едва дышала.

Как она могла быть настолько глупой, спрашивала она себя во второй раз за сегодняшний день. Она закрыла глаза и почувствовала, как руки наполняются теплом. Скоро она будет готова напасть. Ее сердце колотилось, и голова кружилась, но она была достаточно сильна, чтобы это сделать, чтобы использовать темную воду. Если Гарри думал, что она беспомощная маленькая девочка, он увидит и сможет подумать еще раз.

— Послушай меня, — быстро зашептал Гарри. — Они здесь. Они сейчас здесь. Они пришли за тобой. Я отпущу тебя. Но ни звука. Если мы не избавимся от них, то будем мертвы... скажем... через три минуты. Хорошо?

Что?

— Хорошо?

Она отчаянно закивала.

Гарри медленно отпустил ее, поворачивая ее лицо к нему, так, чтобы она смотрела ему в глаза. Ее зеленые глаза встретились с его голубыми. Она видела по стальному и напряженному выражению его лица, что Гарри был готов к драке.

Он не врал.

— Где? — прошептала она одними губами.

— Слушай.

Скрип. Она слышала скрип за стальной дверью и рык, глубокий, леденящий душу гортанный рык.

— Есть другой выход отсюда? — прошептал он.

Она покачала головой.

Они посмотрели друг на друга и, соглашаясь друг с другом без слов, поняли, что делать. Они медленно и бесшумно встали. Сара указала на большой деревянный шкаф в углу, предмет мебели шесть футов в высоту и почти такой же ширины. Сара сняла цепочку с шеи и достала еще один ключ, поменьше. Она открыла шкаф, так тихо, как только могла. Внутри была коллекция оружия — арсенал Джеймса.

Сара ненавидела этот шкаф и оружие в нем. Она пожала плечами и указала на него, как бы говоря — выбирай.

По обе стороны дверцы были крючки и два маленьких скин ду в кожаных чехлах свисали с них. Скин ду — шотландское название ритуального ножа, но для мужчин Миднайтов они были больше, чем просто ритуальные ножи. Сара часто видела, как родители осторожно кладут их назад после охоты. Гарри снял их с крючков и протянул ей один, оставив другой для себя.

— Лучший выбор, — прошептал он. — Иди, открой дверь и спрячься за ней.

Сара кивнула. Да, я открою дверь. Нет, я не буду прятаться за ней.

— Ты можешь использовать руки? — прошептала она.

— Я не владею темной водой, — тихо ответил он. Настоящий Гарри тоже не владел, так что ему не пришлось придумывать историю. Джеймс унаследовал этот дар, но не Стюарт, так что у Гарри его тоже не было.

Сара на цыпочках подошла к двери. Больше не было слышно ни скрипа, ни рычания. Все казалось совершенно тихим. Она начала поворачивать ручку, медленно-медленно. Рычание возобновилось.

Сара глубоко вздохнула. Ее руки горели. Она была готова. Одним плавным движением она открыла дверь и отскочила назад в тот момент, когда черное, гладкое, водянистое существо бросилось в комнату, нацеленное прямо на нее. На долю секунды они оказались лицом к лицу. У существа были человеческие черты: водянистые голубые глаза, бледная кожа и лопнувшие сосуды на носу. Лицо мужчины средних лет.

Потом оно открыло рот. В нем было полно зубов, острых, как у собаки.

Сара в ужасе закричала и бросила нож, выставляя руки, чтобы использовать темную воду. В мгновение ока она поняла, что сделала большую ошибку. Очень, очень большую ошибку. Ей нужно было отойти в сторону, как сказал Гарри. Она не была готова, оно откусит ей голову...

Все потеряно. *«Мама, папа, простите меня».*

Она закрыла глаза и ждала.

Но ничего не случилось. Она слышала глухой стук, а потом тишину.

Она осторожно открыла глаза. *«Я все еще жива. Я невредима».*

Существо было на полу, нож Гарри торчал у него в боку.

— Давай, Сара! — позвал, вытаскивая ее из шока.

Сара закрыла глаза, сосредотачиваясь на горящих руках... Она присела рядом с демоном и положила руки ему на голову. Теперь она отчетливо его видела. Это было тело собаки с жесткой, черной шерстью и длинным хвостом, а человеческое лицо выглядело отвратительно неуместно. Сара задрожала от отвращения, когда его мех начал плавиться. Через минуту от него осталась лишь темная вода, стекающая с рук Сары.

Она не могла пошевелиться. Она оцепенела, будто превратилась в камень.

Не пойдя Джульетта домой, она бы погибла. Не вернись Гарри, они обе погибли бы. Миллионы ужасных возможностей охватили ее разум, некоторое время она не двигалась, сидя на корточках и дрожа. Гарри сел рядом с ней.

— Ты в порядке?

Сара посмотрела на свои влажные, черные руки. Она кивнула.

— Это только начало, — прошептал он мягко.

Сара посмотрела на него.

— Они идут за мной?

— Да.

— Почему?

Гарри колебался. Он не мог рассказать ей всего — не мог рассказать, как наследников Тайных Семей убивали один за другим по всему миру, потому что она начала бы задавать вопросы. Мало того, что раскроется его обман, она еще и подвергнет себя опасности. Кто-то из Сабха предал Гарри и убил его — они сделают то же самое с ней. Придет время, когда ей

можно будет узнать правду, но пока он мог лишь защищать ее. Чем меньше внимания они будут к себе привлекать, чем больше у них шансов выжить. Италия стала пристанищем для Элоди и Аико, Шотландия приютила бы Сару.

— Потому что они хотят уничтожить Миднайтов, — решил он ответить. — Когда твоей семьи больше нет, нет и никого, чтобы с ними сражаться. И мы только представить себе можем, что будет, если они одержат верх, если будут спокойно разгуливать по нашему миру...

Сара встала, подняла подбородок, как это делал Джеймс, и пристально посмотрела на Гарри. Она была напугана до чертиков, но не имела другого выбора. Кровь Миднайтов определила ее судьбу.

— Пусть приходят.

Той ночью Сара долго не могла уснуть. День был таким странным, полным потрясений, после которых она еще не совсем оправилась. Она лежала в постели с выключенным светом, смотря из окна на черную пустошь и небо над ней. Она была охотником всего лишь пару дней, и уже превратилась в добычу, так, как и боялась. Все, что она узнала в тот день, крутилось у нее в сознании, будто безумная карусель, и она не могла остановить ее.

Гарри был пугающим — эти ясные, иногда холодные глаза, и что-то в ней реагировало на него, хотя она и не могла понять как именно. Он спас ей жизнь, он открыл ей глаза на еще большую опасность, чем она себе воображала. Он был высокомерным, смеялся над ней, но смотрел на нее, будто она была наивысшей ценностью, будто ее нужно было оберегать и защищать. Он был полон противоречий и не поддавался расшифровке — Сара не могла решить, кто он такой.

Сон прошлой ночи продолжал прокручиваться у нее в голове. Еще одно из тех странных видений, которые приходили к ней с тех пор как умерли родители. Обычно все было просто: она видела жутких созданий, делающих жуткие вещи, и должна была запомнить как можно больше деталей, чтобы ее родители смогли остановить его. Вот и все. Но теперь все изменилось. Видения стали таинственными, загадочными.

Она видела людей, убивших ее родителей — Валайя — но кто был тот бледный, темноволосый юноша? Она думала, что видела его где-то ранее, но не могла вспомнить, где или когда. И та женщина, красивая, светловолосая женщина, которая, кажется, ненавидела ее всем своим существом...

«Ты одинока», — сказала она.

Сара вздрогнула при этом воспоминании. Кто она? И что сделала Сара, чтобы ее так ненавидели? Это было как стихотворение на неизвестном языке: она не могла понять ни слова, но если найдет ключ, то сможет перевести его.

Наконец, глаза Сары закрылись без ее ведома, и она, истощенная, погрузилась в милосердный сон без сновидений.

Глава 5. Мастерница

Замерла во времени.

Ничто не пошевелилось, когда я умерла.

Никто не знал, что я умерла.

Никто.

Кроме моего убийцы.

Кэти

Прошло очень, очень много времени, прежде чем я стала Мастерницей. Ярость и пустота ускорили процесс, безнадежность, с которой я жила, стала моим топливом. Еще десять лет, чтобы найти их — моих Валайя, тех, кто помог мне, и мы готовы.

В тот день, двадцать лет назад, когда разбилось мое сердце, в тот день я знала, что свет потерян для меня навсегда. Я попала в яркий луч света Миднайтов, и сгорела дотла. Все, что я ощущала, было тьмой, и я научилась в ней жить, пока Джеймс с Анной светились, будто ничего не произошло, будто я была лишь воспоминанием, болезненным воспоминанием, стертым как можно скорее.

«Нужно жить дальше», — сказал он.

Я была одной из Миднайтов совсем недолго, я была избрана, чтобы поддерживать род, стать дочерью, которую они потеряли. Я сирота, которую они приняли, как свою. Мы с Джеймсом выросли вместе, мы были миром друг друга, лучшими друзьями и партнерами. Мы влюбились под одобряющим взглядом Мораг. Все было идеально. Мы поженились.

Я его обожала.

А потом все рухнуло.

— Это девочка, — сказала Мораг без тени сомнения. — Теперь я вижу.

Она сидела рядом со мной, будто приглядывала, держала руку на моем животе, ее глаза закрыты. Она не выпускала меня из виду с тех пор как узнала, что я беременна. Она узнала первой, прежде чем я, или Джеймс, или любой медицинский тест могли это выяснить. Она сказала, что увидела во мне искру. Я была так счастлива в тот момент, что даже не нашла слов, чтобы описать то чувство. Ее подтверждение — все, чего я хотела.

И любви Джеймса. Я бы заставила его гордиться. Мне было восемнадцать, и у меня было все. Из нашего окна открывался вид на море, и волны разбивались о берег Айлы снова и снова, и мне очень нравился этот звук. Звук дома.

Я была дома.

— Ты научишь ее. И она будет Провидцем, — сиял Джеймс, глядя на мать.

— Да. Мы присмотрим за ней, — лицо Мораг на мгновение опечалилось. Я знала, что она думала о Мэйриде, дочке, которую она потеряла. Еще одна причина, почему я могла помочь им, помочь им всем. Смягчить боль потери Мэйриды.

Той ночью, когда я пошла, спать, слова Мораг танцевали в моей голове: это девочка. Моя дочь. Будущая Миднайт.

На следующее утро я проснулась в мокрой постели. На четыре месяца раньше срока моя дочь была готова появиться в этом мире.

Но, конечно, не ее тело.

Я держала ее, как куклу, такую холодную, такую неподвижную, слишком потрясенная,

чтобы плакать. Джеймс плакал у моей постели. Мораг стояла у окна, выглядевшая как тринадцатая волшебница, которая прокляла Спящую Красавицу на ее крестинах. Теперь я знаю, что она видела, что ждет нас впереди, что собирался сообщить врач.

На следующий день меня забрали в больницу из-за осложнений, и там нам сказали. Они сказали, что то, что я так долго смогла носить Фейт, было чудом. Что она смогла жить внутри меня целых пять месяцев было чудом, потому что я вообще не могла иметь детей, никогда.

— Есть способы. Пока еще слишком рано думать об этом, но вы можете подумать о приемных детях... — когда врач произнес это, по-доброму держа мою руку, Мораг засмеялась.

Она смеялась.

Конечно, приемные дети не будут наделены талантами Миднайтов. Можно научиться колдовству, но не Провидению, не темной воде и не смертельному взгляду Миндайтов. Они могут лишь передаться с кровью. Мораг смеялась своим горьким смехом, а я плакала и плакала, потому что потеряла дочь и знала, что должно случиться. Я знала, что дальше скажет Мораг.

Я знала, что скажет Мораг, но я никогда, никогда не подумала бы, что Джеймс встанет на ее сторону. *«Джеймс любит меня»*, — говорила я себе снова и снова.

Через неделю я оказалась дома. Из окна мы наблюдали, как выносили маленький белый гроб, а я была слишком больна, чтобы идти с ней — я едва стояла. Именно тогда они решили сказать мне.

— Кэти, дорогая. Не торопись. У тебя столько времени, сколько нужно. Мы найдем место, где ты сможешь жить, где тебе захочется.

Я не воспринимала слова Мораг несколько минут. Кровь звенела у меня в ушах, и комната кружилась. Уже. Она уже прогоняет меня.

— Джеймс, — взмолилась я.

Он был в растерянности, и я это видела. Он сидел на кровати и обнимал меня, гладил волосы, позволяя плакать на своем плече. Его собственные слезы смачивали мою ночную рубашку.

— Любовь моя...

Конечно, он не отпустит меня? Конечно, он откажет Мораг, он же сказал, что хочет меня, не смотря ни на что?

— Кэти, — он так крепко прижал меня, что я была уверена, что он не отпустит. Он по-настоящему любил меня, слишком сильно, чтобы так поступить.

А потом он взял меня за плечи и посмотрел мне в глаза. Его лицо было таким красивым, как всегда, эти невероятно зеленые глаза, как весенний лес.

— У тебя столько времени, сколько нужно, — сказал он.

Мое сердце разбилось в тот момент, и никогда больше не стало целым. Джеймс, моя единственная и первая любовь, мой муж, тоже прогонял меня.

Я пыталась уйти тихо. Я пыталась держать голову прямо, когда садилась в машину. Я ненавидела себя, когда вместо этого я побежала в объятия Джеймса и молила его не отпускать меня.

— Мне жаль. Мне так жаль, — сказал он. — Я не могу пойти против моей семьи.

Когда Мораг взяла меня за руку и отвела к машине — это была последняя степень унижения. Я посмотрела ей в лицо, искала ее прошлую любовь ко мне, хоть какое-то

сострадание. Но ничего из этого не увидела.

Я была сломлена, одинока. Бесполезна. Плакивала свою дочь, свою потерянную любовь, семью, которая была моей.

Плакивала мать, которой я никогда не стану.

Анна проскользнула на мое место в семье Миднайтов. Может она тогда уже ждала и надеялась, я не знаю. Я помню, где была, когда узнала. Жестоко, но я прочитала в журнале. Видите ли, мы с Анной учились музыке вместе. Она была потрясающей, абсолютно потрясающей, и ее ждала превосходная карьера. Она уже заявляла о себе, даже несмотря на молодость. Я наблюдала за ее успехом с радостью и толикой гордости, потому что она была моей подругой. Мы всегда соревновались, но когда я стала женой Джеймса, моя карьера больше не имела для меня смысла, так что я совершенно не завидовала Анне.

Джеймс с Анной познакомились через меня, мимоходом. Едва обменялись парой слов. Она была так не похожа на меня — темноволосая, маленькая, застенчивая, всегда пытающаяся спрятаться подальше. Я действительно не думала, что Джеймс посмотрит на нее дважды.

А теперь они женятся. В журнале страница за страницей печаталось об их свадьбе на Айле, Анна стояла в белом на фоне моря, Джеймс с улыбающимися глазами, такой красивый в этом килте. И Мораг. Высокая, гордая, не улыбающаяся. Ее сфотографировали, когда она смотрела на своего сына и его жену, и она смотрела на них так, будто они были ее собственностью.

Я помню, как чувствовала себя больной от зависти, и, спотыкаясь, пошла к реке, думая, что для меня теперь есть лишь один путь. Я сидела на каменной скамье и пыталась найти в себе мужество прыгнуть. Я хотела, чтобы вода сомкнулась над моей головой. Я не хотела больше видеть или слышать или вообще быть. Я хотела остановить боль.

Я не смогла. Мои конечности не реагировали. Я не смогла выключить инстинкт самосохранения. Я не смогла достаточно сильно пожелать себе смерти.

Так что я продолжила жить. Я делала то, что делала Анна перед женитьбой, и теперь я была в журналах, на телевидении и в концертных залах всего мира. Я была бесплодна, но обладала талантом, о котором даже не знала до того момента. Мои пальцы порхали над фортепиано быстро, как птички. Я переложила все свое горе в музыку, и люди откликнулись.

Но я избрала холодный и безрадостный путь.

От меня ничего не осталось. Снаружи все выглядело так, будто я обзавелась замечательной жизнью: Кэти — молодой музыкальный талант, пианистка, композитор, забирающий все награды. Но, как это часто бывает, все оказалось не таким, как представлялось. Анна воплощала в реальность единственную мечту, которая имела для нее значение — Джеймс и его миссия, миссия, которая была моей, а теперь она сделала ее своей. Я знала, как она была счастлива, потому что знала, какой счастливой была бы сама на ее месте. Я бы отдала все — музыку, работу, жизнь, чтобы снова быть Миднайтом, чтобы быть с Джеймсом.

Пока Анна жила с Джеймсом, пока она училась магическим навыкам у Мораг Миднайта, я жила и жила, бежала ни к чему, по крайней мере, ни к чему значительному. Люди, восхищающиеся и аплодирующие стоя, награды, важные концерты — все это было ничего не значащим водоворотом.

Вопреки всему, что думали люди, не Анна проиграла в нашем пожизненном

соревновании, а я. Я, известная, богатая, потерявшая все. Любой шанс на счастье был утерян. Моя жизнь была пустой, и не собиралась меняться.

Пролетел слух, что у них родилась дочь. Я играла в Гонконге, когда узнала. Я чувствовала себя так плохо, что думала, что пропущу концерт. Их жизнь мелькала передо мной, как трофей, мучая меня каждый день, каждую ночь, пока я играла свою бездушную музыку по всему миру. Я знала, что Джеймс жалел меня из-за того, что сам же оставил в дураках. Анна не жалела, не ненавидела, не боялась меня — она просто обо мне не думала. Я даже не заслуживала мыслей, я была так далеко от их жизней. Я не имела значения. Я не существовала.

Я была в тумане, и мне казалось, что прошли годы, что я была лунатиком в собственной жизни, желая себе смерти. Когда я пришла в себя, то ясно понимала: я должна быть как Миднайты, я должна стать ими, чтобы их уничтожить.

Миднайты подожгли мою жизнь, и она сгорела, а они ушли, но оставили кое-что, как драгоценный камень, оставшийся нетронутым под золой и пеплом моего существования. Это был небольшой комоч знаний, темные семена, которые я могла бы посадить и наблюдать, как они прорастут, и бледные корни будут питаться моей мечтой. Тайные знания, которых не коснутся Миднайты, которые ждут, чтобы до них докопались, хотят прийти в жизнь. И я это сделала — я оживила их.

Как и Анна, я не была из магической семьи. Кровь, текущая в моих венах такая же простая и обычная, как и ее. Но у нее были наставники — Джеймс и Мораг, которые за руку отвели ее в удивительный, захватывающий и опасный мир, в котором они жили. Я была обучена лишь слегка, совсем слегка. Остальное я сделала сама.

Десять лет я училась открывать реки времени, десять лет потребовалось, чтобы научиться перемещать их в нашу реальность — существ, которые бродили по земле до нас. Демоны — так называли их позже. Суари — их настоящее имя на древнем языке первых человеческих племен. Легенды и мифы повествуют о них. Они есть в фольклорных историях каждой страны. Сверхъестественные существа, так их иногда называют, но в них нет ничего сверхъестественного. Они — создания природы, подобно нам, только намного более древние. Они кажутся неестественными, потому что не принадлежат этому времени, потому что не должны быть здесь, среди нас.

Но они здесь, и они наступают.

Девиз Миднайтов: *«Не позволяй им разгуливать по нашему миру»*. Мой девиз: *«Пусть идут»*.

На Миднайтов и другие Тайные Семьи была возложена обязанность — отправлять демонов обратно туда, откуда они пришли — в первобытные воды, которые покрывали Землю в начале времен, пока я и мне подобные сдвигали поток времени, чтобы они прибывали сюда.

Там разрешено вызывать к Суари, магия которых так же сильна, как и наша. Некоторые из нас, как члены моего Валайя, могут вызывать лишь Фералсов, звероподобных демонов, очень сильных, но мало что понимающих. Фералсы — жестокие, бездумные чудовища. Они также могут попасть в наш мир случайно, на сгибе времени и пространства, ничего не подозревая, не нарочно оказаться на незнакомой земле. В конечном итоге они обосновываются в канализациях, непригодных для жизни зданиях, нескольких уголках дикой природы, оставленных нами, роясь в отбросах и убивая, чтобы выжить.

Некоторые из нас, и я, естественно, знают достаточно, и достаточно сильны, чтобы

вызывать Высших, сильнейших, и они делают намного больше, чем просто убивают без причины. Высшие демоны хотят быть призванными, они жаждут вернуться и снова править на земле, и мы можем использовать их желания ради собственной выгоды. У них есть Слуги, приспешники, которых они используют как сторожевых псов.

Не так легко держать Высших под контролем и не дать им поглотить нас самих, подчиняя себе Фералсов, — это требует всех наших навыков и бесконечной бдительности. Я чувствую, что Высшие планируют превратить Валайя из сборища людишек с демонами на побегушках в сборище демонов с людьми на побегушках. Я чувствую, что они затаились, ожидая своего часа. Они никогда не добьются успеха — это мое требование, или темнота постигнет мир раньше времени. Я не проявлю никакого милосердия, как его никто не проявлял ко мне.

Мои Валайя — не единственные. Много Тайных Семей по всему миру, много и нас. Много Валайя, много Мастеров и Мастерниц, у каждого свой демон, своя территория. И в главе всех нас...

Я не могу сказать. Я не могу сказать, кто ведет нас, чьи приказы я выполняю. Я знаю лишь, что Времена Демонов снова наступают, и мы, Мастера и Мастерницы всего мира, мы будем подниматься и править. Тайные Семьи исчезнут навсегда, и ничто, никто нас не остановит. Этому уже положено начало. Наследники Тайных Семей умирают по всему миру, и это кровавая жатва.

Но Сара — Сара моя. Я положу конец ее жизни.

Джеймс с Анной остались в лучах света, золотая пара в их идеальном мире. Я жаждала тьмы, ведь что еще мне оставалось? Я хотела быть как они, я хотела быть ими, но все что я могла сделать — это стать их отражением, их обратной версией.

Вы скажете, что я жила в кошмаре, но правда в том, что моя жизнь превратилась в кошмар в тот день, когда я встретила Миднайтов. Я вынуждена нести эту ношу, и буду свободна лишь тогда, когда они все умрут, до последнего.

Миднайты сами научили меня лгать, и я хорошо училась. Меня зовут Кэти Дагган для всех остальных, но в сердце я — Кэтрин Холлоу. Мастерница.

Глава 6. Вниз

Я призываю свои кошмары

Снова и снова

Я сама —

Свое разрушение

Сара сидела у окна и наблюдала за тем, как лунный свет падает и распространяется по пустоши. Тень спала у нее на коленях. Странно, как даже несмотря на то, что наши жизни были разбиты и склеены заново, несмотря на то, что они стали нам чужими, и даже если мы хотим, чтобы что-то изменилось, даже тогда звезды не меняются местами, ветер дует так же, как и всегда, и все еще наступает рассвет. Мир такой, как прежде, но все же что-то изменилось. Будто произошел незаметный сдвиг земной оси — незаметно для глаз, но имеет огромные последствия.

Сара уже оделась: черные леггинсы, блузка, короткая черная юбка и ее привычные сапоги. Волосы были собраны в идеальный хвост, как и всегда. Она спала всего лишь четыре часа, но сон был тяжелый. Она чувствовала себя странно отдохнувшей. Как пружина, готовая к прыжку.

Она думала о прошлой ночи, о том демоне-псе, напавшем на нее в ее собственном доме. Никогда, никогда прежде существа не вламывались в дом Миднайтов. Но теперь, когда ее родителей больше нет...

Ясно одно: она не станет сидеть сложа руки и ждать, пока ее убьют.

Валайя. Люди, а не демоны. Как она, как ее друзья, ее учителя, соседи, одноклассники. Люди, заглянувшие в бездну и решившие полюбить ее, сделать своим местом. Они заключили союз с древними силами земли, чтобы вернуть ее себе. Она никогда не могла подумать, чтобы кто-нибудь по доброй воле вступил в союз с демонами. Не после всего, что она видела.

В тысячный раз она просмотрела список имен, переписанный из файла родителей прошлой ночью.

Майкл Шеридан

Шейла Дуглас

Джон Бертон

Кэти МакХарг

Саймон Ноулесс

Мэри Бреннан

Кэтрин Холлоу

Сара опустила голову на руки. Я никогда раньше не причиняла вред человеку. Я не хочу, не могу...

Стук в дверь.

— Сара, ты не спишь? — Это Гарри.

— Нет, входи.

Он выглядел ужасно, с фиолетовыми тенями под глазами, в выцветшей футболке и тех же джинсах, что и вчера.

— Ты нормально спала? — спросил он.

— Недолго, но нормально. А как ты... не спал?

Гарри улыбнулся.

— Именно. Хочешь кофе?

— Я сделаю, — даже в самых драматических обстоятельствах, Сара не собиралась отказываться от своего безупречного капучино.

По дороге вниз она остановилась у зеркала и посмотрела на себя. Она ничего не могла поделать с ощущением тепла, каким-то образом, растекающимся по ее венам даже среди всего этого страха и горя. Потому что Гарри был здесь, и она не одинока.

Сидя за обеденным столом, Гарри и Сара попивали капучино в тишине. Вдруг зазвонил телефон. Они оба подскочили, будто получили электрический разряд.

— Это всего лишь телефон, — засмеялся Гарри. — Какие мы нервные!

Но это и не удивительно.

Сара пошла, отвечать, и вернулась через несколько минут.

— Это была тетя Джульетта. Она хотела, чтобы я провела с ними день. Мне удалось убедить ее, что я слишком занята.

— Ты занята. Сегодня мы начинаем.

Сара почувствовала, как живот скручивает от страха. Что начинаем?

— Какое имя первое в списке? — ясные глаза Гарри сияли. Сара видела, как он взволнован. Он любит охоту, прямо как любили мои родители.

Вдруг пришло понимание: я не похожа на них. Я все это ненавижу. Это моя обязанность, но я никогда не хотела ее.

— Майкл Шеридан, — прочла Сара. — Гарри...

— Прекрасно. Пошли за ножами.

— Как ты узнал, где нам их найти?

Гарри поднял свой Айфон.

— У меня есть... люди. Друзья, которые ищут для меня информацию.

— Ну да. — Изворотливо. — Гарри, я не могу...

— Не можешь, что? Ты не можешь просто сидеть тут и ждать следующего нападения, не так ли?

— Так. Но я не могу охотиться на людей.

— Мы не будем охотиться на людей в списке. На Суарри, призванных служить им. У Вайаля ушли годы на то, чтобы узнать достаточно, чтобы призвать их. Еще годы, чтобы призвать остальных. Без них они будут практически беспомощны.

Сара закрыла глаза. Еще столько нужно научиться, столько узнать. Целый новый мир, новая жизнь. Пугающая, намного хуже, чем ее прошлая жизнь. А та и так была достаточно ужасной.

«Как я это все ненавижу», — подумала она и сразу же начала задыхаться, тревога сжала ее легкие так, что воздух не мог их наполнить.

— Гарри, если мы пойдем искать демонов посреди бела дня, нас кто-нибудь увидит, и люди запаникуют!

— Скажем, сегодня мы собираемся на разведку. Просто увидим, с чем имеем дело. Пошли за ножами. Кстати, не против, если я возьму нож твоего отца? У меня есть свой, но он хорошо лежит в руке. Такой легкий. Настоящее удовольствие.

— Скин ду? Конечно. Забирай. Но если мы идем только на разведку, зачем ножи?

— Нельзя ходить без ножа. Я узнал это в Японии... На своей шкуре, — Гарри поднял левую руку. На ней был глубокий, белый шрам от локтя до запястья. Он снова улыбался той

высокомерной улыбкой. Она заметила ямочку на щеке. — Кроме того, я еще могу делать кое-что с лезвием.

— В смысле?

— Увидишь.

— Ты тогда бери нож. У меня есть темная вода, — сказала Сара, не отступаясь от своего.

— Возьми нож. Поверь мне.

— Не буду, — выражение ее лица было таким мятежным, таким детским, что он ничего не смог поделать с улыбкой.

— Ладно. Тогда пусть это будет услугой. Для блудного кузена.

Сара сдалась. Она закатила глаза и пошла к винтовой лестнице, ведущей в подвал.

— Твой нож не в подвале. Он под твоей подушкой.

— Под моей подушкой? Как он туда попал?

Гарри улыбнулся и не ответил. Сара почувствовала, как живот скрутило. Он снова это сделал. Он усыпил меня. Как же это странно. Он может усыпить меня, а я ничего не вспомню.

Она пошла наверх, в свою комнату и достала нож из-под подушки. То, что она помяла свою идеальную кровать, заставило ее поежиться. Она снова ее осторожно застелила. Потом она сорвала одеяло и снова застелила его. Глубокий вдох. Так лучше.

Она вернулась вниз, держа нож двумя пальцами, будто это что-то отвратительное.

— На тебе есть носки? — спросил Гарри.

— Что?

Он поднял штанину до колена, чтобы показать скин ду, привязанный кожаными ремешками.

Оу.

— Нет.

— Ладно. Тогда повернись.

— Зачем?

— Просто повернись. И подними рубашку.

— Что?

— Я хочу показать тебе, где носить нож. Мэри-Энн показала мне.

Мэри-Энн. Ну да.

Сара густо покраснела, но повиновалась. Она повернулась и подняла рубашку. Гарри просунул нож в бюстгальтер, прямо на ее спине, прикасаясь к коже теплыми, проворными пальцами. Сара быстро опустила рубашку и отошла.

— Подвигайся.

— Я ничего не чувствую.

— Именно. Теперь попытайся достать скин ду.

Сара подняла руку, завела ее за спину и ее рука наткнулась на нож. Она плавно вытащила его.

— Идеально.

— Мне не нравится ходить с оружием.

— У тебя нет выбора.

Нет. Мне не дали выбора, когда я родилась Миднайт.

Глава 7. Место между водой и небом

*Завтра настанет время
Раскрыть все твои секреты*

Гранд-Айл, штат Луизиана

Дорога белой лентой извивалась между мангровыми зарослями, редкими болотами и стоячими водоемами. Воздух был тяжелым и влажным, никакого намека на ветерок. Прямо на линии горизонта, едва заметно поблескивая, было море.

— Итак... ты играешь на осетинской гармонике? — лицо Найла было безмятежным и открытым.

— Такое лицо обычно у людей, которые не слишком утруждают себя мыслями. *«Или вообще не думают»*, — предполагал Майк уже несколько раз с момента их первой встречи несколько дней назад.

— Играю на чем?

— Осетинской гармонике, официальном инструменте Луизианы.

— Конечно. И ем джамбалаю, занимаясь ритуалами вуду.

— Правда? — глаза Найла расширились от энтузиазма.

— Нет.

— Оу. О, ну, ладно. — Пауза. — Господи, это аллигатор?

— Это упавшее дерево, Найл, — вздохнул Майк. Этот ирландец испытывал его терпение.

— Неужели дерево? Ладно, видимо и музыка здесь отличная. Может, поищем?

— Сегодня не праздник.

— Я знаю, но так мы можем убить двух зайцев одним выстрелом...

— Ты не мог бы относиться ко всему серьезнее? — Майк был раздражен. С тех пор, как он подобрал Найла в той разрушенной деревне Скерри, или как там ее, он вел себя так, будто это было просто веселое путешествие. Если бы мать Найла, глядя ему в глаза, не сказала бы «Присмотри за ним, пожалуйста», с этим их певучим акцентом... Если бы не то, что сказала Мэри Флинн, Майк подумал бы, что Флиннам совершенно все равно. Или, что они не знают. Но нет, они знают, и они напуганы.

Просто Найл был... Найлом.

— Я отношусь серьезно. Смотри. У меня есть швейцарский нож.

— Что есть?

— Швейцарский нож. В кармане.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Это точно спасет нам жизни, — Майк включил радио и увеличил звук настолько, насколько мог.

Найл Флинн, Тайный наследник семьи Флинн. И он просто чокнутый. Я должен сохранить ему жизнь. Удачи мне. Будто Врага недостаточно, мне еще нужно остерегаться Сабха.

Его телефон завибрировал.

— Это сообщение. Можешь прочесть?

— Конечно. Это от Шона. Он спрашивает, близко ли мы, — «Д-А». — Вот. Отправлено
Странно, что здесь есть связь.

— Для большинства людей — нет. Для нас есть.

— Это действительно глушь.

— Сказал человек из Донегала.

Найл засмеялся.

— Хорошо подмечено.

Майк выбрал их укрытие. Здесь Найл в безопасности, и отсюда можно будем помочь Шону с его миссией. Шон Ханни был единственным Егерем, кто знал, куда они направляются — домой к Майку в Гранд-Айл, Луизиана — очень далеко от дорог. На побережье, в окружении болот, куда редко рискуют приходить люди.

— Гранд-Айл. Самое красивое место на планете, — подумал Майк. — По крайней мере, я увижу дом, перед тем как они убьют меня.

Это была просто хижина. Лачуга.

— О, здесь так прекрасно, — прокомментировал Найл без тени сарказма в голосе.

— Стоит отдать ему должное — ему легко угодить, — подумал Майк, оглядываясь в пыльном, сыром, кишачем пауками маленьком домике, который им придется называть домом... неизвестно сколько времени.

Они принялись за работу, и через несколько часов домик был чист, генератор запущен и гудел, и заработали компьютеры.

— Вот. Тебе предстоит честь впервые говорить с Шоном из нашего убежища в Гранд-Айл, — Майк передал Айфон на громкой связи Найлу. Всего через один гудок голос Шона наполнил комнату.

— Майк?

— Это Найл.

— Все в порядке? Все чисто?

— Думаю, да. И как здесь красиво! Море просто необыкновенное, а пляж...

— Э... да. Ладно. Майк там?

— Я тут, Шон.

— Этот парень серьезно, что ли?

— О да. Луч света для всех нас, — Майк закатил глаза. Найл засмеялся, и его глаза озорно засияли, что заставило Майка улыбнуться. Искренне улыбнуться.

— Мне нужна твоя помощь, Майк.

— Валяй.

Майк

Вот что мне нужно делать. Помогать Шону из безопасного места. Присылать ему нужную информацию.

Я вообще не планировал приглядывать за наследником Тайной Семьи. Я вообще ничего не знал из этого хаоса, пока меня чуть не сожрала та... штука, чем бы она ни была. Она вылезла из моего шкафа. Серьезно, из шкафа!

Эй, да я и становиться Егерем-то не планировал! Я был всего лишь фотографом и хакером в свободное время. Вот и все. Пока мой шкаф не превратился в гнездо Фералов — так они их называют. И поэтому я встретил Гарри Миднайта.

Интересно, сколько людей в мире говорили так:

Я был всего лишь... бухгалтером, почтальоном, домохозяйкой — без разницы — пока не встретил Гарри Миднайта.

Он изменил жизни многих людей. Включая мою. Тренировка Егеря было самым

сложным в моей жизни, но я сделал это и стал одним из лучших. У меня нет Скрытых талантов и магических сил, но, приятель, я нужен им. Особенно сейчас, когда Сабха плетет свои интриги, и сражаться можем лишь мы — небольшая группка преданных Гарри людей. Насколько мы знаем, все не в нашу пользу, но, что я могу сказать? Я всегда любил вызовы.

— Спасибо, Майк.

— Как там цапля? — Цапля — это кодовое имя для Сары. Так что, если разговор будет перехвачен, они не смогут провести никакой связи с Миднайтами.

— Цапля в порядке. Напугана, но держится.

— Продолжай в том же духе.

— Эй, Шон, какие новости в Шотландии? Узнал что-нибудь? — вмешался Найл.

— Например?

— Никаких концертов?

— Иииии нам пора. Спокойной ночи, Шон, — Майк поднес руки к вискам, массируя их круговыми движениями.

— Спокойной. И Найл...

— Да?

— Держи себя в руках.

— Будет сделано! — бодро и без обид ответил Найл. Его было просто невозможно расстроить.

— На твоей родине все такие, что ли? — Майк возился с провизией: консервы, сухое печенье и, конечно, несколько бутылок бурбона для стабилизации потрепанных нервов.

— Не-а. Только я. Теперь, почему бы тебе не налить нам чего-нибудь, пока я пойду за едой?

— Но здесь нет ни одного магазина на целые мили. Сегодня мы едим фасоль и консервированные персики, — Майк помахал банкой в воздухе.

— Не нужны мне магазины. Скоро увидимся.

— Дай мне минутку, я с тобой.

— Не думаю, что ты сможешь. Вернусь через час, — Найл схватил пару полиэтиленовых пакетов, которые они использовали для упаковки оборудования Найла, и скрылся за дверью.

— Лучше не оставлять тебя одного...

— Я буду в порядке! — прокричал он, исчезая во влажной, кишасей комарами Луизианской ночи.

Через час, как и обещал, Найл вернулся. Пакеты были полны свежевывловленной рыбой. Она была живой и все еще дергалась.

Майк лишился дара речи.

— Как ты это сделал?

Найл пожал плечами.

— Костер на пляже? С огромной неоновой вывеской «Тайный наследник здесь, прошу, нападайте»?

— О, да ладно тебе, никто не знает, что мы тут. Мы в безопасности. И мы не сможем приготовить все это на кемпингской печи. Пошли.

Горящие коряги потрескивали синими и зелеными огоньками, отбрасывая странные тени на лицо Найла. Снова Майк гадал, что же делает этого парня таким особенным, что они охотятся на него. На них всех, и с такой яростью.

— Итак, в чем твой дар?

— Я играю на всем, чего касаюсь. Скрипка, волынка, флейта. Я могу играть на всем.

— Круто. Это действительно нужный талант. Я имел в виду твой Секретный дар? Знаешь, эти чудные штуки, которые вы, наследники, творите.

— Ах, да. Я пою.

Ладно.

— Я понял. Ты играешь на всем и поешь. Человек-оркестр. Но, что ты можешь делать, как твоя семья... ну, знаешь. Тайная Семья.

— Говорю же, мы поем. Мы можем загипнотизировать пением, оглушить, убить. Или вылечить.

— Потрясающе, — Майк был искренне впечатлен.

— Думаю, да. О, а еще я Провидец в нашей семье. Мне снятся сны о демонах, потом мы идем по их следу и убиваем, — лицо Найла внезапно начало казаться другим. Старшим.

— Оу, — он Провидец. Не завидую тебе, приятель.

Они не говорили какое-то время. Они наблюдали, как мерцает, трещит и шипит огонь. Шум костра и плеск волн были единственными звуками.

Найл нарушил тишину.

— Ну, в общем, ты не играешь на осетинской гармонике? Ты же не ответил тогда... Эй, куда ты?

— Налить себе еще бурбона. Я заслужил его.

Глава 8. Духи Воздуха

Я вижу тени за улыбками.

Мои ночи длиннее моих дней.

Они взяли Лэнд Ровер Джеймса. Гарри водил как ненормальный. Сара цеплялась за сидение, молясь пережить эту поездку.

— Где ты водить учился? — спросила она, стиснув зубы. Она была еще бледнее, чем обычно.

Гарри улыбнулся и промолчал.

— Если мы доберемся туда живыми, обратно веду я.

— У тебя нет прав.

— Все равно это будет безопаснее.

Через полчаса они пересекли город. Гарри остановился перед темным, впечатляющим зданием в викторианском стиле. Металлическая табличка гласила: Библиотека Сообщества Крокетфорд.

— Пошли.

— Подожди, Гарри...

— Чего подождать?

Сара открыла рот, чтобы ответить. Но ничего не пришло в голову. Да, чего ждать?

— Тогда ладно. Пошли, — сказала она неохотно. Она поднесла руку ко лбу. Она чувствовала, как голова начинает болеть.

Они подошли к залитому неоновым светом входу. Здание выглядело скорее как церковь, чем библиотека, со сводчатыми потолками и серыми каменными стенами. Везде витал заплесневелый запах, как в большинстве старинных зданий. Холодный неоновый свет совершенно не сочетался с таким местом, придавал ему мертвый вид, словно в операционной.

Сара подняла взгляд к темному, невероятно высокому потолку, и ее голова закружилась.

Все случилось за одно мгновение. У нее было достаточно времени, чтобы увидеть отражение своих глаз в каменной дуге над головой, а затем церковь, превращенная в библиотеку, исчезла.

Сара находилась в полутьме. Запах мха и мокрой земли ударил в нос. Она вытянула руки вперед, пытаясь найти выход, но они встретились с ледяным, твердым камнем. Она заморгала, пытаясь привыкнуть к приглушенному свету, и заметила луч солнечного света где-то позади себя. Она обернулась и бросилась на колени, пытаясь дотянуться. Она поползла и протолкнулась в проход, в спешке ударившись спиной о твердый камень. Первое, что она увидела, когда выбралась — огромные серые камни, стоящие кругом вокруг нее. Она поняла, что вылезла откуда-то из-под этих камней.

Она была на зеленом холме, под фиолетовым небом, и место казалось застывшим во времени. Тучи неслись над головой, и ветер ревел в ушах. Каждый цвет казался ярче, и свет был странным, резким и в то же время приглушенным, слабым, словно вечные сумерки. Она оглянулась, посмотреть был ли здесь кто-нибудь еще. Она поняла, что была там одна, и стала ждать.

Ветром ей принесло что-то крошечное и черное, как семечко. Оно подлетело к ее лицу и скрылось на шее. Сара подняла руки и почувствовала острую боль выше груди.

Там что-то было. Она сняла футболку как можно быстрее, и от ветра ее кожа покрылась мурашками. Теперь она видела — что-то маленькое и черное на ее коже, как пиявка. Оно питалось ее кровью и начало расти, расти, и распухало по мере того, как выпивало все больше. Сара попыталась вызвать темную воду, но ее руки не теплели. Она не могла заставить руки гореть, ей было так холодно, и откуда-то внезапно появилась такая слабость...

Сара всхлипнула и попыталась вытащить демона из кожи, но он не двигался. Ей стало дурно. Теперь он был размером с футбольный мяч, полный ее крови. Она дрожала, пока демон питался из нее.

Она закрыла глаза и ждала смерти. В ее снах это случалось уже так много раз, она умирала так часто, и каждый раз это было больно и ужасно, как в первый. Она скрутилась в клубок, чувствуя, как слеза скатывается по щеке.

Сара моргнула, и в следующую секунду кто-то появился перед ней.

Это был бледный, темноволосый парень, снившийся ей до этого. Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, словно его только что ударило молнией. Его глаза сияли, как обсидиан, кожа была белой, а волосы такими темными, что казались почти синими. Небольшой стих, который она однажды прочла в книге сказок, прозвучал у нее в голове:

Красное, как кровь.

Белое, как снег.

Черное, как тьма —

Крыло ворона.

— Это ты, — просто сказал он, будто знал ее вечность. Будто узнал ее.

Сара посмотрела ему в глаза. Она подумала, что видела полыхающий огонь в них, как горящие угли. Но когда он моргнул, огонек уже исчез. Бледный парень держал что-то, прижимая к сердцу обеими руками, но Сара не видела что именно. Странное чувство накрыло ее, словно все мысли вдруг исчезли, будто она больше не могла думать. Было чувство, что небо и земля поменялись местами — она была дезориентирована, голова кружилась.

Мне должно быть больно, я должна бояться. Но я ничего не могу чувствовать.

Он сел рядом с ней на колени и коснулся ее волос — нежно, медленно. С этим прикосновением Сара почувствовала, как все мысли испарились из ее головы, оставив лишь одну — он был здесь, с ней. Его черные глаза были словно заклинанием, ведущим ее сквозь страх и боль, будто весь мир исчез и забылся. Она не могла оторвать взгляда, она была потеряна в его глазах, будто тонула в темном бассейне.

Парень поднял руку и приложил палец к распухшему существу на груди Сары. Всего один палец, одно прикосновение, и демон воспламенился. Он горел, пока не превратился в ручку пепла, летящего по ветру.

Почему я не горю? Я должна загореться, мне должно быть холодно, но я не могу почувствовать ничего. Я должна быть напугана, но нет. Я не могу думать.

Темноглазый парень снял куртку и завернул Сару в нее. Она была так слаба, что не могла пошевелиться. Она хотела лишь посмотреть ему в глаза.

— Это ты, — повторил он, будто не мог поверить своим глазам.

Что он имеет в виду?

— Да. Это я, я Сара Миндайт.

— Я останусь с тобой, пока сон не закончится, — прошептал он. У него был глубокий,

теплый голос. Он звучал, будто доносясь издалека, с отголоском эха. Будто в пещере.

Сара вздохнула и снова закрыла глаза. Он держал ее за руку, пока сон не исчез.

Сара открыла глаза и поняла, что прижималась к Гарри, ее голова на его плече, его руки вокруг ее талии удерживали ее от падения. Он прислонил ее к холодной каменной стене. Она попыталась освободиться, но ее ноги все еще тряслись, и ей пришлось держаться за него еще немного.

В ту секунду, когда она поняла, что чувствует себя достаточно хорошо в объятиях Гарри, что его тело казалось сильным — намного сильнее, чем ее, и такое безопасное — она неуверенно отступила назад, смущаясь.

— Ты в порядке?

Сара кивнула.

— Видение? — прошептал он.

Сара снова кивнула.

— Они появляются, даже когда ты не спишь?

— Иногда. Не часто. Кто-то видел?

— Нет. Я поймал тебя, когда ты падала. Я притворился, что мы страстно обнимались, — он улыбнулся, и эта улыбка должна была быть дерзкой, но получилась какой-то смущенной. Сара отвернулась.

— Что ты видела?

— Демона, но не знаю где. Какое-то странное место. Нереальное. Я расскажу позже, в машине. Пошли, — снова странное видение. Никакого намека на то, где та пиявка находится... и снова тот бледный, темноволосый парень...

Они прошли в главный зал. У задней стены был датчик, закрытый книгами и листовками, и соединенный через одинаковые промежутки с компьютерами. Трое сотрудников со скучающим видом сидели перед ними — две женщины и мужчина.

— Это он.

Сара проследила за взглядом Гарри. Мужчина средних лет, почти лысый, рубашка натянута на его значительном животе. Мужчина, похожий на многих других, такие люди могут быть вашими учителями, или проверять ваши билеты в поезде, или соседом, с которым вы будете здороваться солнечным утром, пока он косит свой газон. Глядя на него, никто бы не смог вообразить секреты, которые он скрывает, или жуткие вещи, которые он натворил.

Майкл Шаридан, первое имя в списке моих родителей.

Это жалкое подобие человека убило моих родителей. Сара почувствовала тошноту.

— Что нам делать?

— Мы попросим его отослать своего демона туда, откуда он явился.

— Здесь? На глаза у всех? — прошептала Сара взволнованно, указывая на пенсионеров за компьютерами, группу школьников, слушающих рассказ, женщину средних лет, протирающую полки с DVD.

Гарри решительно подошел к стойке.

— Доброе, — Майк поднял голову от того, во что был погружен, и увидел Сару, — утро, — закончил он. Медленно он растянулся в улыбке.словно крокодил обнажает зубы. Сара почувствовала холодок, пробежавший по спине. *«Это место полно зла»*, — подумала она. Она чувствовала его вокруг, словно слой паутины.

— Я ищу книгу-ужастик. Новое издание, — сказал Гарри холодно. *«Очень подходящее оправдание»*, — подумала Сара.

— Конечно. Раздел ужасов в задней части здания. За мной, — голос Майкла звучал радостно, будто он рад помочь. Жутко.

Они пошли дальше. Библиотека оказалась больше, чем подумала Сара, комната за комнатой, книжные полки под странным углом, как лабиринт. Сердце Сары билось слишком быстро, инстинкт подталкивал — она чувствовала, как руки покалывает, готовилась.

— Вот мы и пришли, — Майкл остановился и обернулся. — Раздел ужасов. Сара Миднайт, для меня честь встретится с тобой лично, — он улыбнулся своей клыкастой улыбкой. В уголках его рта собралась слюна.

— А для меня это отвратительно.

Улыбка Майкла не исчезла, лишь глаза похолодели.

— Я не ожидал, что ты все еще будешь жива, — сказал он таким тоном, словно мы обсуждали погоду. Сара почувствовала страх. А потом она почувствовала глубокую, всепоглощающую ярость, пульсирующую в ней от головы до пяток.

— Ты — ничтожество, Майкл Шеридан. Без твоего демона ты ничтожество, — прошептала она, вперивая в него взгляд своих зеленых глаз. Майкл незаметно отступил назад.

— Мы пришли попросить оставить нас в покое, — вмешался Гарри, в его глазах — ледяной, белый свет. — Отозвать демонов обратно туда, откуда они пришли, и распустить Валайя. Если ты это сделаешь, мы вас отпустим.

— Вы нас отпустите? — от души рассмеялся Майкл, словно не слышал ничего смешнее прежде.

— Я так сказал, — Гарри проигнорировал смех Майкла и продолжал смотреть на него. Сара восхищалась мужеством Гарри. Он, казалось, никогда не терял самообладания.

— Это последний день в вашей жизни, — пробормотал Майкл, приближаясь к Саре на шаг. Гарри мгновенно встал между ними.

Прямо в этот момент кто-то вошел в помещение и начал просматривать полки.

— Что насчет этой? Кажется, неплохая, — быстро сказал Майкл, взяв случайную книгу с полки. Больше нечего было сказать.

Гарри взял Сару за руку и вывел из книжного лабиринта на свежий октябрьский воздух. Сара глубоко вдохнула, пытаясь забыть запах потного тела Майкла и затхлый запах библиотеки.

— Бесполезно, — пробормотала она.

— Стоило попытаться. По крайней мере, мы увидели одного из них. Не знаю, как не убил его прямо там...

Сара поморщилась. Она ненавидела думать об убийствах, говорить об убийствах, вообще все, что связано с убийствами, насилием и болью она ненавидела. Ей хватало этого во снах. Она все еще вздрагивала при мысли об охоте на Сулари — демонов, существ — как хотите, так и называйте их. Но охотиться на людей?

У Гарри, кажется, не было таких сомнений. Он сильно отличался от ее родителей.

— Оу... — Гарри подпрыгнул.

— Ты в порядке?

— Да. Да, все хорошо.

— Что нам теперь делать?

— Мы пойдем домой, — Гарри яростно чесал шею.

— Ты уверен, что все нормально?

— Да, да. Просто что-то чешется на шее.

— Дай я посмотрю, — Сара осторожно скользнула руками под его воротник. Ее лицо прижималось к его груди. «Он хорошо пахнет», подумалось ей. Так... знакомо. Он пах мылом и морем.

— Я ничего не чувствую, — ее голос стал каким-то слабым.

— Все нормально, пошли, — они отправились обратно в машину и поехали к автомагистрали. Сара смотрела в окно, погруженная в свои мысли.

А потом ее осенило. Все как моем сне!

— Останови машину!

— Что? Зачем? Ауч, — внезапно сказал Гарри, прикладывая руку к груди.

— Гарри, останови машину. Это как в моем сне! Демон из сна!

Гарри внезапно побледнел и выглядел так, будто ему очень больно. Он как можно быстрее остановил машину, и они выпрыгнули из нее. Они ехали вдоль Садов Шарлотты, и вбежали туда как можно скорее. Не говоря ни слова, Гарри отчаянно сорвал куртку и рубашку. К их ужасу, на них виднелись следы крови, как и на его груди.

— Гарри. В твоей рубашке, — пробормотала Сара, ее голос был ровным и дрожал от контролируемой паники. Нечто отвратительное, черное и блестящее упало с Гарри и корчилось на траве. Со вздохом они отскочили назад. Гарри держал руку на груди, на ключице у него была маленькая, круглая рана, из нее сочилась кровь.

— Я думаю, это...

— Демон Майкла. Я видела это в видении, — закончила Сара за него. Конечно, это Майкл и имел в виду, когда сказал, что это последний день в их жизни. Она подошла ближе с поднятыми руками, готовая...

— Осторожно! — внезапно выкрикнул Гарри и схватил ее за руку.

Саре едва хватило времени, чтобы заметить, что у существа был круглый рот, полный маленьких присосок, когда он прыгнул ей на голову. Все случилось слишком быстро. Гарри оттолкнул Сару как раз в тот момент, когда он готов был присосаться к ее лицу. Вместо этого, с жутким звуком демон укусил Гарри — в этот раз глубоко, беспощадно. Он упал на землю, схватившись за грудь. Сара закричала и попыталась выхватить существо, оторвать от кожи Гарри, но оно не шевелилось. Она видела, как его тело раздувается, невероятно быстро впитывая кровь Гарри.

Сара закрыла глаза и сконцентрировалась на своих руках, отчаянно пытаясь согреть их, вызвать темную воду. Скорее же!

Гарри всхлипнул и закрыл глаза, его голова упала назад. Он потерял сознание. Демон теперь был размером с кошку, наполненный кровью.

О, Боже...

Сара снова потеряла концентрацию. Она закрыла глаза и почувствовала, как руки понемногу наполняют тепло. Не работает. Не работает. Паника захлестывала ее.

В отчаянии Сара попросила помощь в молчаливой молитве.

Мама, папа, помогите нам!

И кто-то услышал. Она почувствовала порыв ветра за спиной, но это был не ветер, а хлопанье крыльев, и в то же время оглушительное карканье летящих ворон взорвалось над ней. Инстинктивно Сара закрыла голову руками, прячась, но вороны не обратили на нее внимания и полетели прямо к Гарри, накрывая его волной черных перьев. Они клевались, каркали и хлопали крыльями. Сара задохнулась от ужаса, когда увидела, что некоторые

вороны уже покрылись кровью — кровью Гарри. Но, прежде чем она смогла пошевелиться, вороны улетели, все как одна. Так же внезапно, как и появились, они улетели — море крыльев и карканья, исчезающее в небе.

Демон-пиявка лежал на траве рядом с Гарри в луже красной и черной крови. Он пульсировал в безмолвной агонии, кусая воздух, открывая и закрывая свой круглый рот, будто рыба без воды. Сара знала, что нужно убедиться, что с демоном покончено, прежде чем идти к Гарри. Она подняла руки — наконец они горели — и положила их на горячую, слизистую черную кожу существа. Демон растворился в потоке темной воды, смешанной с кровью, пропитывая землю красно-черной жидкостью.

Сара бросилась к Гарри, который лежал окровавленный и без рубашки на траве. Его лицо было белым, грудь покрыта синяками — большая круглая рана от демона и десятки мелких царапин вокруг от ворон, пытавшихся оторвать демона.

— Проснись... пожалуйста, проснись, — прошептала она, задыхаясь. Она взяла его за руку, пытаясь нащупать пульс. Он есть, но слабый. Он все еще жив. Она укутала его окровавленной рубашкой и курткой, а потом взяла свою куртку и тоже накрыла его ею.

— Гарри...

Я не могу его потерять.

Я не могу потерять его, как своих родителей. Я буду совсем одна.

В полном одиночестве.

Сара нежно отбросила прядь волос со лба Гарри, и этот жест отражал то, что он сделал для нее в ночь приезда. Ее прикосновение оставило след крови на коже Гарри. Она посмотрела на свои руки. Они были влажными от темной воды и крови, вытекшей из существа. Она так волновалась о Гарри, что даже не заметила. Она вытерла руки об юбку и опавшие листья и положила их Гарри на грудь, пытаясь дать ему свою энергию, свое тепло. Его кожа была такой холодной.

Сара попыталась вдохнуть. Она снова задышалась от страха, грудь тянуло вниз, словно ее похоронили заживо.

Проснись, проснись.

Отдаленное карканье слышалось в небе. Стая ворон все еще была видна, как черное пятно на фоне облаков. Сара посмотрела вверх, на белое небо, ее голова закружилась, когда она попыталась проследить полет птиц.

— Сара, — Гарри открыл глаза.

— Гарри! — Сара сжала его руки и глубоко вдохнула, наконец, наполняя воздухом легкие. Она снова могла дышать.

— Демон...

— Его больше нет, не волнуйся... как ты себя чувствуешь?

— Словно меня сбил поезд, — он медленно поднялся, держась за руки Сары.

— Ты потерял много крови. Та жуткая штука была полна твоей крови! Если бы не вороны...

— Вороны?

— Они спасли тебе жизнь! Оторвали от тебя ту штуку и заклевали ее. Вот, смотри, — она указала в небо, но там были лишь облака. Стая улетела.

— Послушай, я знаю, что в это трудно поверить, но нас спасли вороны. Но как это возможно? Демон, заклеванный до смерти... птицами!

— Если только... — прошептал Гарри.

— Если что?

— Если только они не были настоящими воронами, — голос Гарри затих, и он опустил голову на руки.

Сара хотела спросить, что он имел в виду, но он выглядел таким бледным, а его губы имели синеватый оттенок. Она вспомнила, как быстро она почувствовала слабость во сне, как быстро стала терять сознание, когда пиявка присосалась к ней. Сара снова погладила его по лицу, и Гарри положил ладони на ее руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ты все еще со мной...

— Я отвезу тебя домой. Мы можем взять такси, а завтра вернемся за машиной.

— Я смогу вести.

— Уверен?

— Абсолютно. Один мертв, еще шесть, — он выдавил улыбку.

— Гарри...

— Да?

— Я думала, что потеряла тебя.

Гарри посмотрел на нее своими ясными глазами, и Сара почувствовала, будто окунается в озеро ледяной воды, бесконечно и безнадежно падая.

Они только вошли, когда тетя Джульетта позвонила, чтобы пригласить их на ужин. Сара заглянула через коридор в гостиную, где лежал на диване Гарри, смертельно бледный рядом со стаканом виски. Они с трудом доехали домой: Гарри полностью сосредоточился на дороге, пытаясь не потерять сознание снова.

— Прости, Джульетта, мы не можем. Просто, — она быстро задумалась. — Брайони приходит на ужин, мы будем смотреть фильм, и она останется на ночь...

Тень замурлыкала у ее ног. Она любила Брайони. И снова Саре стало интересно, сколько Тень знала о человеческом мире. Казалось, она всегда в курсе, что происходит.

— Да, я здесь. Да. Конечно. До скорого.

Сара положила трубку.

— Прости, Тень, Брайони не придет, это был просто повод, чтобы Джульетта не путалась под ногами.

Тень перестала мурлыкать и тихо ушла, разозленная.

— Ты правильно сделала. Нам нельзя рисковать. Если на нас нападут у Джульетты, они все будут в опасности, — голос Гарри все еще был слаб.

В момент ясности, в один из тех моментов, когда все вдруг становится совершенно понятно, Сара увидела, насколько Гарри нравится эта странная обстановка. Они вдвоем. Он был прав, они не могли подвергать опасности свои семьи и друзей, их долгом было оставаться подальше от них, но он, кажется, не был слишком против почаще быть с ней наедине.

«Мне тоже это нравится», — внезапно и неожиданно подумала Сара. В детстве она была одинока так часто, и теперь она впервые живет с кем-то, кто действительно ночует дома. Время будто останавливалось каждый раз, когда рядом был Гарри. Даже когда она спала.

Она всмотрелась в привлекательное, бледное лицо Гарри. Мой кузен. Он мог бы быть моим братом. Он мог бы быть моим лучшим другом. Он мог бы...

— Я знаю, что ходить в школу для тебя опасно, — прервал Гарри ее размышления.

Слава Богу. — Но мы должны рискнуть. Если ты перестанешь ходить в школу, мы попадем в беду.

— Все равно я не могу не ходить. Прослушивание в ККШ через пару недель. Я должна пройти.

— Что это такое?

— Королевская консерватория Шотландии.

— Вау. Ты хочешь этим заниматься? Преподавать музыку, как твоя мама?

— Нет, не преподавать. Я хочу писать музыку. Я хочу быть композитором и играть по всему миру. Я попытаюсь пройти в Королевский шотландский оркестр, для начала.

Гарри улыбнулся.

— Ты будешь восхитительна. Я это знаю.

Сара улыбнулась в ответ и отвела взгляд.

— Но, это все зависит от... ну, знаешь. Эта моя сумасшедшая жизнь. Я не знаю, сколько времени у меня для того, чтобы заниматься любимым делом. Что насчет тебя? Что ты делал в Новой Зеландии?

— Я изучал медицину, как мой отец. Как твой отец.

— Что будешь делать дальше?

— Ты имеешь в виду, кроме того, чтобы сохранять тебе жизнь? Это само по себе полноценная работа, — он засмеялся.

— Я имею в виду, когда мы будем свободны.

Однажды Егерь, Егерь навсегда.

— Я не уверен. Получу квалификацию на врача, наверное. Мне, правда, не нужна работа. Мои клиенты в Японии были очень щедры. Я могу жить на это всю оставшуюся жизнь.

— Мне тоже не нужно работать, да и моим родителям тоже не нужно было. Они просто любили свои работы, хотя иногда были очень уставшими утром, даже говорить не могли.

Гарри кивнул.

— Так, когда прослушивание?

— Тринадцатого ноября.

— Тогда тебе нужно потрудиться. Я тебе помогу. Мы должны продолжать жить нормальными вещами.

— О, да, иначе я застряну тут с тобой! — поддразнила его Сара.

Он посмотрел на нее своим пронзительным взглядом.

— Разве это так плохо? — сказал он будто шепотом. Так говорят, когда лежат на общей подушке. Сара почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Пойду, приготовлю ужин, — быстро сказала она. Слишком быстро, слишком интимно. Она не была готова. Она боялась.

Она побежала на кухню и занялась делом. Она пыталась остановить свое сердце, которое несло куда-то, словно дикая лошадь, но все было бесполезно. Мысли все равно возвращались — она в этом доме наедине с Гарри. Нет, это совсем не плохо. Она отбросила эту мысль, оттолкнула со всей силой, потому что она не должна испытывать такие чувства, не сейчас. Не посреди всего этого. Не к своему кузену!

— Пахнет вкусно, — Гарри последовал за ней на кухню, бесшумно, что всегда ее раздражало. Она подпрыгнула. И чему еще он научился в Японии?

— Пирог с горохом и картофелем.

— Прекрасно.

Она отчаянно пыталась придумать, что сказать, чтобы нарушить тишину. Может, пришло время узнать больше о том, что с ней случилось. И сменить тему.

— Гарри, кто эти люди? — спросила она, поставив приготовленное блюдо в духовку и осторожно закрывая дверцу. — В смысле, Валайя. Почему они это делают?

Гарри глубоко вздохнул. Как много он мог рассказать ей, не выдавая своего секрета и не приведя прямо в руки Сабха? Рано или поздно, ему придется рассказать ей о других Тайных Семьях, Валайя по всей Европе и темном кукловоде над ними всеми. Ей придется узнать, что как только они уничтожат Шотландских Валайя, их станет еще больше. Больше врагов — больше опасностей. Война не закончится еще очень, очень долго, если вообще закончится. Но не сейчас. Как только им больше не будет угрожать опасность, он раскроет свое истинное имя и объяснит, что на самом деле происходит.

Не сейчас.

— Они хотят управлять Шотландией, а потом распространятся дальше. Они хотят призвать больше демонов и использовать для собственных потребностей... Они дураки.

— Потому что демоны им не позволят, да? Люди вроде Майкла... они думают, что демоны — их слуги, что они под контролем, но это не так.

— Именно. Суари использовали их, чтобы проникнуть в этот мир, а не наоборот. Проникнуть в наш мир без расщепления очень сложно. Валайя помогли им, так что они играют в эту игру. Но как только они окажутся здесь, то не будут играть по правилам Валайя. Эти силы намного древнее, намного сильнее, чем мы можем себе представить. Они правили миром. Мы вырвали его из их рук, и они хотят вернуть власть.

Сара кивнула. Ее родители рассказывали ей об этом, и том, как Миднайты стали единственным маяком для человечества в пустыне опасностей.

Но как так может быть? Одни Миднайты за весь мир? Миллион вопросов крутился в ее голове, ее мировоззрение менялось за минуту.

— Ты сказал, что охотился в Японии. Значит... мы не единственные? Демоны существуют во всем мире. И охотники на демонов тоже?

— Сара, не волнуйся об этом сейчас. Давай сосредоточимся на том, чтобы остаться в живых.

Он скрывает от меня что-то. Прямо как мои родители. Сейчас важно лишь выжить.

— Как Валайя призывают демонов? Я понятия не имела, что их можно призвать.

— Они научились темным искусствам. Заклинаниям, написанным в проклятых книгах, которых я никогда не хочу видеть и, надеюсь, что ты тоже. Даже посмотрев на одну из таких книг, ты можешь заболеть, заразиться. Учиться призывать таких демонов нужно годы. А ту пиявку — немного дольше. Дай ей больше питаться, она бы размножилась в десятки, сотни... можешь представить?

Сара поежилась.

— Я не хочу знать об этих книгах. Я никогда не хотела учиться таким заклинаниям. Вообще, я совсем ничего не хочу знать об этом.

— Как я и сказал, просто сосредоточимся на выживании. Так лучше, поверь мне.

Сара кивнула. Но у нее оставался еще один вопрос.

— Сегодня, когда ты сказал, что это могли быть не вороны, что ты имел в виду?

Гарри глубоко вздохнул и покачал головой.

— В это трудно поверить... Но я думаю, что это могли быть духи воздуха.

— Духи воздуха?

— Кто-то называет их Элементариями, или Дхату на древнем языке. Они духи стихий — воды, воздуха, земли и огня. Они принимают форму животных, связанных с их стихией. Я видел духов воды, принимающих форму тюленей, например. Они очень, очень редкие. Понятия не имею, почему они решили нам помочь.

— Кто-то может контролировать их?

— Их сложно, почти невозможно приручить. Посмотрим, что я смогу узнать, — Гарри указал на свой телефон.

— Потрясающе. Они выглядели как обычные вороны, а потом... просто сделали это. Я не верила своим глазам.

— Иногда мы не видим того, что есть на самом деле.

— Это твое любимое выражение, да? — улыбнулась Сара. — Что-то вроде девиза.

Гарри улыбнулся беспокойной улыбкой. Ко мне это тоже относится.

Духовка запищала, отрывая их от собственных мыслей. Сара достала пирог и аккуратно и красиво накрыла стол. Прекрасно — разделить ужин с кем-то. Ее родители всегда были на ходу, всегда куда-то направлялись. Она зажгла две серебряные свечи и поставила их посреди стола, как финальный штрих.

Она чувствовала себя спокойно, несмотря на шторм, бушующий в ее жизни. Гарри ел от души, и она приняла это как комплимент.

— Тебе нужно восстановиться после потери крови.

— Не возражаешь? — Гарри положил себе добавку пирога. — Тебе тоже нужно поесть, ты такая бледная и худая, Сара.

— Я умираю от голода. Я сто лет не ела после того, как... сам знаешь. Когда ты приехал, у меня снова появился аппетит.

— Рад слышать. Ты любишь готовить, правда?

Сара кивнула с набитым ртом.

— Я всегда готовила для родителей, — ответила она, как только проглотила.

— Я тоже люблю готовить.

— Правда?

— Да, хочешь — верь, хочешь — нет. Я неплох. Я испеку тебе торт на день рождения. Двадцать второго октября, да? Твой день рождения. Это было в файлах Гарри.

— Да. А ты не волнуешься о своей репутации? — засмеялась она.

— Совсем нет. Готовка — это круто. Я испеку тебе торт в виде луны.

— Почему луны?

— Потому что ты напоминаешь мне о луне, — сказал он, глядя в свою тарелку. Сара смутилась.

— Когда твой день рождения? — быстро спросила она, продолжая разговор.

— Тоже скоро. Шестнадцатого ноября.

— Ты Скорпион.

— Да. Знаешь что-нибудь о знаках зодиака?

— Не совсем. В дедушкиной библиотеке в Айле есть пара книг об этом, но я никогда в них не заглядывала. Брайони знает многое. Я Весы. Я должна быть сбалансированной, не капризной.

— Это правда, да.

— Эй, ты должен был сказать «Нет, конечно, это не правда!»

— Но это правда.

Сара засмеялась. Он выглядел немного лучше. Его снова кожа имела очень нешотландский золотой оттенок, а свет от серебряных свечей танцевал на его прекрасном лице.

— Ладно, я капризная!

— Капризная, но по-хорошему, — уступил он.

Сара улыбнулась и пожелала, чтобы этот вечер никогда не заканчивался.

Глава 9. Он пришел во сне

И внезапно, кажется,

Что ничего не имеет смысла, кроме тебя.

Сара лежала в постели, думая о том, какой странный это был день. Половина — ужасная, половина — спокойная и милая. Она поверить не могла, что была так подозрительна к Гарри, когда он приехал. Было такое чувство, будто он рядом всю жизнь. Она закрыла глаза, слушая приглушенные звуки радио в его комнате, и отдалялась...

Пришло время провалиться в этот странный, подобный трансу сон, и ее забрало видение. Это всегда так происходило. Иногда так быстро, что она закрывала глаза в своей постели, а открывала в другом мире.

Этой ночью она не попала в тот сюрреалистичный, странно освещенный мир, в который попадала раньше — те травянистые равнины под пурпурным небом. Вместо этого она стояла в саду, под одним из дубов. Золотисто-красные листья падали и кружились вокруг нее, закручиваясь в маленькие водовороты. Небо было ярко-голубым, чистым, без единого облачка.

Она вытащила листок из волос и обернулась узнать, была ли она одна. Она посмотрела в сторону дуба и обратно. Кто-то появился прямо перед ней.

— Сара.

Ей был знаком этот голос. Это тот был бледный, темноглазый парень. Сара почувствовала внезапную глубокую радость, охватившую ее, но вместе с этим пришло чувство дезориентации, словно странный туман поднялся в ее голове, затуманил мысли. Вот и он! Он вернулся! Она больше ни о чем не могла думать, будто любые другие соображения были неуместны.

— Кто ты? Ты демон? — ее голос звучал незнакомо для собственных ушей, приглушенный, словно звуки снежного дня.

— Я не демон, — сказал он, и его голос звучал... умоляюще. Да, именно так. Умоляюще. И грустно. Почему?

— Тогда кто ты?

— Я был послан к тебе.

— Кем?

Он не ответил, лишь погладил ее лицо, нежно очерчивая контур губ пальцем.

— Я никогда не думал, что ты такая красивая, — просто сказал он, будто они вели светскую беседу.

Сара смутилась, не зная, что сказать. *«Конечно, я должна быть настолько безнадежна во снах, как и наяву».*

— Духи воздуха, — прошептал он. — Вороны сегодня, это я их послал.

— Ты?

— Я не позволю никому навредить тебе, моя Сара, — он взял ее лицо в руки. На секунду, она подумала, что он ее поцелует. Вместо этого, он снова заговорил.

— Сара... — его голос был словно бархат, словно теплая вода. Словно заклинание.

— Да.

— Я скоро вернусь.

Не уходи.

— Когда?

— Скоро, — его глаза заслезились. Ее разумом окончательно овладел туман. Ей нечего было сказать, нечего сделать, кроме как позволить себе ускользнуть...

— Скоро, — отозвалась она эхом.

Сара открыла глаза. Она была в своей комнате. В ее голове беспорядок, будто она только что проснулась после анестезии. О, нет, я проснулась. Пожалуйста, дайте мне снова уснуть. Дайте увидеть его снова.

Она вздохнула от сожаления, от радости, и снова закрыла глаза, наслаждаясь моментом. Она хотела больше его, и еще больше. Глубокое счастье заполнило ее, несмотря на все происходящее. Будто новый мир, в который она входила, мог скрывать такие прекрасные сюрпризы, а не только страх и страдания. Будто она стояла посреди теплого моря, и оставалось лишь нырнуть.

Я даже не знаю его имени.

Она подумала о золотых листьях, кружащихся вокруг нее. О том, как все ее мысли покинули разум, словно вытесненные невидимой силой.

Она не записала сон. Это был секрет, только ей полагалось его знать.

Сара снова погрузилась в сон, но на этот раз без видений, и проснулась на рассвете. Серый, холодный свет раннего утра охватил комнату, когда она отбросила одеяло. Дождь из листьев упал с ее кровати — красных, золотых, кружащихся вокруг нее несколько секунд, прежде чем упасть на пол, один за другим.

Это может быть только он. Сара с интересом посмотрела на листья. Они были такими красивыми. Мертвыми, или умирающими. Их яркие цвета дышали в последний раз перед концом, но великолепно было видеть их агонию. Сара выпутала один из них из волос.

«Листок. В глубине души, я буду назвать его Листок».

Глава 10. Избранная

Спасение приходит огнем.

Листок

Значит, это она. Та, которую для меня выбрал отец.

Я ожидал... О, я не знаю, чего ожидал. Я знаю только, что боялся этого, боялся узнать, с кем разделял все это, что она бы только утщила меня глубже, сделала все еще хуже.

Но этого не случилось. Она — мое спасение. Я горю, она — вода. Я задыхаюсь, она — воздух, я могу лишь вообразить себе, как буду с ней наедине, как свет будет заливать мои глаза, как ночь расколется и выпустит меня в день. Когда я сломаю ее, ее внутренний свет прольется, словно печать, скрывающая тайное послание. И ей придется разделить этот свет со мной. Я буду спасен, а она падет. Я сожгу ее. Я убью ее и снова подарю жизнь. Я буду верен ей. Я никогда, никогда ее не брошу.

Он пахнет светом и жизнью, она пахнет ветром. Я вижу ее, сидящую в темноте в короне из огня, окруженную духами, и ее кожа белая, как у моей матери.

Хотел бы я забрать ее, но так ничего не сработает. Она должна прийти по доброй воле. Она должна нуждаться во мне так же, как я нуждаюсь в ней, и мы должна пройти долгий путь, прежде чем она мне доверится. Заставить ее хотеть меня — это хорошее начало. Я чувствовал, как ее страх растворяется в желании — это так упрощает задачу. Избранная не только готова, чтобы ее забрали, — она еще и жаждет этого. Она просит увести ее от всего этого. И так мое влияние работает намного лучше, оно проникает глубже.

Но прежде всего, мне нужно уберечь ее. Я могу остановить всех ее врагов прямо сейчас. Я могу уничтожить их. Но я не буду. Они нападут, а я спасу ее. Я буду ее защитником, ее англom-хранителем. Она влюбится в меня, и когда придет время, она за мной последует.

Я боялся новой жизни, а теперь я жажду ее. Мой отец сделал правильный выбор. Это может быть только она, никто другой.

Глава 11. Созвездие

*Зачем ты позволил любить себя,
Если собирался уйти?*

Кастельмонте, Италия

Элоди

Мы с Гарри были словно двойным созвездием. Вечным, неподвижным.
Должны были быть.

Теперь, когда эту звезду у меня отняли, я бреду сквозь бесконечно длинную вселенную, половинка чего-то и половинка ничего.

Мне было шестнадцать, когда я встретила с Гарри. Он приехал в Лион, чтобы поговорить с моим отцом, Арнаutom Брюном, — главой самой сильной Тайной Семьи во Франции. Теперь мой отец лежит на кладбище Святого Майкла, нашей семейной часовне. Он умер с ужасным знанием, что его дочь и жена познают ту же судьбу от рук того же безликого врага.

Он был прав насчет моей матери, хотя все случилось немного не так. Они не пришли за ней. Она просто потеряла волю к жизни, когда умер отец, и существовала день за днем, пока однажды ночью сон не превратился в смерть. А я уже была далеко. Я последовала за Гарри Миднайтом, завораживающим наследником Миднайтов, в Японию, а затем в Лондон.

Моя жизнь сложилась совсем не так, как планировали мои родители. Я должна была выйти замуж за какого-нибудь наследника Тайной Семьи, может, Винсента Дидера — младшего из сыновей Дидеров. Это была бы идеальная партия, и наши дети обладали бы потрясающей силой.

Но как только я посмотрела Гарри в глаза, я уже знала, что никогда не смогу выйти за Винсента. Ни за кого, кроме Гарри. И я так же знала, что мои родители ни за что не приняли бы Гарри как своего зятя. Наследие Миднайтов — это сила, но она запятнана их разлукой, и поэтому Гарри никогда не занял бы место в Сабха наряду с лучшими из Тайных Семей. Наследница Брюнов никогда бы не смогла выйти замуж за того мужчину. «Он не один из нас» — вот как сказал мой отец.

Я никогда не забуду день, когда мать отвернулась от меня, будто я никогда и не была ее дочерью. Я никогда не забуду день, когда отец забрал мое кольцо, древнюю реликвию Брюнов. Это кольцо передавали первому ребенку, родившемуся в поколении.

Я никогда не жалела. Я потеряла семью, наследство, мир, в котором выросла, но это все стоило того, чтобы быть с Гарри Миднайтом.

Но в день, когда Шон вернулся в Лондон, я знала, что вижу Гарри в последний раз. Оставить его, было, как вырвать собственное сердце.

В детстве мы с родителями проводили каждое лето в Лак Бланч, нашем загородном доме. Это было до того, как леса стали слишком опасны, до того, как начало просачиваться больше существ. Мы долго гуляли вдоль озера, наблюдая за танцем воды во время отлива.

Однажды, в одну из таких прогулок, мой отец внезапно остановился. Он обернулся и раскинул руки, не давая нам пройти дальше.

— Лучше пойти назад, Марселла, — сказал он и указал на что-то, лежащее на дороге. Мама быстро увела меня, и мы вместе попятимся к дому, подальше от чего бы то ни было, остановившего моего отца.

Но было слишком поздно. Я уже увидела. Это был окровавленный лебедь, лежащий на гальке, его перья окрашены красным, головы вывернута под странным углом, грудь наполовину съедена.

Тогда я подумала, что это предзнаменование, что однажды это может случиться и со мной.

Оставить Гарри — вот что заставило меня почувствовать себя тем лебедем — мертвым, разорванным и лежащим на всеобщее обозрение. Мое сердце съедено кем-то с очень острыми зубами, кем-то сильным и безжалостным.

Я согласилась уйти, потому что это было моим долгом. Мы все должны сражаться, независимо от того, хотим мы жить дальше или нет.

И я не хотела. Потому что без Гарри для меня не было жизни.

Я делала все что могла, чтобы защитить Аико, последнюю наследницу во всей Японии, и, чтобы помочь нажим храбрым, самоотверженным Егерям — семье Фризон. Этот небольшой уголок Италии — единственное оставшееся безопасное убежище, насколько нам известно. В Сабха проникли враги, и доверять больше нельзя никому. Для нас загадка то, что происходит за пределами этой деревушки, за пределами Альп. С нами никто не связывается, потому что любой контакт может выдать нас.

Сейчас мы в безопасности. Пока они не найдут нас. Но, когда найдут, я буду здесь, чтобы защитить Аико любой ценой.

— Это не впервые, когда враг стучится в дверь, — сказал Леандро Фризон, вспоминая войну. — Я был мальчишкой, но мы все должны были сражаться. От этого не спрятаться, ты должен выбрать сторону. И именно это мы сейчас и делаем.

Я знаю, о чем Гарри попросил Шона. Он попросил его защитить свою кузину Сару Миднайт — последнюю наследницу уединенной, таинственной семьи Миднайт. Единственной семьи в Европе, или единственной известной нам, которая отказалась быть частью Сабха и придерживаться его решений. Единственная семья — или клан, как они себя называют — оставшаяся загадкой даже для моего отца и самых великих Тайных Семей. Я только представить себе могу, какими драгоценными и великими должны быть их силы. Я знаю о них лишь немного того, что Гарри рассказал мне — о дяде, грозной бабушке Мораг Миднайт и особняке на шотландском островке. Он представляется мне где-то в дикой глуши, среди соляных скал, серых волн и криков чаек в небе.

Осталась лишь Сара. Хотела бы я отправиться защищать ее, но я больше не могу выбирать, что делать, не теперь, когда мир рушится. Мое место здесь, с Аико.

Кто все это делает? Кто создал Валайя и кто управляет ими? Никто не знает наверняка.

Но у Гарри были свои теории, и он оставил мне след. Не по своей воле, конечно. Он не хотел перекладывать этот груз на мои плечи. Мне пришлось действовать за его спиной, игнорируя его желание защитить меня, и узнала все, что у него было о предателях в Сабха и как они могли привести к нашему главному врагу, к тому, кто все это начал.

Я пытаюсь продолжать верить, что надежда еще есть, и что эта битва не разобьет Тайные Семьи. Я надеюсь, что мир по-прежнему будет защищен от всего, что выходит из лесов, земли и воды. Я молюсь, чтобы мы могли держать это в тайне, что единственные, кто заметит, будут парочкой энтузиастов, проверяющие свои теории в Интернете. Они спутают Демонов Времени с пришельцами или Лохнесским чудовищем, и никто так и не узнает правды.

Единственный способ — это защищать наследников по одному, уничтожить Валайя по

одному, а потом мы сможем выбраться из своих убежищ и пойти по следу, который я украла из файлов Гарри. Найти корень всего этого зла и уничтожить раз и навсегда.

Два письма. И книга рассказов. Все, что у меня есть.

И мне придется это сделать.

У меня должны быть видения о будущем. Это моя самая сильная способность. Они приходят ко мне в отражении воды, зеркала, стекла, или как сны по ночам.

Но они больше не появляются.

Способность, которой я обладала с тринадцати лет, исчезла в день, когда я покинула Лондон. Фризоны сказали, что это из-за стресса, что они вернутся. Каждый день я ходила к ручейку у деревни. Его светло-серая вода, текущая прямо из ледников, была такой холодной, что я едва могла дотронуться до нее. Я наклонялась к ручью, и все, что видела, — это свое отражение: волосы, свисающие, словно ветви ивы, и пара грустных карих глаз. Эти глаза должны принадлежать кому-то другому — они слишком печальные, слишком старые, чтобы быть моими.

Мне всего двадцать, но я прожила жизнь. Я — двадцатилетняя вдова, тайная наследница без силы.

Если они придут, я буду сражаться голыми руками. В конце концов, когда я умру, то снова увижу Гарри. Я обещала ему.

* * *

— Я никогда тебя не оставлю, — рука Гарри пробежалась по плечу Элоди вниз к ладони и дальше к бедру. Она лениво лежала на их кровати.

— И я никогда не оставлю тебя.

Лондон был тихим, мирным, эта ночь была давным-давно, прежде чем все полетело к чертям. Они одни не спали ночью, они одни были живы во всем мире, во всей вселенной. Потеряны в любви.

— Не засыпай. Останься со мной, — прошептала Элоди ему на ухо. Ее дыхание слабо пахло мороженым, которое они ели, гуляя в Гайд-парке пару часов назад. Фисташковое мороженое, ее любимое.

— Зачем терять время на сон? — она обвила его руками. Она хотела быть как можно ближе к нему. Быть одним целым, чтобы он никогда не смог ее оставить.

— Видишь ли, когда я счастлив, я сплю, — сказал он сонно.

Элоди засмеялась.

— А когда ты не счастлив, ты гиперактивен.

— Именно.

— Тогда спи, — она обнимала его, пока он засыпал, оберегая его. Она прижималась лицом к его спине, а ее руки лежали у него на груди.

— Если ты уйдешь, я пойду за тобой, — прошептала она.

Я знаю.

Это обещание.

Каждый день я надеюсь, что придет время его сдержать.

Глава 12. Помни меня

*Прочно в крови,
Все узнавая —
Прошное и будущее,
И то, что между ними.*

— Курица с миндалем и изюмом... Старая Сара вернулась! — Брайони с одобрением смотрела на обед Сары. Они сидели в школьной столовой, за своим привычным столиком у окна. Холодный, серый свет просачивался сквозь него — день был пасмурный, и стекло было покрыто тысячами мелких капель.

Сара ничего не могла с собой поделать и улыбнулась. Ее жизнь была в полном хаосе, но Брайони все еще могла заставить ее улыбнуться. Что бы я без нее делала?

— Да, у меня вчера ушло немного времени на готовку.

— Что делала на выходных?

Что я делала на выходных? Хороший вопрос. Пошла искать ненормального, который входит в тайное сообщество отбросов общества. О, и демон почти убил моего кузена.

— На самом деле, ничего особенного. Смотрела телевизор, готовила, немного убралась, — она привыкла врать Брайони. Она этим годами занимается.

Брайони была ее лучшей подругой, но знала так мало о жизни Сары, — ее настоящей жизни, не той, которую она и ее родители показывают миру, как витрину универмага. Все совершенно идеально, но абсолютно нереально.

Джеймс Миднайт, врач общей практики. Анна Миднайт, учитель музыки. Единственная дочь, Сара Миднайт, очень хорошая девочка, хорошо учится в школе. Обычная семья.

До заката. Когда наступает тьма, все меняется.

— Я видела, что твой кузен подвез тебя утром, — сказала Брайони.

— Правда?

— Ты не говорила мне, что он так великолепен. Он похож на актера!

Сара смутилась и отвернулась.

— Я не заметила.

— Может, я приглашу его на кофе, что ты думаешь?

— Брайони! — только этого мне не хватало.

— Просто шучу! Не беспокойся. Как долго вы с ним не виделись?

— С тех пор, как я была совсем маленькой. Его отец и мой отец... — Сара почувствовала, что не может дышать, как и всякий раз, когда упоминала родителей. — Они потеряли связь много лет назад. Я не знаю почему. Мой дядя и его семья переехали в Новую Зеландию, и они больше никогда не виделись.

— Вот позор, — у Брайони была целая куча дядь, тетей и кузенов, с которыми они были близки. Сара часто думала о том, какой была бы ее жизнь, если бы у нее были братья и сестры, большая семья. Она немного завидовала Брайони. Особенно сейчас, когда она чувствовала себя такой одинокой.

— Привет...

Высокий, долговязый парень возник около их стола. На нем была школьная форма — белая рубашка, не заправленная в брюки, черный кардиган и серый с синим галстук. Его прямые волосы спадали на шею, обрамляя открытое, дружелюбное лицо.

Джек Макаллистер. Милый, добрый мальчик, один из лучших и самых старых друзей Брайони. С пяти лет ему нравилась Сара. Брайони пыталась уговорить ее пойти с ним на свидание на протяжении уже нескольких лет. Это был ее любимый проект.

— Могу я присоединиться к вам?

— Конечно! — с улыбкой сказала Брайони и взглянула на Сару.

Сара притворилась, что не заметила.

— Я пойду, возьму Колы, — Брайони встала. Очень стратегично. Я отомщу тебе, Брайони.

— Сара... Я не видел тебя с тех пор, как... как... — он запнулся.

— Да. Ну... меня не было дома какое-то время.

— Я просто хотел сказать, что мне жаль. Мне очень жаль, Сара.

— Спасибо, — Джек был милым человеком и хорошим другом. Но это все.

Он сражался со своим галстуком. Его щеки были алыми.

— Хочешь сходить куда-нибудь потом? Выпить кофе, например?

Эм... нет?

— Прости, я, правда, не могу. Столько дел на сегодня.

В любом случае, это правда.

Джек помрачнел, и Сара почувствовала себя ужасно.

— Конечно... может, в другой раз.

Он выглядел опустошенным. Сара не могла этого вынести.

— Дома сейчас не все так просто, — она изо всех сил пыталась заставить себя продолжить. Странно было кому-то довериться. Она редко это делала, и слова вылетели с большим трудом. — Но когда все снова станет на свои места, я выпью с тобой кофе.

Зачем я это сказала?

Лицо Джека загорелось.

— Отлично! Отлично! Я куплю тебе фундуковое латте, если хочешь!

Сара улыбнулась. Он помнил, что фундуковое латте — ее любимое.

Краем глаза она видела, как Брайони попивает колу, стоя у торгового автомата, и смотрит на них так, что все понятно без слов. И тогда словно сломалось заклинание. Почему все пытаются принять решение за нее? Почему у всех есть планы на ее жизнь?

— Ладно. Пока, Джек, — она как можно быстрее начала собирать куртку, сумку и книги.

— Сара, подожди...

— Прости, Джек. Мне действительно нужно идти.

— Это выпало из твоих книг, — он протянул ей листок, ярко-красный осенний листок.

Сердце Сары пропустило удар.

— Выпало из моих книг?

— Наверное. Я видел, как он упал, когда ты начала собираться. Это всего лишь листок! — он пожал плечами, удивляясь, почему она выглядит такой ошеломленной.

Сара взяла листок и аккуратно поместила между страниц учебника, отворачиваясь.

— Тогда пока, я позвоню тебе...

Но Сара уже ушла.

— Как школа?

— Нормально.

— Что это за парень, который сидел с тобой в столовой?

Что?

На секунду Сара лишилась дара речи.

— Как ты узнал, с кем я говорила?

— Я не знаю, поэтому и спрашиваю. — Глаза Гарри были до невозможного ясными, не выдавая ничего.

— Ты следил за мной? Ты был в школе со мной? — прошептала Сара. Она была слишком сбита с толку, чтобы злиться.

— Конечно! Ты думала, что я позволю тебе пойти в школу одной, не зная, когда Валайя могут напасть?

Позволит мне?

— Они не нападут на меня в переполненной школе посреди бела дня.

— Они найдут способ представить все в виде случайности. Я пообещал защищать тебя, Сара, и я защищаю.

Сара неуверенно кивнула.

Он следовал за мной по школе, где-то скрываясь. Он присматривает за мной.

Сара не знала, чувствовать себя напуганной или спокойной. Гарри, наверное, заметил ее замешательство. Он взял ее за руку.

— Я не оставлю тебя одну, — сказал он.

Его рука была сильной и намного больше ее. Сара сжала ее. Она слышала, как голос что-то произнес. Ее голос.

— Нет. Не оставляй меня.

Что я несу? Она была поражена. Эти слова вырвались из глубины ее души, и их было не остановить, словно вдох.

Они посмотрели друг на друга, и между ними возник поток признания. Двое плывущих по быстрому течению людей, держащихся друг за друга.

Той ночью Гарри и Сара пошли в подвал. Они решили подождать до следующего хода Валайя, а пока как можно лучше подготовиться. Гарри начал осматривать оружие Джеймса, некоторое из которого тот унаследовал от Миднайтов, а некоторое добыл при жизни. Сара стояла за дубовым столом, просматривая магические принадлежности матери. Гарри был вне себя от восторга. Будучи охотником на протяжении долгого времени, он хорошо знал оружие, нужное для разных видов охоты, для разных существ, но никогда не сталкивался с таким арсеналом, как у Джеймса.

— Ты это видела, Сара? Этим ножом можно убить призрака! — Его глаза сияли.

Но Сара не ответила. Она едва слушала, погруженная в печальные мысли, глядя на вещи Анны. То, что они напоминали ей о матери, было достаточно болезненным, но то, что она понятия не имела, как всем этим пользоваться, делало боль еще хуже. Ее мать решила не давать Саре нужных знаний, она выбрала оставить ее в неведении.

Бесчисленное множество банок с травами тщательно маркированы. Некоторые из них из сада — простые, ничем не примечательные. Некоторые — различные виды водорослей, собранные ее матерью, когда они приезжали в дом на Айле. А некоторые были загадкой. На табличках значились самые странные названия, вроде «Грива келпи», «Кожа селки», «Древесная кровь», «Дух моря». Сара знала, что эти названия — не просто красивые, поэтичные слова, которые выдумала ее мать. Каким-то образом она знала, что они несут буквальный смысл. Сара изучила банку с подписью «Дух моря». Это был серый порошок, на первый взгляд ничего особенного. Она открыла банку и просунула палец. На нем

чувствовалась влага, словно вода. Она посмотрела ближе — несомненно, это пепел, но чувствовался как вода. Она просунула в банку всю руку, но, когда ее вытащила, она была совершенно сухой.

Сара открыла маленькую коробочку. Она была полна ярких камешков — рубинов, изумрудов, кусочков обсидиана и янтаря и нескольких бриллиантов размером с ноготь. Там было и несколько слепков золота, серебра и меди, а также какие-то не драгоценные камни, которые, несомненно, тоже имеют какие-то невидимые для глаза особенности. Там было еще несколько коробок. Некоторые сделаны из картона с цветочными узорами в пастельных тонах — у ее матери был утонченный вкус — некоторые деревянные. Была и дубовая с гербом Миднайтов, выжженным на крышке, замысловатая буква М, изгибающаяся вокруг кинжала. Она открывала их одну за другой. Некоторые выглядели как обычные корзины для шитья, полные разноцветных нитей, веревочек, маленьких бархатных подушечек и кусков ткани. В некоторых были свечи всех цветов, размеров и форм. Одна была больше похожа на сундук и была бы уместной в каком-нибудь пиратском фильме. Она была сделана из тяжелого, темного дерева и закрыта на медный замок. Сара попыталась открыть ее, но у нее ничего не вышло.

— Гарри, посмотри. Эта коробочка закрыта.

— Ммм... хочешь, я попробую?

Сара обернулась. Гарри держал огромный нож мясника в руке и выглядел очень довольным собой. Сара почувствовала тошноту, пытаясь представить, для чего этот нож можно использовать.

— Эм... нет, спасибо.

— Подожди, — Гарри вытащил ключ из кармана, тот самый, который использовал, чтобы открыть подвал.

— Мой универсальный ключ.

Несколько минут он провозился с замком, а потом пожал плечами.

— Нет.

— Оу...

— Что такое?

— Думаю, что знаю, где может быть ключ.

Сара побежала наверх, и Гарри последовал за ней, в комнату ее родителей. Ее мама хранила некоторые антикварные куклы на подоконнике — куклы из детства Мораг. Саре никогда не разрешали играть с ними, но она часто смотрела на них с удивлением — они были заветной мечтой маленькой девочки. Она всегда задавалась вопросом, почему одна из них — светловолосая, в голубом бархатном платье — носила ключ на шее, как ожерелье.

Сара нежно коснулась куклы, погладила ее по волосам, разгладила платье, а потом сняла ключ с ее шеи и осторожно поставила на место. Гарри смотрел на куклу снова и снова. Он думал, что видел ее прежде, где-то, но не мог вспомнить где.

— Может... а может, и нет, — сказала Сара, наматывая цепочку на пальцы

— Стоит попробовать, — Гарри бросил последний взгляд на куклу, и холодок пробежал по его спине. Где я мог видеть ее раньше?

Сара вставила ключ в замок деревянной коробки. Сработало. Он плавно и легко повернулся, и коробочка открылась. Она медленно подняла крышку, Гарри смотрел из-за ее плеча.

— Что это?

— Похоже на... свитки.

Сара взяла один из них и разложила на столе. Он был очень старым, но не древним, на нем остались следы того, как его снова и снова скручивали, словно сетку. Это выглядело как карта.

— О Боже, Сара.

— Что? Что это такое?

— Это одна из Секретных карт! — Гарри благоговейно наклонился к ней, опираясь на ладони. — Эти карты были на вес золота, Сара. Их практически невозможно найти...

На карте, которую они вытащили, были Британские острова, но она была полна символов и примечаний. Пометки были очень странными, Сара не могла разобраться в их значении.

— Это ориентиры. Смотри. Холмы... Подземные источники... О, я знал! Я всегда знал, что там был город! Посмотри, он теперь под водой...

Сара вытащила еще одну и развернула ее.

— Это карта Шотландии, посмотри...

— Конечно... Калланиш... Лох Глас... Часовня Росслин... И Эдинбург, смотри! Здесь много происходит. Потрясающе.

Они осмотрели еще несколько. На одной были странные очертания и тени, разноцветные линии, переплетающиеся и расходящиеся, спирали, волны, завитки, некоторые выходили за линию моря, некоторые резко обрывались. Они напоминали Гарри татуировки Маори, которые он видел в Новой Зеландии.

— Что это? — спросила Сара.

— Линии лей и электромагнитные поля. Полезны для необычных миграций птиц, кругов на полях, обмороков... Была бы у меня такая в Японии... — Он покачал головой.

— Вот эта огромная, — Сара раскрыла карту, которая заняла добрую четвертую часть стола. — Это Лондон.

— Тайная карта Лондона, — с благоговением сказал Гарри.

— Интересно, а есть карта Эдинбурга?

— Вот она. Такая же, как и Лондонская. Сара, эти карты стоят миллионы. Мои клиенты из Японии убили бы за них. В буквальном смысле.

Если бы Сабха узнали, какие сокровища прячут Миднайты, какими владеют знаниями...

Сара вздохнула.

— Это нам пригодится?

— Можно сказать, что да. С этим и арсеналом Джеймса...

— Гарри.

— Да?

— Это все твое. Вещи моего отца, в смысле, — сказала Сара, аккуратно скручивая карты и складывая их обратно в шкатулку.

— Что?

— Ты единственный племянник моего отца. Его вещи принадлежат тебе. Я даже не знаю, как пользоваться всем этим... оружием, — она сказала последнее слово с оттенком отвращения.

— Ты можешь научиться.

Сара хмуро покачала головой.

— Я — немой отец. У меня есть Темная вода и мои сны. Я буду учиться маминым

заклинаниям, — она указала на вещи Анны, осторожно сложенные на дубовом столе, — но не буду сражаться так, как сражались мои родители и ты. — Гарри кивнул в безмолвном молчании. — Я хочу, чтобы ты согласился. Если это наследие Миднайтов, то оно и твое тоже.

Гарри отвернулся.

Наследие Миднайтов...

— Очень хорошо.

Сара улыбнулась той редкой улыбкой, которая зажгла ее зеленые глаза на секунду, словно сердце самого леса, такое далекое, что никто не может до него добраться.

— Ты, по крайней мере, знаешь, что с этим делать. С мамиными вещами я даже не знаю, с чего начать...

— Она никогда не учила тебя заклинаниям?

— Нет. Она думала, что еще будет время... — Привычная волна печали захлестнула ее, как и каждый раз, когда она думала об Анне.

— Я не знаю, Сара. Она понимала, что ее жизнь в опасности. Она знала это на протяжении месяцев. О чем она думала, оставляя тебя такой... невооруженной? Джеймс тоже не учил тебя охотиться, тебе нужно было сделать все впервые в одиночестве, — его голос затих. Он видел, как ее глаза наполняются слезами.

— Прости, я не хотел тебя расстроить.

— Все нормально. Я знаю, что ты прав. Не знаю, почему они меня не учили. Никогда здесь не были, всегда такие занятые...

Слишком занятые, чтобы спасти своей дочери жизнь?

— Теперь, когда я об этом думаю, то вспоминаю, как мама однажды говорила об этом...

* * *

Стояла теплая, мягкая июльская ночь. Анна с Сарой были в саду, в небольшом уголке, где Анна выращивала целебные и магические травы.

— Для защиты и обеззараживания, — сказала Сара, прикасаясь к бутону розмарина.

— Отлично. Нужно еще столькому научиться... Когда ты меня научишь?

Анна отвернулась, собрав свои черные волосы в руку, когда она наклонилась, чтобы собрать немного тимьяна.

Я уже научила тебя некоторым заклинаниям.

— Детским заклинаниям! Не настоящим, не тем, что используются на охоте. Мне шестнадцать, мам, уже пора!

— Я знаю, дорогая, я знаю... Но эти заклинания не безвредны. Они могут быть очень опасны. Твоя бабушка разрешила меня выучить их только после женитьбы.

— Но я готова!

Анна посмотрела ей в глаза. *«Мой замечательный ребенок»*, — подумала она... *«Мой взрослый ребенок»*.

— Я подумаю об этом.

Сара улыбнулась.

— Это значит «Да»?

— Это значит «Я подумаю об этом».

— Когда? Скоро?

— Скоро, — уступила Анна. — Если со мной что-то случится...

Улыбка Сары исчезла.

— Не говори так.

— Мы должны быть готовы. Если что-то со мной случится, ты должна знать, что я не оставила тебя неподготовленной. Если меня не будет здесь, чтобы научить тебя заклинаниям, ты должна знать, что я найду способ дать тебе знать о них.

Сара задрожала, несмотря на летнее тепло. Слова Анны звучали как предостережение.

* * *

— Она сказала, что найдет способ дать тебе знать о них?

Сара кивнула. Она не могла говорить. Не плачь, не плачь, не плачь.

— О, Сара. Не беспокойся. Мы узнаем, что она имела в виду. Слушай, день был долгим, не хочешь пойти отдохнуть?

— Ладно. Но сначала я позанимаюсь часик. Гарри...

— Да?

— Если придет сон...

— Я не буду спать.

— Спасибо, — они смотрели друг на друга, на мгновение связанные.

Сара достала свою виолончель и встала у окна.

Когда она играла, Сара чувствовала спокойствие, реальность словно замирала. Ее музыка отражала ее страстную натуру. Темные, яркие ноты виолончели пели о собственной печали, собственном одиночестве. Джеймс всегда говорил, что, в какой-то степени, она была виолончелью.

Она закрыла глаза и окунулась в музыку. Она знала свой отрывок для прослушивания наизусть, она репетировала его так долго, и играла его мастерски. Ее учитель музыки, Сандс, столько помогал. Он очень гордился этой целеустремленной, талантливой, увлеченной молодой девушкой.

— Чтобы стать великим музыкантом, ты должны быть погружена в музыку. Питайся ею, упивайся ею, дыши ею, — сказал ей однажды мистер Сандс. И она, определенно, следовала этому совету.

Мистер Сандс всегда смотрел на ее руки и задавался вопросом, почему они были такими сухими, красными и выглядели грубыми. Несколько раз она замечала, как он смотрит, и решила соврать еще кое в чем.

— У меня псориаз.

— О. Должно быть, играть для тебя настоящее мучение.

— Так и есть, — сказала она, не вдаваясь в детали. Боль отвлекает меня от того, что болит по-настоящему, — могла она сказать, но не сделала этого. Это его не касалось. Ему не следовало бы думать о том, что она делала своими руками. В ее руках была ее душа. В ее руках была ее сила. И все же, она уничтожала их, она заставляла их кровоточить.

Последние несколько нот повисли в воздухе. Сара убрала свою виолончель в пурпурный чехол и начала готовиться ко сну. Она переоделась в шорты и футболку, завернулась в белый шерстяной кардиган и села на подоконник. Она прислонилась к холодному стеклу. Она

видела Тень на ее ночной охоте — черный безмолвный силуэт напротив белого гравия.

Сара наблюдала, как темнело небо, пурпурные тучи смыкались над болотами, словно заключая их в свой плен, и первые звезды зажигались на западе. Венера была сверкающе белой, словно одна из маминых жемчужин. Планета Сары, планета красоты и любви...

Она видела свой профиль, отражающийся в окне. Она всегда была немного удивлена, когда видела свое отражение, словно не узнавала сама себя. Она думала, что увидит ребенка, ребенка, которым была, но вместо этого она видела молодую женщину. Она скучала по этому, потому что внутри она все еще чувствовала себя маленькой девочкой. Маленькой девочкой, которую не очень любили, которую часто оставляли одну.

Раненой девочкой.

Сара вздрогнула. Она замерзла и устала. Она не могла держать глаза открытыми, но боялась того, что увидит в своем сне.

Может, ко мне явится Листок...

Эта надежда заставила ее лечь в постель. Она проделала свой привычный ритуал с одеялом и подушками, разглаживая их снова и снова, просто для уверенности. Она закрыла глаза и сон забрал ее почти сразу.

Началось видение, но это не был кошмар. Ее мать стояла в изголовье кровати и улыбалась.

— Мама!

Волосы Анны ниспадали на плечи, она была одета в свою любимую ночнушку, белую с цветочками. В одной руке она держала книгу с голубой обложкой, другая была сжата в кулак. Она держала что-то, но Сара не видела, что именно.

Она тихо присела на кровать Сары, раскрыла книгу и показала ей первую страницу.

Дневник Анны, для Сары.

— Для меня... Ты написала его для меня!

Анна кивнула, а потом заговорила, впервые за весь сон. Ее голос, кажется, доносился издали, словно эхо голоса, исчезнувшего давным-давно.

— Это мои заклинания. Будь сильной. Я люблю тебя, моя дорогая Сара...

— Я тоже люблю тебя, мама. Где дневник? Здесь, в доме?

Анна раскрыла кулак, ладонью вверх. В руках она держала маленький мешочек из синего бархата...

Сара проснулась со вздохом, ее лицо было влажным от слез.

Мама!

Она встала и побежала вниз. Она замерзла, но это не имело значения. Она пошла на кухню, а потом вниз по кованой лестнице, ледяной по сравнению с ее босыми ногами. Она сняла крошечный ключик с цепочки и открыла дверь.

Внутри была непроглядная тьма. Сара ощупала стену руками в поисках выключателя. Она включила свет и сразу же увидела тень на полу, вперемешку со слезами, так что не могла сказать, где заканчивалась ее тень и начиналась тень незнакомца. Она ахнула и обернулась.

Это был Гарри.

— Все в порядке?

— О, это ты! Ты напугал меня. Ты всегда так тихо ходишь.

— Я слышал звук. Я не спал. Я пообещал тебе, что не буду.

— У меня был сон... Я видела маму. Она передала мне послание.

Глаза Гарри расширились, его сердце забилось быстрее. Это же не... она не могла воскреснуть, чтобы сказать ей...

— Что она сказала? — грудь Гарри быстро поднималась и опускалась.

— Она писала дневник в последние месяцы жизни, — прошептала Сара в полутьме. Гарри выдохнул с облегчением. На секунду он почувствовал, что комната вращается вокруг него.

— Чтобы научить меня заклинаниям. В случае, если что-то случится с ней. Вот что она имела в виду, когда сказала, что даст мне знать о них.

— Она сказала, где он?

— Почти. Она показала мне... подожди... — Сара обыскала вещи мамы, разложенные на дубовом столе, в поисках голубого мешочка. — Вот. Может, в нем послание. Может, он подскажет, где дневник... — Сара нетерпеливо начала развязывать ремешок. Она вытряхнула содержимое мешочка на стол.

Ничего. Ничего, кроме сухой, сладко пахнущей пыли.

— Что это?

— Я думаю, это... сухие листья. — Инстинктивно Сара взяла щепотку и понюхала.

— Тимьян. Конечно! Я знаю, где дневник! — сказала она, взбегая по кованым ступенькам. Гарри бежал следом за ней. Она побежала по коридору и открыла тяжелые деревянные двери. Холодный ночной воздух окутывал ее и пронизывал до самых костей, но ей было все равно. Она заспешила вниз по каменным ступенькам и ступила на гравий. Ее босым ногам было больно, но она не могла пойти обуться, она не могла ждать. Она должна найти дневник.

Она побежала на задний дворик, пересекла сад и направилась к уголку Анны. Она села на колени у куста тимьяна и начала копать под ним, осторожно, чтобы не повредить корни.

Она почувствовала что-то теплое и мягкое на плечах. Гарри принес ей белый шерстяной кардиган и присел рядом с ней.

Полумесяц наблюдал за ними — маленькая луна в небе за садом, освещающая болота и целую Шотландию. Гарри всмотрелся — красота этой чистой ночи и лица Сары, решительного, нетерпеливого, тревожного. Ее черные волосы, словно шелковый водопад, спадали на плечи. Лунный свет отражался на ее коже. Он всегда думал, что Сара была похожа на луну — белая, яркая, далекая.

Неприкосновенная.

— Вот он! — Сара вытащила что-то, завернутое в клеенку и перевязанное веревкой. Она осторожно развернула сверток. Внутри была голубая книжка.

Она вытерла руки о свои голые ноги, вытащила дневник и с благоговением открыла его. Страница за страницей исписана ее матерью. Картинки, рисунки, образцы сухих трав в маленьких прозрачных мешочках, заклинания, истории, рецепты, все написано в изящной манере Анны. Она почувствовала, как слезы радости катятся по щекам. Гарри обнял ее, и она позволила ему. Она закрыла глаза, погруженная в тихую радость. Ее лицо у Гарри на груди, его руки вокруг ее талии, и дневник ее матери, зажатый между ними.

Глава 13. Песнь сапфира

Смотри на меня — я ухожу.

Смотри, даже несмотря на то, что тебя здесь нет.

Сара медленно проснулась, умиротворенная после глубокого сна. Она вернулась в реальность, моргая, чувствуя себя так, будто проспала несколько дней, хотя прошло всего три часа. Краем глаза взглянула на часы, стоящие на столике рядом.

Половина восьмого!

Она выскочила из кровати, потревожив Тень, которая подпрыгнула с обиженным мяуканьем.

У Сары было лишь полчаса, чтобы умыться, одеться и добежать до школы. Невозможно.

— О, нет, — простонала она, потирая лицо руками. Она провела большую часть ночи, читая дневник матери, и уснула уже после рассвета.

Она не могла дождаться, когда выпустится из Тринити. По крайней мере, в ККШ у нее будет немного больше свободы в плане того, как организовывать свою работу... если ей удастся поступить. И, учитывая образ жизни Миднайтов, ей потребуется больше свободы.

Она быстро приняла душ, высушила волосы и надела форму. Очень, очень аккуратно. Сара посмотрела на себя в зеркало и сразу же почувствовала, что задыхается. Нет, это не правильно. Она раздраженно вздохнула, расстегнула пуговицы на рубашке и снова застегнула их — ускоренная версия ее утреннего ритуала. Времени больше не оставалось. Она должна пойти так. Она заметила глубокие синие тени под глазами. Как у вампира.

Я выгляжу, как живой мертвец.

Сара вздохнула. Ей не нравилось чувствовать косметику на своем лице, но это была чрезвычайная ситуация. Она взяла консилер и нанесла немного под глазами. Критично посмотрела на свое отражение. Не намного лучше. Ну, ладно, надеюсь, что выгляжу соблазнительно, а не просто до смерти уставшей.

— Сара, уже поздно! Я подвезу тебя!

Гарри. Его голос подарил ей внезапный прилив радости.

— Иду! — крикнула она. В последний раз, разгладив колготки, она пошла вниз.

— Я сделал тебе тост с джемом.

Сара сразу же взглянула на тостер, тревога уже образовала узел в ее животе, но Гарри подобрал каждую крошечку. Она глубоко вздохнула. Спасибо.

— Я не очень голодна и не успеваю.

— Сара, тебе нужно есть. Я буду сидеть тут, пока ты не съешь хотя бы один кусок.

Сара закатила глаза.

— Ты хуже тети Джульетты!

Он засмеялся. Сара заметила, что у него на щеках появились ямочки.

— Ты научился пользоваться кофеваркой? Молодец! — сказала она саркастически.

— В том, чтобы не спать, есть свои преимущества.

— Ты часто не спишь?

— Довольно часто. У меня с детства бессонница.

На нем была клетчатая рубашка с закатанными рукавами. «Он всегда это делал — закатывал рукава», — подумала Сара с нежностью. Она мельком заметила шрам, светлее, чем остальная часть его руки. Солнце, просачивающееся из окна, заставляло его светлые

волосы светиться.

Он выглядит... сильным. Да, это подходящее слово. Сильным и ярким, как воин солнца.

И вот снова. Еще один прилив радости. Сколько времени прошло с тех пор, как она просыпалась счастливой? Это было даже намного раньше смерти родителей.

— Ты будешь со мной в школе?

— Да. Ты меня не увидишь, но я там буду.

Сара кивнула. Тогда она была в безопасности. Она положила последний кусочек тоста в рот и вымыла руки.

— Я готова, — сказала она. Они выбежали на улицу, Сара едва успела остановиться и разгладить пальто у входа.

— О, и, Сара... — сказал он небрежно, пока они шли по гравийной дорожке. — Парень, с которым ты вчера говорила...

— Джек.

— Как бы его не звали, он не для тебя, — тон Гарри был намеренно небрежным.

Щеки Сары заалели.

— Это мое дело, Гарри.

Гарри надменно улыбнулся.

— Я знаю. И знаю, что ты уже решила.

— Как ты можешь знать?

— Я видел, как ты смотрела на него.

— И как же я на него смотрела? — она скрестила руки на груди.

— Как на тетю Джульетту, — Гарри открыл машину.

Он прав. Но все же, как он смеет!

Она забрались в машину Гарри — новенький черный Фиат Браво. Он сказал, что хочет приберечь Лэнд Ровер для Сары, что пользоваться им было нечестно. Саре нравилась Браво. Ее конструкция была изящной, как снаружи, так и изнутри, намного лучше, чем в родительском Лэнд Ровере, большом и пугающем как танк. Конечно, тут не было так много места, но ее виолончель хорошо помещалась на заднем сидении, и этого было достаточно. Гарри заметил, что она с удовольствием осматривается, и это по-ребячески польстило ему.

— Какие на сегодня планы?

Сара все еще дулась после его комментария о Джеке.

— Разве ты не смотрел мое расписание? — парировала она.

Гарри спокойно улыбнулся.

— Не на сегодня.

— Я собираюсь провести большую часть дня, репетируя с мистером Сандсом.

— Тогда это хороший день.

— Да. А что ты будешь делать? В смысле, кроме преследования меня, как какой-то жуткий сталкер?

— Ха, ха. Мне нужно поговорить с кое-какими друзьями.

— С этими таинственными друзьями, которые знают все на свете?

— Именно с ними, да.

— И кто же они такие?

— Они предпочитают, чтобы люди о них не знали.

— Мужчины или женщины? — спросила Сара. Гарри подавил улыбку.

— Мужчины.

— Ну да. Ты с ними охотился?

— Возможно.

Сара закатила глаза. Ей не нравилось слышать об этих его друзьях. Они напоминали ей о его жизни до нее, о жизни, к которой она не хотела, чтобы он вернулся.

— Гарри?

— Ммм?

— Когда все это закончится, ты будешь работать доктором, не так ли?

Гарри быстро взглянул на нее, прежде чем вернуться к дороге. Это еще очень долго не закончится. Дольше, чем ты можешь представить. Если вообще когда-нибудь закончится, и если мы будем еще живы, чтобы увидеть конец.

— К чему этот вопрос?

Сара пожала плечами.

— Я не знаю. Может, я продолжу охотиться, потому что мне это нравится. — У меня нет выбора. Много времени пройдет, прежде чем я буду свободен. Если вообще буду.

— Нет, — прошептала она.

— Нет?

— В смысле, не делай этого. Того, что сделали мои родители.

— Я всегда этим занимался.

— Я не хочу... Я не хочу, чтобы ты... — она запнулась.

— Тебе не нужно волноваться обо мне. Я могу о себе позаботиться! — засмеялся Гарри.

Сара расстроилась и молчала до конца поездки. Они приехали к школе в молчании.

— Ты в порядке? Ты тихая.

Сара кивнула, и вылезла из Браво. Она забрала свою виолончель из заднего сиденья.

— Гарри...

— Да.

Она выглядела как ребенок: лицо, полное тревоги, розовеющие щеки.

— Не ходи на охоту ночью. Останься со мной, — сказала она и быстро ушла, не давая Гарри времени ответить, и не оборачиваясь.

Гарри не двигался какое-то время, держась за руль и провожая взглядом пурпурный чехол для виолончели через всю парковку и вверх по ступенькам, пока он не исчез.

— Твои руки выглядят лучше.

— Да.

— Болят меньше?

— Да.

В последнее время все меньше болит.

Она задалась вопросом, где был Гарри, наблюдал ли за ней прямо сейчас, слушал ли.

В конце учебного дня Сара торопилась, почти бежала. Она стояла на верхней ступеньке с Брайони, Элис и Ли, осматривая парковку, пока не заметила машину Гарри.

— Пока, девчонки!

— Сара, подожди! Ты придешь ко мне сегодня? — спросила Брайони.

— Прости, не могу. Мистер Сандс завалил меня работой. Мне нужно идти, Гарри здесь.

— Это твой кузен? — воскликнула Элис, глядя на высокого блондина, прислонившегося к машине со скрещенными на груди руками. Сара закатила глаза. Ну вот, опять.

— У него есть девушка? — добавила Элис, а затем, когда Сара пыталась притвориться, что не слышала:

— Ты должна познакомить нас, Сара.

Сара нахмурилась и пошла прочь. Элис может быть такой надоедливой. Оставлю их сплетничать в одиночестве.

— Увидимся завтра, Сара! — услышала она голос Ли.

— Увидимся, Ли! — прокричала Сара в ответ, чувствуя себя немного виноватой из-за того, что ушла так внезапно. Ли была очень милой.

— Привет. Значит, рыжая — это Брайони, да?

— Да, а что? — ответила Сара раздраженно.

— Ничего, просто я так много слышал о ней. Блондинка очень симпатичная. Кто она? — добавил он. Она знала, что он дразнил ее, но все равно попалась на приманку.

— Элис, — сказала она сердито. — Она не подходит тебе по возрасту!

— Мне всего лишь двадцать да, — ответил он, осторожно кладя виолончель Сары на заднее сиденье.

— Гарри!

— Всего лишь дразню тебя. Я не ищу девушку, — засмеялся он и сел в машину.

— Разве у тебя ее нет в Новой Зеландии? — спросила Сара, стараясь говорить небрежно.

— Была. Мэри-Энн. Она не была той самой.

Мэри-Энн. Девушка, которая таскала ножи в лифчике. Тьфу.

— Ты ей так и сказал?

— Она вроде как знала. Особенно, когда прочитала мою записку. Я очень ясно это написал.

— Записку? Ты бросил ее с запиской? — Сара была в ужасе.

— Самолет в Лондон уже вылетал. У меня не было времени позвонить ей.

— Конечно.

Какой джентльмен. «Бедная Мэри-Энн», — подумала Сара, но не сказала ничего.

— Она была просто случайным развлечением.

— Девушка — это не просто «случайное развлечение», Гарри!

— Ну ладно, но я все еще не нашел ту самую, — его слова повисли между ними, словно звуковые помехи.

Ту самую.

Сара отвернулась.

— Ладно, не важно. Четыре дня и все еще ничего. Я думаю, они скоро нападут, — Гарри быстро сменил тему.

Я тоже так думаю. Я думаю, что они очень, очень скоро нападут на нас. И я знаю, что сегодня у меня будет видение. Чувствую это всем телом.

При одной лишь мысли о новом видении Сара задрожала. Но этого никак не избежать. Спрятаться нигде, ее сны всегда найдут ее. Если им есть, что ей сказать, они найдут, не пощадят ее.

— Я вчера прочитала заклинание из дневника мамы. Я хочу опробовать его, как только мы доберемся домой.

— Какое заклинание?

— Мама называет его «Песня сапфира». Оно должно сказать нам, если кто-то пытается проникнуть в дом.

Гарри кивнул.

— Звучит неплохо.

— Да, надеюсь, что смогу заставить его работать. Гарри, я тут подумала... почему моя бабушка не учила папу и дядю Стюарта заклинаниям, но научила мою маму?

— По обычаю, в семье Миднайтов женщины заведуют колдовством, назовем это так. По крайней мере, так мне сказал Гарри.

— Но у нее не было дочерей, так что если бы дядя Стюарт или мой папа не женились, знания были бы утеряны.

— У нее была дочь. Сестра твоего отца. Наша тетя, — он быстро поправился. Сара выглядела удивленной. — Ты не знала?

— Что? У меня есть тетя? — Сара не могла поверить своим ушам. *«Вокруг меня вдруг начинают появляться кузены и тети»*, — подумала она, пораженная.

— Ее звали Мейрида. Ее убили, когда ей было тринадцать. Она только начала видеть сны. Поверить не могу, что ты не знала!

Сара почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

— Поверить не могу, что никто мне не сказал. Есть какие-нибудь ее фотографии?

— У меня нет, прости. — Фотография, которую мне показал Гарри, все еще в его доме в Лондоне.

— Я даже не знала.

— Миднайты хорошо умеют хранить секреты, — сказал Гарри, и это действительно было так.

— Как это произошло? Как она умерла?

— Я не знаю. Я был очень маленьким. Они не рассказывали мне деталей. Я знаю только, что это была не случайность. Ее убили.

— Это ужасно. Она была всего лишь ребенком... Они, наверное, обезумели от горя.

— Да, — сказал Гарри с великой печалью. — Я удивлен, что Джеймс не говорил тебе.

— И мама тоже. Значит, их было трое? Или есть еще какие-нибудь тети и дяди, о которых мне следует знать?

— Только трое.

— Мейрида. Поэтому меня и называли Сара Мейрида.

— Ее звали Мейрида Элизабет Миднайт.

— Как она выглядела?

— Она была блондинкой, но ее лицо было очень похоже на твое — те же глаза, то же выражение.

Мейрида Элизабет Миднайт. И она выглядела как я. Еще одна потерянная девочка.

Они хранили молчание какое-то время.

— Я могу помочь тебе с заклинанием, или ты хочешь быть одна?

Сара раздумывала об этом минуту.

— Останься, — сказала она, наконец.

— Отлично. Пойдем. Я сделаю нам чай.

— Ты как старая леди со своим чаем! — сказала Сара, и Гарри засмеялся, пытаясь повысить настроение.

Он поверить не мог, что они не рассказали ей. Зачем скрывать существование Мейриды от Сары? Чтобы попытаться избавить Сару от грусти из-за смерти Мейриды. Родители Сары никогда не преуспевали в том, чтобы уберечь ее от страданий или защитить от болезненных вещей.

Это загадка. Еще одна.

Они сделали чай и пошли наверх, в комнату Сары за дневником Анны. В комнате было прохладно, потому что окно оставалось открытым с утра. Занавески разлетелись на ветру, и серебристо-серые стены едва заметно мерцали. Деревянный пол выглядел, словно в огне, усыпанный светом заходящего солнца.

Сара вытащила дневник матери из небольшого ящика в прикроватном столике и села на кровати. Тень прыгнула ей на колени, умышленно игнорируя Гарри. С тех пор, как он усыпил ее, Тень ему не доверяла.

— Посмотрим... Так, вот оно. Песнь сапфира.

«Моя Сара, если ты боишься, нападения в собственном доме, сделай следующее: возьми мои сапфиры (два из них в деревянной коробке). Растолки немного розмарина, чеснока и красной водоросли в маленькой ступке. Обкатай сапфир в этом порошке. Потом скажи:

Пой, если печать будет сломана.

Лизни палец и прикоснись к сапфиру. После того, как ты прочла заклинание, не говори ни слова за все время, пока ты хочешь, чтобы сапфир стоял на страже. Если ты заговоришь, сапфиры умолкнут. Положи один из них на чердаке, прямо посередине, а второй оставь себе. Если кто-то попытается проникнуть в том, сапфир скажет тебе. Помни, не говори ни слова, иначе сапфиры не будут петь».

— Вот оно.

— Кажется, очень просто, — сказал Гарри. Они пошли назад в подвал и Сара начала класть сухие листья в мамину каменную ступку.

— Сара, — напряженный, внезапный шепот, заставивший ее тревожно поднять взгляд. — Ты что-нибудь слышала?

— Нет, ничего, — ее сердце участилось. Она попыталась вдохнуть, но воздуха не хватало.

— Думаю, я слышал что-то. Будь здесь.

Гарри вытащил скин ду.

— Я пойду с тобой.

— Нет, оставайся здесь и закрой дверь.

— Я могу понадобиться тебе.

— Не спорь со мной, Сара.

«Не спорь со мной»? Он, правда, только что это сказал?

Сара вызывающе посмотрела ему в глаза и направилась к винтовой лестнице. Гарри вскинул руки вверх. Ну, конечно, она это сделает.

— Хотя бы кинжал возьми!

Сара повернулась к нему спиной и подняла рубашку, чтобы показать ему скин ду.

Гарри кивнул.

— Неплохо.

Медленно, осторожно они прошли сквозь весь дом, кухню, гостиную, столовую, спальни, ванны, кабинет Джеймса. *«Этот дом бесконечен!»*, — подумал Гарри.

Ничего. Ничего не было, человеческого или нет.

— Это было твое воображение.

— Может быть, — Гарри не был в этом убежден.

Они вернулись в подвал, и Сара снова начала оттуда, где закончила. Она вытащила

сапфиры и осторожно положила перед собой. Положила сушеный розмарин и чеснок в ступку, осталось добавить лишь красные водоросли и все измельчить. Она покрыла сапфиры этой смесью.

— Теперь я прощаюсь. Мне нельзя будет говорить ни слова.

Гарри кивнул.

— Пой, если печать будет сломана, — провозгласила Сара. Она лизнула указательный палец и дотронулась до сапфиров по очереди.

А затем — тишина.

Она не возражала. Она находила идею не разговаривать странно привлекательной. Очень осторожно держа сапфиры, она пошла вверх по винтовой лестнице на второй этаж, Гарри следовал за ней. Они прошли по коридору, мимо своих комнат на лестничную площадку между гостевых. Сара открыла дверь слева и вытащила длинную палку с крючком на конце. Она использовала ее, чтобы открыть люк над их головами, и, когда она это сделала, спустилась стальная лестница. Они поднялись вверх по лестнице, на чердак.

Сара поместила сапфир прямо в центре комнаты на полу, а один прижала к сердцу. Они переглянулись.

Мое первое заклинание.

Глава 14. Музыка

*Между нами нет больше слов,
Лишь песня.*

Гранд-Айл, Луизиана

— Он понятия не имеет, Шон. Но он отличный рыбак, — Майк просматривал страницы в Интернете, разговаривая с Шоном. Найл, как обычно, был на пляже.

— Что?

— Он ходит ловить рыбу каждую ночь. Сам берет лодку. Без удочки, или сетки. Возвращается с большим количеством рыбы, чем мы можем съесть.

— Круто. Ты слышал, как он поет?

Майк закатил глаза.

— Круглосуточно. Я теперь знаком с каждой ирландской песней из прошлого, настоящего и даже с несколькими из будущего. Но нет, он не пел так, как ты имеешь в виду. Хорошо, что ему не пришлось.

— Ага. Значит, вы все еще в безопасности.

— Надеюсь, что так и будет продолжаться. Как у тебя дела?

— Не страннее, чем обычно. Цапля... она в порядке.

Глаза Майка расширились. Он с такой нежностью произнес имя Сары. Это прозвучало очень, очень лично.

Он влюбился в нее, или что? Это бы очень усложнило ситуацию.

— Ладно, я пойду. Пошлю тебе Сигнал. — Сигналом было сообщение, которое они посылали друг другу каждое утро и ночь, чтобы удостовериться, что они в порядке. Чтобы удостовериться, что они живы.

— Ага. А вот и Найл. Господи, дай мне сил.

Майк слышал, как Шон засмеялся, нажимая кнопку «окончить разговор».

— Вот. Наш ужин, — Найл бросил мокрый мешок на неровный деревянный пол лачуги. С его каштановых волос капало.

— Раки, — лицо Майка помрачнело.

— И моллюски, — бодро добавил Найл.

— Прекрасно. В смысле, я люблю морепродукты, но мы не едим ничего, кроме них. Я превращаюсь в морского котика.

Тень улыбки промелькнула на губах Найла, настолько быстро, что вы могли бы подумать, что ее никогда там и не было. Моль плясала вокруг газовой лампы, отбрасывая странные тени на стены и их лица.

Затянулась пауза, пока Найл изучал облупившуюся краску на оконной раме, погруженный в свои мысли.

— Мне интересно, когда мы сможем пойти домой, — сказал он. Он выглядел очень юным, очень бледным. *«Ему всего семнадцать»*, — задумался Майк. И его жизнь уже была довольно запутанной, даже прежде, чем все это началось.

— Скоро. Мы найдем способ.

— Мы даже не знаем, кто за нами охотится. Кто стоит за всем этим.

— Пока нет. Но мы узнаем. Теперь, почему бы тебе не спеть что-нибудь для меня? Это поднимет тебе настроение.

— Правда?

— Нет.

— Я так и думал. Пойду, разожгу огонь, — Найл добродушно пожал плечами. Егс невозможно было разозлить. Он был таким мягким.

— Иди.

— Кстати, меня не будет сегодня ночью.

— Тебя что?

— Не будет. Пойду искать веселье.

— Не пойдешь.

— Пойду.

— Найл, ты не можешь пойти. Это опасно. Мы не можем привлекать к себе внимание, ты это знаешь.

— Попробуй остановить меня.

— Попробую!

— Ты не можешь.

— Господи, Найл...

— Пойдем со мной.

— Ни за что. Я не иду, и ты тоже.

— Мы идем. Ты не хочешь, чтобы я оглушил тебя своим волшебным голосом, а?

— Отвали, Найл.

— Всего одна ночь. Одна ночь. Ты пойдешь, правда?

Майк вздохнул.

— Ладно, ладно. Я покажу тебе, как развлекается Луизиана. Крепись.

Час спустя вокруг них играли аккордеон и скрипка, а сами они неуклюже танцевали со стаканами в руках. Когда мелодия закончилась, серые глаза Найла светились от алкоголя и счастья этой украденной ночи.

— Это было потрясающе!

— Это был каджун, друг мой! — воскликнул Майк, одной рукой обнимая миловидную француженку. — Это наша музыка!

Найл передал Майку свой стакан. Он встал прямо под небольшой деревянной сценой и прошептал что-то скрипачам. Толпа ждущих глаз повернулась к нему.

— Это для цапли, — голос Найла был ясным и незнакомым в выжидающей тишине.

Он начал играть. Это была запоминающаяся, грустная мелодия о туманных холмах, ветре и сером океане. Она рассказывала о его доме далеко-далеко, о сожалении и страхе перед будущим. Все вдруг умолкли, словно загипнотизированные.

Когда Найл спустился со сцены, публика не знала что сказать, так же, как и Майк. Все, что он мог сделать — передать Найлу его стакан.

Маленькая, милая девушка внезапно появилась рядом с ними.

— Это было потрясающе. Мне так понравилось, — сказала она, ее глаза не оставляли никаких сомнений в том, что она на самом деле имела в виду.

Найл выглядел самодовольным.

— Спасибо...

— Кэролайн.

— Кэролайн. Не хочешь прогуляться?

— Конечно!

Музыка снова начала играть. Найл прошептал Майку на ухо:

— Скрипачи всегда получают девушек, мой друг.

— Правда? Ну, явно не этот скрипач. Это для тебя вредно, юноша.

— Ты что, его отец? — Кэролайн положила ладони на бедра, раздраженно прищурившись.

— Я выгляжу как его отец? — засмеялся Майк, указывая на свою темную кожу по сравнению с бледнолицым Найлом.

— Он мой телохранитель. Из ФБР, — лицо Найла было совершенно спокойным.

— Пошли! — Майк потащил его за собой в теплую, спокойную ночь.

— Майк!

— Она может быть одной из них! Она может быть кем угодно! Ты не можешь остаться с ней наедине, — прошептал он, как только они вышли из поля слышимости.

— Ты просто завидуешь.

Смех Майка наполнил темноту вокруг них.

— Сочувствую, чувак.

Мелодия, словно извивающаяся река, выливалась из открытых дверей бара, провожая их домой. Уже лишь воспоминание — огонек света в приходящей тьме.

— Кстати, это было потрясающе. Мелодия, которую ты играл. Я впечатлен.

— Спасибо. Хочешь услышать еще какую-нибудь песню?

— Нет. Пошли, отправим Сигнал, и только тогда наш день закончится.

— Я пойду, поплаваю.

— Серьезно?

— О, да.

«Он жил в воде», — подумал Майк. Но он был сонным и немного пьяным, так что решил, что подумает об этом завтра.

Глава 15. Одышка

*Битое стекло в моем горле —
Слова, которые я не могу произнести.
То, что тебе следует знать.*

«Сегодня у меня будет сон, я чувствую это», — написала Сара в своем дневнике.

— Я не буду спать, не беспокойся, — заверил ее Гарри. Он шепнул «спокойной ночи» и закрыл за собой дверь.

Сара положила сапфир рядом с дневником и взбила подушку и одеяло, затем еще раз и еще раз. Было уже больше часа ночи, она была опустошена, но не хотела засыпать. Она была слишком напугана тем, что может увидеть во сне. Она чувствовала себя наэлектризованной от ног до головы. Когда дело касалось силы, Сара была как кошка — могла чувствовать, как приближается шторм.

Сара снова включила лампу и встала. Полтора изнурительных часа она распрямляла, сортировала, выстраивала в ряд и вытирала все, что попадется под руку. Когда она закончила, чувствовала себя такой уставшей, что почти падала. Она подумала, что приляжет на минутку, а потом, наверное, еще раз вымоет ванную, но ее веки были такими тяжелыми, что она не смогла ничего поделать.

Внезапно и тяжело, словно камень, сон накрыл ее. Она пыталась сопротивляться, но это было бесполезно. Она всхлипнула во сне.

Сара открыла глаза в полутьме, и запах влажной почвы наполнил ее ноздри. Она видела стену из холодного, серого камня. И сразу же она поняла, где находится — в маленькой пещерке под стоячими камнями. Это было то же самое место, которое она видела в видении в библиотеке.

Может, я снова увижу Его...

Мысль подбодрила ее. Сара помнила, как выбраться из темноты. Она бросилась на пол и поползла к маленькому лучику света. Она протиснулась сквозь дырку и вышла на приглушенный свет и ветер. Она лихорадочно оглянулась.

Листок, где ты?

Но никого там не было. Никого, кроме нее и камней.

Внезапно, Сара почувствовала, что задыхается. Она не могла вдохнуть, словно один из этих серых камней давил ей на грудь. Паника охватила ее. Она упала на колени на мокрую траву, держась за горло...

Сара проснулась от толчка. Она открыла глаза и вместо пурпурного неба увидела белое, мертвое лицо в нескольких дюймах от собственного. Демон сидел на ее груди, его руки вокруг ее горла. Сара попыталась вызвать Темную воду, но быстро поняла, что это бесполезно. Она медленно задыхалась и ни за что не смогла бы сосредоточиться на своей силе. Темные круги начали танцевать перед глазами...

И прямо в этот момент, Гарри ворвался в комнату. *«Он не спал, как и обещал»*, — смущенно подумала Сара.

— Сара! — голос Гарри, казалось, доносился издалека. Она чувствовала, будто уплывает куда-то, оставляя тело позади. Черные точки умножились, она больше не могла видеть. Мысль промелькнула в ее голове, внезапная и болезненная: а вдруг это последняя ночь в моей жизни? И это мои последние моменты?

И, когда Сара подумала, что все кончено, хватка вокруг ее горла начала ослабевать. Ей удалось быстро, хрипло вдохнуть, и именно поэтому в последнюю минуту она не потеряла сознание. Белые руки окончательно отпустили ее и она начала жадно вдыхать воздух, как можно более глубоко, кашляя и держась за грудь. Она поднялась на колени и неуверенно встала. Ее легкие болели.

Наконец-то Сара смогла увидеть, что на нее напало — лысое, голое и невероятно высокое существо с плоским лицом, двумя отверстиями для ноздрей и одним для рта. Она моргнула, снова и снова, пытаясь понять то, что видела.

Гарри стоял с поднятыми руками, держа скин ду. Он легко и быстро двигал ножом в воздухе, словно писал что-то.

Я еще кое-что могу делать с ножом, — сказал он однажды. Теперь Сара понимала, что он имел в виду. В этот момент Гарри взревел и его движения стали сильнее, резче. Колотые раны начали появляться по всему телу демона, и черная кровь из ран заливала все: стены, пол, зеркало. Пот лился со лба Гарри, пока он продолжал творить заклинание.

Снова и снова получая ранения, демон взвыл от гнева и слепо врезался в окно. Размахивая руками, он ударил Гарри, и тот упал на деревянный пол, ударившись головой с глухим стуком, который заставил Сару почувствовать тошноту.

— Гарри!

Истекающее кровью чудовище продолжило свое слепое бегство и выпрыгнуло из окна, разбивая стекло.

— Гарри...

— Я в порядке, в порядке.

— У тебя кровь... — Сара села рядом с ним и положила его голову к себе на колени. Черная кровь демона смешивалась с красной кровью Гарри на ее руках, ногах и даже на волосах.

Гарри закрыл глаза.

— Ауч...

Сара отбросила его испачканные кровью волосы с лица.

— Может, лучше поехать в больницу.

— Ни в коем случае.

— Мы можем сказать, что ты упал...

— Я врач, помнишь? Прими мой профессиональный совет — мы остаемся дома.

Сара помогла ему подняться, и он похромал к окну.

— Он ушел?

— Я не знаю.

— Почему заклинание не сработало? — прошептала Сара.

— Потому что демон уже был в доме, я думаю. Где-то скрывался.

— Скрывался? Он мог... О, Боже, Гарри. Я оставила окно открытым! Вот как он попал внутрь!

— Я думаю, заклинание работает только в том случае, если кто-то пытается пробраться в дом после того, как оно было произнесено, — Гарри тяжело оперся о стол Сары, держась за голову.

— Гарри, ты в порядке? — Сара обняла его за талию.

— Просто голова немного кружится.

— Приляг.

— Мне нужен кофе.

— Ты думаешь, что кофе может исправить все!

— И это правда.

— Ладно. Приляг, а я сделаю тебе кофе.

— Ты не можешь одна идти вниз, я должен пойти с тобой.

— Нет, ты ложишься.

— Сара! Эта штука может быть внизу! Она может быть в саду! Мы должны проверить весь дом, а потом снова произнести заклинание!

— Ты такой... упертый!

— Я? На себя посмотри!

Сара взглянула на него, ее глаза сверкали. Она искала язвительный ответ, но увидела, насколько он бледный.

— Дай мне хотя бы отмыть тебя немного, — мягко сказала она.

Сара вымыла волосы Гарри настолько, насколько могла. Она продезинфицировала рану и хотела забинтовать ее, но Гарри был совершенно против.

— Я буду выглядеть как мумия!

— Сейчас не самое подходящее время думать о своем внешнем виде.

— У тебя есть болеутоляющее?

— У меня есть кофеин. Мама с папой часто пользовались им.

Гарри глотнул пару капсул и потащил Сару из ванной.

— Пошли.

— Спасибо, кстати, — пробормотала она.

— За что?

— За то, что спас меня. Снова.

— Ах, да. Тогда, кстати, пожалуйста.

Если бы она не была так напугана, то улыбнулась бы.

— То, что ты делал с ножом... это было невероятно!

— Это навык. Этому можно научиться. — Гарри научил меня.

— Научишь меня?

— Конечно. Я научу тебя всему, что знаю.

— И усыплять людей тоже?

— Нет.

— Почему?

— Чтобы ты не использовала это на мне, конечно же.

В этот раз она не смогла сдержать улыбку.

Они сделали остановку на кофеин. Гарри проглотил несколько эспрессо в один присест.

— Намного лучше. Пошли.

Кофе в качестве лекарства от сотрясения. А у него еще степень в медицине!

Они снова проверили весь дом, Гарри держал skin ду наготове, руки Сары пылали. На гравии было немного черной крови, и след вел к воротам. Кажется, чудовище ушло.

— Интересно, чей это был демон, — сказала Сара, думая о списке.

— Скоро мы узнаем. Это был еще один Ферал. Ты знаешь, что это такое?

— Нет.

Они совсем ничему ее не учили?

— Слуги, Фералы и Высшие. Слуги в основном свирепые, но тупые. Фералы — что-то

среднее между животными и разумными существами. Высшие демоны... Вот кого нужно бояться в первую очередь.

— Ты когда-нибудь встречал их?

— Много раз. Надеюсь, тебе никогда не придется, — прошептал он. Но он знал, что это хрупкая надежда.

Сара промыла сапфиры в воде и соли, так говорилось поступить с чем-то, что использовалось в более чем одном заклинании.

Теперь она больше не могла говорить. Она снова была в своем маленьком молчаливом пузыре.

Комната была в полнейшем беспорядке. Кровь была везде — и кровь Гарри, и кровь существа. Было холодно, потому что стекло разбилось, и ночной холод наполнял комнату.

— Я помогу тебе убратся, — предложил Гари, и Сара благодарно кивнула.

Гарри заколотил окно деревянными досками, которые нашел в гараже, а Сара скребла и мыла в тишине, пока вся кровь не была отмыта. Она с грустью посмотрела на окно. Кажется, что мы в осаде. Это ужасно.

Она взяла свой дневник и написала в нем.

«Когда на нас напали, у меня был сон».

— Что ты видела?

«Пока ничего. Он только начинался».

— Позови, если я понадобится. И не смей больше мыть или чистить, ладно? Тебе нужно отдохнуть. Я пойду приму душ.

Сара снова кивнула.

Но она не могла остановиться. Она была так напугана нападением в собственной комнате, что должна продолжать дезинфицировать и вымывать до тех пор, пока ее руки не начнут кровоточить. Из-за заколоченного окна она даже не смогла увидеть, что пришел рассвет. Она уснула на полу.

Три часа спустя Сара резко проснулась. Все ее тело болело, голова разрывалась надвое. Она попыталась встать и привести себя в порядок, но ее голова так кружилась, что пришлось снова лечь. Ее руки были в агонии, она посмотрела на них и поморщилась. Они были потрескавшимися и кровоточили. Она потрогала лоб — он был очень горячим.

Тень вернулась с охоты, когда Сара еще убиралась. Запах отбеливателя ударил ей в розовый носик, но она осталась и из преданности спала на полу с Сарой. Теперь кошка запрыгнула на кровать и потянулась.

Сара застонала. Она поплелась в ванную и сумела найти немного парацетамола. Взяла две таблетки и попыталась запить их, но ее горло опухло и болело. Она забралась в постель, умоляя, чтобы не пришло видение, и уснула легким, тревожным сном.

Примерно через час, Гарри постучал в дверь.

— Сара, ты в порядке? Уже почти половина седьмого.

Сара тут же проснулась. Она не могла говорить из-за заклинания и того, что ее горло так болело, — все равно было бы очень больно. Она медленно проснулась, чувствуя боль во всем теле, и открыла дверь. Взглянув на нее лишь раз, Гарри понял, что что-то было не так. Ее зеленые глаза были нечеловечески яркими, сама она была белой, словно полотно, а ее щеки и губы — алыми.

— О, Сара... Давай, приляг, — он потрогал ее лоб. Его рука казалась холодной по сравнению с ее горящим лбом. — Ты вся горишь. Ты что-нибудь приняла?

Сара кивнула. Поворачивать голову было ужасно больно. Она подняла руку в сторону лба Гарри и легко коснулась его волос, задавая вопрос взглядом.

— Я в порядке, это просто синяк, — он резко выдохнул, увидев ее руки. — Сара! Что ты сделала?

Сара отвернулась.

— Боже, Сара. Что ты с собой делаешь?

Гарри исчез в ванной, покопался там и вернулся с первым попавшимся тюбиком крема. Он сел рядом с ней на кровать и открыл его. Выдавил немного приятно пахнущего крема и покрыл им ее руки, медленно втирая. Облегчение было невероятным. Сара закрыла глаза, позволяя Гарри легко массажировать ее руки. Это было так приятно, что она пожелала, чтобы он не останавливался.

— Сара, бедные твои руки... Я позвоню в школу и скажу, что ты сегодня не придешь. Сейчас вернусь, — несколько минут спустя Гарри вернулся с чашкой кофе.

«Конечно. Это мне поможет. Лекарство Гарри от всех недугов», — подумала она с нежностью.

— Ничего? — спросил он, указывая на сапфир на прикроватном столике Сары.

Она медленно покачала головой. Закрыла глаза. Не было такого места на ее теле, которое бы не болело.

— Где твой телефон?

Она указала на свою сумку на кресле у окна.

Гарри откопал его и положил на тумбочке рядом с сапфиром и дневником снов.

— Если я понадобится, просто напиши или позвони. Я буду в подвале.

У Сары не было сил кивнуть, так что она просто посмотрела на него сияющими, болезненными глазами.

Как только Гарри покинул комнату, Сара снова уснула. Снова она молилась, чтобы не пришли сны, но это так не работало. Видения не знали пощады. Им было наплевать, была она здорова или больна.

Сон, который прервал Ферал, снова начался. Сара попыталась проснуться, попыталась воспротивиться, но не могла. Она снова стояла в окружении камней и чувствовала себя так же, как и в реальном мире. Ветер на ее щеках и трава под ногами были блаженно холодными по сравнению с ее горячей кожей. Что-то двигалось на расстоянии — фигура в капюшоне бежала к ней. Сердце стало биться чаще. Она упала на колени, пытаясь найти силы, чтобы снова встать. Фигура приближалась и приближалась, пока не оказалась прямо перед ней. Одиноким ворон приземлился рядом с ней и каркнул.

А вдруг это...?

Фигура присела рядом с ней и сняла капюшон. Это был Листок. Сара почувствовала такое облегчение, что бросилась ему на шею. У него был резкий запах, и ей потребовалось несколько секунд, чтобы узнать его. Земля, мох, дерево, и... дым. Древесный дым.

— Дорогая Сара, — прошептал он, глядя ее по волосам. — Я пришел, чтобы предупредить тебя.

Она прижалась к нему, словно пыталась предотвратить его исчезновение. Все мысли покинули ее лихорадочный разум, и она позволила себе прислониться к его груди.

— Сара, берегись! — внезапно крикнул Листок. Сара вскинула голову и из-за этого ее голова закружилась. Она увидела белое существо на расстоянии, бегущее к ним огромными прыжками.

Сапфир пел бессловесную, невероятно пронзительную песню.

Сара открыла глаза и всхлипнула. Все ее тело болело. Дрожащими руками она нашла мобильный на прикроватном столике, схватила его и позвонила Гарри.

Пока телефон звонил, она поднялась. Тень металась из угла в угол, ее хвост пританцовывал позади нее в охотничьем ритме. Как только Сара открыла дверь, Тень выбежала так быстро, словно молния. Сара последовала за ней вниз по ступенькам, ее ноги тряслись.

Гарри... пожалуйста, пусть он будет в порядке...

— Гарри! — попыталась позвать она. Ей не нужно было волноваться о заклинании сейчас, но она потеряла голову. Она издала грубый, слабый звук, слишком тихий, чтобы его можно было услышать из подвала.

— Сара? — Гарри появился в коридоре с телефоном в руке. Сара чуть не свалилась в обморок от облегчения.

— Песнь сапфира! — удалось ей прошептать.

— Достань кинжал, — спокойно сказал Гарри, вытаскивая скин ду.

Сара собиралась повернуться, чтобы достать кинжал, она даже не думала о том, что носила его с собой — лихорадка спутала ее мысли, она не могла думать ясно, когда увидела что-то белое уголком глаза.

Демон, нападавший ранее, появился из кухни, его белая кожа, потрескавшаяся и покрытая запекшейся кровью из ран, которые Гарри нанес ему ранее.

Как он попал внутрь? — спросила Сара себя, недоумевая. А затем: вот и все. В этот раз он убьет меня. Она почувствовала, как подкашиваются ноги, и она позволила себе сползти на пол. Она посмотрела на свои руки, умоляя прийти силу, несмотря на слабость. Она почувствовала, как они медленно нагреваются, слишком медленно.

Гарри встал перед Фералом, чертя символы кинжалом и шепча тайные слова себе под нос. Сара увидела, как демон задрожал, когда магия Гарри начала работать, но Гарри тихо застонал и поднес руки к голове, пытаясь защититься от боли. Заклинание было разрушено. — Сара, возьми пистолет! У меня на кровати, — удалось ему прокричать, прежде чем чудовище прыгнуло на него, поднимая вверх, будто он всего лишь тряпичная кукла, и бросая его в стену. Скин ду выпал из его руки.

Сара услышала его слова, но несколько секунд ушло на то, чтобы понять их. Ее голова шла кругом, она чувствовала себя отделенной от своего тела и мира вокруг — она уже начинала видеть звезды и знала, что недолго продержится... болезненность вместе с шоком и истощением заставляли ее тело отключиться.

Пистолет. Пистолет Гарри.

Она медленно поднялась. Секунду демон не мог решить, прикончить ему Гарри, или пойти за Сарой. В это мгновение замешательства, Гарри бросился к своему скин ду и снова поднял руки, пытаясь найти в себе силы для заклинания. Увидев, что происходит, демон бросился на Гарри со всей силой. Гарри использовал нож, чтобы защититься. Он знал, что этого будет недостаточно, чтобы остановить его, но, по крайней мере, он немного замедлит его. Гарри попытался дотянуться до его колена, но промазал, вместо этого ударив в бедро. Демон снова взвыл, и черная кровь хлынула из раны. Гарри попытался снова ударить, но демон схватил его за руки, притянув к себе так, что они находились лицом к лицу.

Гарри посмотрел в глаза Сурари — красные, древние, полные гнева, который выходит за рамки человеческого понимания. Он приготовился умереть.

— Сара, беги! — это была единственная мысль, оставшаяся в его голове, единственное, что он мог сказать.

Ферал собирался свернуть Гарри шею, когда внезапный звук, словно выскочившая пробка, заставил его остановиться. Сара стояла на верхней ступеньке с пистолетом, направленным на них. Она выстрелила и попала демону в бок. Ее руки так тряслись, что она едва могла держать пистолет. Демон отпустил Гарри, и он упал на пол с глухим стуком, чувствуя, что что-то ломается.

Моя лодыжка. Дерьмо, моя лодыжка.

Ферал запрокинул голову и взвыл — страшным, потусторонним воем, который заставил мурашки побежать по коже Сары и Гарри. Сара снова подняла пистолет. Она выстрелила и промахнулась.

— Сара, — прошептал Гарри отчаянно. Кинжал упал и пропал из поля зрения. Гарри знал, что следующим ходом демона будет напасть на Сару и попытаться подняться. Его подвела сломанная лодыжка, и он снова упал. Он понял, что надежды не осталось. Он больше ничего не мог сделать.

Демон прыгнул, одним могучим, невероятным прыжком преодолевая все ступеньки лестницы, и оказался перед Сарой.

Я не хочу так умирать, словно овечка, загнанная в угол. Я — Миднайт.

Она отбросила пистолет и подняла руки, словно в заклинании или проклятии. Демон заколебался, а потом бросился на нее. Сара закричала в ужасе, заставляя себя держать глаза открытыми, когда демон дотянулся руками до ее лица.

Через долю секунды, все было кончено.

Темная вода капала со ступеней.

Гарри стоял в коридоре, замерев.

Сара вся промокла и была без сознания.

Тень подбежала к Саре и начала лизать ее лицо. Гарри опомнился и похромал вверх по лестнице.

— Сара... Сара, — он взял ее запястье. Ее сердце все еще билось.

Она жива.

Он прижимал ее к себе несколько минут, гадая, что бы он делал, если бы Сара умерла. Как он мог продолжать бороться в мире без нее?

— Ты — все, что у меня есть, — прошептал он, даже несмотря на то, что она не могла слышать. Это стало его мантрой, это вело его сквозь обман, помогало двигаться вперед.

Гарри отнес Сару в ее комнату, болезненно хромя. Тень нарезала круги вокруг него, когда он нежно положил ее на кровать. Она горела и была пропитана той ужасной Темной водой, похожей на прогнившую смесь на дне колодца.

Он пошел в ванную и смочил два полотенца. Одним он вытер ее лицо, руки и ноги, пытаясь стереть все следы Темной воды. Затем он сложил второе полотенце в четыре раза и положил ей на лоб, чтобы сбить температуру.

Сара всхлипнула и свернулась в клубок.

Она спит. Слава... Богу? Что бы ни оставило ее со мной, спасибо ему.

Он сел рядом с ее кроватью и наблюдал, пока она спала, слушая ее дыхание, словно песню.

— Демон Мэри Бреннан мертв, но ты не выиграл.

Женский голос наполнил комнату, и Гарри вскочил, оглядываясь. Он увидел, как что-то

светилось на прикроватном столике Сары. Сапфир снова пел.

Мэри Бреннан. Предпоследнее имя в списке.

Гарри взял сапфир в руки. Как это возможно? Как кто-то мог говорить через этот камень? Он решил промыть его в соленой воде, как это делала Сара, чтобы развеять заклинание. Но он остановил себя. Он должен услышать, что ему скажут, если сапфир решит говорить снова. Он сел в кресло Сары, держа камень в руках, ожидая, когда она проснется. Тень сидела на подоконнике, напряженная, неподвижная. Ей не нравилось, что Гарри был в комнате Сары.

Низкий звук нарушил тишину, всего несколько гитарных нот. Гарри понял, что он исходил из мобильного Сары. Экран светился синим на ее прикроватном столике.

Сообщение. Гарри прочитал его, не сомневаясь.

Фисташковое латте. Позвони мне. Джек.

В твоих мечтах, приятель. Он стер его и сразу же почувствовал стыд.

Он взял Сару за руку, и она вцепилась в него во сне, шепча что-то. Его имя. Гарри положил голову на кровать и через несколько минут тоже спал.

Глава 16. Голоса

*Мне следовало слушать голос опасности,
Но я слушала свое желание.*

Кэти

Сегодня мой разум горит. Сегодня я чувствую, словно в моей голове пожар, и это адская боль. Как они снова выжили? И почему, почему приказано посылать демонов по одному? Мне не объяснили почему, и я не могу найти в этом смысла. Но у меня нет выбора, кроме как делать то, что Он говорит, или Он просто сокрушит всех нас, и у меня больше не будет шанса отомстить Миднайтам.

Мы танцуем бессмысленный танец с Сарой и ее псевдо-кузеном. Мы с Сарой играем куплет вместе — ее виолончель и моя скрипка сливаются воедино в мелодии ненависти. Мелодии любви, запутанной любви, для которой здесь нет места.

Мне так больно. Если я попытаюсь спать, сразу же придут адские видения. Цена, которую придется заплатить за использование Темных Искусств. Я никогда не думала, что это будет так.

Задача моих Валайя проста: убить Шона, привести мне Сару. Они не могут достигнуть успеха. Сурари убивают, умирают люди. Сердечная недостаточность, insult, как хотите называйте то, что происходит с ними после того, как их демон умирает. Огонь в голове. Огонь, который мучает меня сегодня.

Майк уже начал чувствовать себя странно. У него звенит в ушах, черные огоньки танцуют перед глазами. Он винит во всем стресс. Он хочет призвать другого Ферала, это займет много времени, но стоит усилий, как он думает. Он не знает, что пламя зажглось и совсем скоро поглотит его. Очень, очень скоро. У Мэри пока ничего. Маленькая искра уже там, прямо между ее глаз, но она все еще не чувствует симптомов.

Следующая в этом смертельном танце будет Шейла. Ее Сурари сильнее, чем у Майкла и Мэри, я знаю, что могу рассчитывать на него. Не знаю, как Саре и Шону удалось выжить до сегодня — везение, навыки, или даже судьба, эта слепая жестокая дама, которая часто обрушивается на нас — но в этот раз для них все будет кончено.

О, как жжет. Каждая мысль, которая сегодня приходила мне в голову, снова и снова выжигает у меня в голове раскаленным железом. Словно какой-то монстр орудует там.

Прошу, пусть это скоро закончится, потому что во мне не осталось ничего, кроме ненависти и боли.

Мораг учила меня недолго, но я была хороша в колдовстве. Очень, очень хороша. Знания сами приходили ко мне, словно мне это было суждено. Мораг часто задавалась вопросом, может, во мне была Тайная кровь, где-то в истории моей семьи, потому что я училась магии так же легко, как чайка взмывает в воздух.

Колдовство не бывает плохим или хорошим. Темные Искусства, Белая магия — на самом деле различие между ними только в названии. Белая магия может убить. Темные Искусства могут освободить тебя. Так какое из этих двух на самом деле — зло?

В любом случае, добро и зло больше не существуют для меня. Я была невинна, и теперь я даже не знаю, что правильно и что нет. И мне все равно.

В ночь, перед тем, как мне суждено было покинуть особняк на Айле, я сунула несколько книг в свой чемодан. Я сделала это в отчаянии, выбирая любые со стола Мораг, пытаюсь

забрать с собой частичку их. Я забрала книги и нож Мораг, на котором было выгравировано ее имя.

Когда я смогла заставить себя посмотреть на книги — долгое, долгое время спустя, я поняла, что одна из них отличалась от остальных. Думаю, мне следует сказать, что она была больной, черной книгой с красными буквами, выжженными на обложке, словно раны, но это было не так. Книга, изменившая мою жизнь, выглядела неприметно, в красной тканевой обложке, страницы износились от частого использования. Да, кажется, Миднайты часто пользовались запрещенными книгами.

Заголовок гласил просто: Валайя.

Сначала я не думала о мести. Я не могла думать о Джеймсе с этой точки зрения. Я сдерживала свою ненависть и злость, потому что не могла подумать о том, чтобы навредить Джеймсу, даже, несмотря на то, что он причинил мне столько боли.

Но затем, когда я использовала книгу по назначению — для меня это не было проблемой — Он услышал меня. Он начал говорить со мной, и Его голос дал мне смысл жить. Его борьба была моей борьбой, Его война — моей. Мы могли помочь друг другу. Он снова и снова шептал мне на ухо, что мне следует чувствовать это, чувствовать, что я хочу уничтожить их.

Он сказал мне, что я уже чувствовала это, что я всегда хотела причинить им боль с тех пор, как Джеймс оставил меня. Он сказал, что месть — это единственный способ освободиться. Я позволила себе поверить, что могу освободить от боли, причиняя боль им.

Это открытие воодушевило меня — я едва спала, я почти не ела месяцами, изучая все, что нужно, привыкая к новым правилам, новой жизни, двери в которую открывались передо мной. Год ушел на то, чтобы узнать достаточно для вызова демона. Когда появился Ноктюрн, истекающий кровью и ошеломленный после перехода, я не могла поверить собственным глазам. Я не могла поверить какой сильной я стала. Он гордился мной, как гордилась когда-то Мораг.

А затем, десять долгих лет, чтобы найти остальных. Десять лет я жила за счет ненависти и ничего более. Я играла, словно была одержима, и стала даже искуснее, покоряя одну вершину за другой, пока мое тело слабело. Когда Валайя были готовы, пришло время для того, о чем я всегда мечтала. Миднайты знали, что я готова, но знали это недостаточно долго, чтобы подготовиться, по-настоящему подготовиться. К тому времени Мораг была мертва, и это было разочарованием. Я с удовольствием прикончила бы ее сама, но, конечно, я не могу получить всего.

В день, когда я убила Джеймса и Анну, я чувствовала, будто была готова умереть. Болела каждая кость в моем теле. Словно меня отравили. Я едва могла двигаться. Ноктюрн скрывался между деревьями, пока мои люди из Валайя присматривали за мной, заботились обо мне, кормили меня, пока я лежала, пытаюсь остановить агонию.

Я знала, что это была цена, которую я платила за использование Темных Искусств. Я знала, что боль утихнет, но не уйдет. Я думала, что смогу заплатить эту цену. Я думала, что это был честный обмен.

Я слушала Его, когда Он пел мне в наполненные болью ночи, и его голос вселял в меня уверенность, что я смогу это сделать. Наконец завладеть Сарой и убить ее. Фейт не разрешили жить, и скоро Сара тоже будет мертва. Справедливо, разве нет?

И если смерть имела планы и на меня тоже, то это было бы облегчением. Это было бы ответом моим молитвам, потому что в тот момент, когда я вонзила нож Мораг в сердце

Джеймса, я вспомнила, что открывая проклятую книгу, я бы никогда не лишила человека жизни.

С тех пор как Он начал говорить, старая Кэти умерла, а на ее месте появилась я — перерезающая Анне горло от уха до уха, потому что такая смерть была медленнее и болезненнее, чем просто остановить ее сердце одним ударом. Смотреть в ее глаза, пока она истекала кровью, и наблюдать, как мои люди замечают следы, чтобы бойня была принята за несчастный случай.

Так это свершилось. Другая Кэти родилась, когда я открыла книгу, медленно, пока листала страницы, долгим, болезненным трудом.

Момент, когда я поняла, что со мной случилось, стал моментом, когда я поняла, что от боли не будет настоящего освобождения, так же, как и от воспоминаний. Затем момент прошел, и женщина, которой я была, забылась, и кровь Анны украшала мое тело, словно алый плащ.

Глава 17. Подо всем этим

Кто-то может назвать это любовью

То, что держит нас в заложниках.

Листок

Слишком близко на этот раз. Я наказал Кэти за это, конечно. Как только была открыта дверь в ее сознание, как только она начала посягать на нашу территорию, ею стало легко управлять. На самом деле, они все одинаковые. Они смотрят на Темные Искусства как на что-то, что можно использовать, они почти убеждены в том, что могут контролировать призванные силы. Они ошибаются. Для нас с отцом легко проникать в их разумы, наблюдать за ними днем и ночью не спящими глазами. На этот раз, Кэтрин зашла слишком далеко с Сарой. Она играет в нашу игру, я это знаю, и делает мне большое одолжение, потому что лучший способ завоевать чье-то сердце — спасти его. Но она должна страдать от боли, которую причиняет Саре. Так я решил.

Пусть на нее падет наказание, до тех пор, пока ее служба не подойдет к концу. Что насчет Сары, боль и страх — хорошие учителя. Они очистят ее, сформируют ее, подготовят для меня.

Глава 18. Водопад

Серебристые страницы

Под луной.

Воспоминания

Тебя и меня.

— Ей все еще не очень хорошо. Нет, не думаю, что она поправится до понедельника.

Спасибо, хорошо. До свидания.

Гарри положил трубку. В ту же секунду он зазвонил снова.

— Да?

— Гарри, это Джульетта. Сара не отвечала на телефон прошлой ночью, я волновалась.

— Привет, Джульетта. У нее грипп, она не пошла сегодня в школу.

— Грипп? У нее есть температура?

— Да.

— Я еду.

— В этом нет необходимости. Это, действительно, всего лишь грипп и боль в горле. —

И Ферал пытался убить ее.

— Мне нужно увидеть ее. Я приеду прямо сейчас и приготовлю вам обед.

Гарри вздохнул. Лучше позволить ей убедиться в том, что все хорошо, собственными глазами.

— Тогда ладно. Никогда не могу устоять перед обедом, — Джульетта хихикнула. Гарри мог быть очень милым, когда хотел этого.

— Тревор и девочки тоже приедут. Тревор тут на пару дней. Он возвращается в Ньюкасл завтра.

— Отлично, значит, мы наконец-то встретимся. *«Наконец-то»*, — с сарказмом подумал он. — *«Дождаться не могу»*.

— Кто это был? — Сара появилась на верхней ступеньке. Она приняла душ и переделалась в свежие джинсы и футболку. Она чувствовала себя немного лучше, после того, как поспала несколько часов без видений.

— Джульетта. Они едут, чтобы увидеть тебя.

— Они?

— Тревор, и девочки тоже. Не радуйся слишком сильно! — улыбнулся Гарри. — Теперь обратно в постель, тебе нужно отдохнуть. Я сделаю тебе кофе.

— Конечно, кофемэн. Как твоя лодыжка? — улыбнулась она.

— Да, я такой. Лодыжка в порядке, это просто растяжение. Я могу ходить. О, я звонил парню, который починит стекло, он приедет позже, так что тебе не придется чувствовать себя так, словно живешь на заброшенном складе.

— Спасибо. Поднимешься, чтобы попить со мной кофе?

— Конечно.

Сара все еще чувствовала слабость. Она лежала на подушке и ее лицо было того же цвета, что и простынь. Ее черные волосы были как ворон на снегу.

— Вот твой кофе. Мне нужно поговорить с тобой. Вчера, когда ты была без сознания, сапфир говорил. Это был женский голос. Он сказал, что демон принадлежал Мэри Бреннан и что мы не победили.

Сара нахмурилась.

— Я думала, что заклинание говорило только, если кто-то пытался проникнуть в дом.

Гарри пожал плечами.

— Я тоже так думал. Вот сапфир. Я взял его на случай, если он заговорит, пока ты будешь спать, — Гарри вытащил камень из кармана и положил его Саре в руки.

— Странно. Может, это мама имела в виду, когда говорила, что заклинания редко делают то, что ты ожидаешь. Она сказала, что они также могут быть опасны.

Сара закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она свернулась в клубок, волосы упали ей на лицо, словно шелковая занавеска. Гарри почувствовал непреодолимое желание зарыться руками в ее волосы. Он поднял руку... и остановился.

Он должен быть ее кузеном. Стоит ему показать хоть малейший признак своих чувств, и она испугается, а это будет неправильно.

Настала его очередь отчаянно вздохнуть.

— Еще кое-что. Это пришло тебе утром, — это был белый конверт. — На нем нет марки, так что он должен быть доставлен в руки. Кто-то положил его в почтовый ящик.

Сара взяла письмо. Ее имя было написано на нем замысловатым, старомодным почерком, словно старинная рукопись.

Сара открыла конверт. Внутри — красный листок. Ее сердце начало учащенно биться.

— Что это?

— Это... — она колебалась.

Гарри поморщился.

— Джек?

— Нет, конечно, нет, — Сара почувствовала вину. Она не хотела, чтобы Гарри волновался после всего, через что они пришли. Она глубоко вздохнула. Она обещала никому не говорить.

— Я... Я вижу кое-кого в своих видениях. Я не знаю кто он. Он дарит мне листья.

— Во снах?

— Да. И оставляет пару листьев вокруг. В реальной жизни, я имею в виду.

Гарри нахмурился.

— Ты понятия не имеешь кто он?

Сара покачала головой.

— Я называю его Листок. Я не знаю его настоящего имени.

Она не сказала, что чувствовала, будто его глаза глядят ей прямо в душу. Она не сказала, что каждый раз, когда он был рядом, ее разум будто останавливался.

— Сара, послушай меня. Если он снова появится, ты должна мне сказать. Мы не знаем кто он. Он может быть одним из Валайя, или демоном... — ясные глаза Гарри были полны беспокойства.

— Он послал воронов.

— Что?

— Духов воздуха. Он спас нас от демона-пиявки. Он послал их.

Гарри опешил.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал мне. Во сне.

— Он может управлять Элементариями? — Тайный наследник? Егерь? Демон? Или просто человек с потрясающими способностями?

— Кажется, да.

— Мы не можем рисковать, Сара. Ты должна сказать мне, если он снова посетит тебя. Во сне, или в реальной жизни.

— Я знаю, — ответила Сара и позволила руке упасть так, что она висела над кроватью. Листок тихо упал на пол.

Они услышали звук открывающегося замка, за ним последовал бодрый, пронзительный голос из коридора.

— Есть кто дома?

Гарри с Сарой переглянулись. Сара закатила глаза.

— Мы наверху! Поднимайтесь!

Джульетта вошла в комнату вместе с Тревором и двумя блондинками, одна примерно возраста Сары, другая — немного младше. Комнату Сары наполнили запахи косметики, цветочный — женских духов, запах геля после бритья — Тревора. Тень чихнула.

— О, Боже, что случилось с окном?

— Боюсь, это моя вина. Я пытался вытащить гвозди из стены, но рука соскользнула, и... ну, это была всего лишь трещинка, но она могла быть опасна. Кто-то придет починить его позже.

«Маленькая трещинка. От окна ничего не осталось, ничего», — подумала Сара и поежилась, вспоминая.

— В любом случае, Я Гарри. Кузен Сары, — Гарри протянул руку Тревору и он рассеянно пожал ее.

— Приятно, — у Тревора были темные с сединой волосы, дорогая одежда для гольфа и снисходительная улыбка.

«Ненавижу одежду для гольфа», — подумал Гарри.

«Он выглядит, будто выпрыгнул из какой-то дыры», — подумал Тревор.

Сара с Тревором никогда не были близки. Сестры, Анна и Джульетта, не могли выбрать более непохожих мужей. Джеймс познакомил Анну с сумасшедшим миром Миднайтов, а Тревор дал Джульетте спокойную, среднестатистическую жизнь. Тревор так отличался от семьи Сары, не знал практически ничего, кроме своего гольф-клуба, страсти к вещам хэнд-мейд и своего четырехприводного автомобиля, так что Сара никогда к нему не тянулась. Тревор думал, что Сара трудная, в основном потому, что не мог ее понять.

Анна с Джульеттой также никогда не были близки. Между ними не было никакой вражды, они просто были разные, как день и ночь, даже когда были совсем детьми.

Когда Анна встретила Джеймса, он захватил ее. Она не видела никого другого, не хотела никого другого. Пропасть между сестрами стала шире. Джульетта часто думала, что Анна с Джеймсом были единым целым, что даже их собственная дочь не была к ним так близка, как они друг для друга.

Она подозревала, что их семья была настолько изолирована, потому что Джеймс не отпускал Анну от себя ни на шаг. В нем было что-то такое, что Джульетта не могла разгадать, и это ее пугало. Какое-то естественное лидерство, харизма, из-за которой он отличался от остальных. И эта его мать, Мораг... Она была очень пугающей женщиной. Анна обожала ее, но Джульетта думала, что она была ведьмой.

Они превратили Анну в Миднайт, забрали ее себе, и ей, кажется, не нужно было ничего другого. Семья Миднайтов была загадкой для Джульетты. Она бывала в их особняке на Айле однажды, и ей было даже страшно там. Бесконечные комнаты, заваленные пыльными

книгами и антиквариатом, предки Миднайтов, глядящие на нее со стен... Джульетта постоянно думала о семейке Аддамс. Она думала, что если бы Анна вышла за кого-нибудь другого, кого-нибудь нормального, их жизни были бы совершенно другими.

Несмотря на все это, сестры любили друг друга, и Джульетта была в шоке, когда Анна погибла. Она всегда имела слабость к Саре — такой вдумчивой, умной, по сравнению с ее веселыми и кокетливыми дочерьми. Но Сара думала, что Джульетта и в подметки не годилась ее потрясающей матери.

Если бы только она знала, сколько раз Джульетта умоляла Анну обращать больше внимания на Сару, проводить с ней больше времени, смотря на то, какой встревоженной и напуганной всегда казалась девочка. Она же не знала, что то, что она видела, было лишь вершиной айсберга жизни Сары.

Джульетта ничего не знала о миссии Миднайтов, конечно, и была вне того самодостаточного союза, который сформировали Анна с Джеймсом. Она никогда бы не стала подозревать, что на самом деле происходит в жизни Сары — как ее родители уходили почти каждую ночь, как иногда они даже не возвращались целыми днями... Если Джульетта не могла присмотреть за ней, они оставляли ее в одиночестве с запиской, что если кто-то постучится в дверь, она должна сказать, что мама с папой уехали в магазин. Сара никогда не узнает, как сильно Джульетта хотела посидеть с Сарой, и как ее родители снова и снова отвергали помощь, думая, что Сара справится сама, что она должна справиться. Эту жизнь дала им судьба, и у них не было другого выбора. Они были слепы к страданиям дочери, а Джульетта их видела.

И все же, Сара идеализировала их, а Джульетту видела как какое-то бледное, безжизненное подобие ее несравненной матери.

Джульетта никогда бы не сказала. Она никогда бы не рассказала Саре о том, что думала, что Джеймс с Анной не уделяли ей должного внимания, что их жизни должны были крутиться вокруг драгоценной дочери, так же, как ее и Тревора крутились вокруг их дочерей. Она никогда бы не сказала, что заслуживала больше времени, больше внимания, и что ни одна из ее дочерей не тревожилась бы так без того, чтобы не быть успокоенной, без какой-либо помощи. Джульетта никогда не могла ничего сказать за спиной у сестры при ее жизни, и тем более не стала бы сквернословить на нее, когда она мертва. Сара бы все равно не послушала.

Но глубоко внутри, Джульетта была в ярости. Она не могла понять как такая милая, чувственная, красивая девочка доведет свои руки до такого состояния уборкой, думая, что никто не заметит. И в самом деле, не заметил никто, кроме Джульетты. Ради Бога, отец Сары был врачом — как он мог не видеть ее рук? Кажется, они даже не замечали, что подготовка к школе у Сары занимает два часа, потому что ей требуется, как минимум дважды снять и надеть свою школьную форму, правильно заплести волосы и двенадцать раз расправить юбку. Она впадала в панику, если что-то выглядело не так как нужно. По дороге из дома она вымывала всю кухню, выстраивала обувь в правильном порядке, перевешивала пальто на вешалке — это была ее работа, ведь они никогда не вешали их правильно. И, наконец, ее последним заданием была полировка чертова телефона в коридоре, потому что один единственный отпечаток пальца может заставить ее переделывать все сначала. И все это еще до того, как она попадет в школу. К тому времени, когда она заканчивала, она уже была жутко уставшей — Джульетта и сама уставала смотреть на нее в таком виде.

Каждый раз, когда Анна и Джеймс просили ее присмотреть за Сарой, Джульетта

приходила домой, беспокоясь за рассудок своей маленькой племянницы. Но она не знала, как выразить это словами. Тревор совершенно не понимал, а Джульетта не могла объяснить.

Никогда не знал. Никто никогда не знал. Анна никогда не упоминала, чтобы кто-то из учителей Сары заметил. Но даже если и заметили, Анна и Джеймс отделались бы от них, как от самой Джульетты.

Может, однажды, она могла бы рассказать Гарри. Может, он сможет помочь Саре.

— Это Шивон и Салли, наши дочери, — обе блондинки были одеты в школьную форму, но они превратили ее во что-то совершенно иное: черные мини-юбки, намного короче, чем у Сары, голые ноги, жуткий слой блеска на губах и шокирующий розовый лак на ногтях.

Шокирующий — ключевое слово.

Гарри пожал им руки. Старшая, Шивон, смутилась.

— Приятно познакомиться.

— С тобой тоже, — сказала Салли. Шивон не сказала ничего, она просто пялилась на него своими сияющими глазами и послала улыбку, которая одновременно была застенчивой и очень, очень ясно выражала ее намерения.

«Как девушки это делают?» — подумал Гарри удивленно.

Желудок Сары сделал сальто. Ее до ужаса раздражали ее кузены. Теперь Шивон флиртует с Гарри!

— Как ты, милая? — Джульетта положила руку на лоб Сары. Саре не нравилось, когда к ней прикасаются.

«Почему бы им не оставить меня в покое?» — подумала она и сразу же почувствовала себя неблагодарной.

— Я принесла тебе шоколадок и маленький подарок.

Салли присела на кровать, сменяя ее одеяла. В груди у Сары образовался комок.

— Почему вы не в школе? — спросила она их.

— Мы ходили к стоматологу. Мы думали, что сможем пойти с мамой и папой повидать тебя, перед тем как вернуться туда.

Как же мне повезло.

— Открой подарок, — перебила Джульетта.

Сара начала разрывать оберточную бумагу, и Джульетта увидела ее руки, израненные и потрескавшиеся с прошлой ночи. Она сглотнула. Как же она хотела забрать ее к себе домой.

— Спасибо, он такой красивый, — Сара была искренне тронута. Она не могла поверить глазам. Это был идеальный подарок. Комплект из дневника и фотоальбома, оба в шелковых серебристых обложках. В дневнике была фиолетовая лента в качестве закладки, а сам он был таким белым и гладким, таким непохожим на ее старый, толстый, черный дневник снов. Он пах новой, нетронутой бумагой.

— Я думала, тебе понравится. Он может помочь тебе выпустить пар, знаешь... Можешь записывать туда свои мысли или беспокойства. Проблемы всегда легче решать, если рассказать о них кому-то.

— Это альбом для фотографий тети Анны и дяди Джеймса, — добавила Салли.

— Спасибо. Правда, — сказала Сара, ее глаза наполнились слезами. Глаза Джульетты тоже были подозрительно сияющими.

— Я пойду приготовлю обед. Я купила некоторые продукты для вас, — Джульетта подмигнула, быстро отворачиваясь.

— Спасибо, — прошептала она.

— Салли и Шивон могут составить тебе компанию.

Замечательно.

В ту же секунду, когда дверь закрылась, Шивон взволнованно села на кровать Сары.

— Сара! Это твой кузен?

Салли закатила глаза. Брайони, Элис, а теперь еще и Шивон. Кто знает, почему Гарри так впечатлил моих подруг. Ладно, он красивый, будем смотреть правде в лицо. Но это уже слишком!

— И твой кузен тоже, хотя и не кровный, — ее руки снова болели.

— Сколько ему лет?

— Двадцать два, — отрывистый тон Сары выдавал ее раздражение.

— У него есть девушка?

Сара почувствовала, как ее сердце замирает.

— Да, — соврала она. Держись от него подальше.

— В Новой Зеландии? Он скоро ее забудет, она слишком далеко.

«Мастерица следит».

— Что это было? — спросила Салли.

Сара подскочила. Сапфир! Сапфир снова пел! Она схватила камень и спрятала руку за спину.

— Что это было, Сара? — повторила Шивон.

— Мой МПЗ плеер. Забыла выключить его, — сказала она, во рту у нее пересохло.

— Ладно, не важно. Не знаешь, Гарри не сможет дать мне пару уроков вождения? — Шивон эффектно отбросила свои светлые волосы с лица.

Это было последней каплей. Сара окончательно разозлилась.

— Извините, девочки, я снова чувствую себя не очень хорошо. Я бы поспала немного.

— Конечно, Сара, прости. Шивон, пошли.

— Может, я смогу спросить его...

— Пошли! — Салли бесцеремонно вытащила Шивон из комнаты. Девочки оставили за собой облако парфюма, который заставлял Тень чихать весь вечер.

Сара глубоко вдохнула и посмотрела на сапфир. Она послала Гарри сообщение, надеясь, что он прочитает его сейчас же.

«Сапфир снова пел».

Через несколько минут, телефон засветился.

«Мы должны избавиться от Джульетты и ее компаики, просто на всякий случай».

Сара с трудом встала и пошла вниз на кухню. Стены кружились вокруг нее, и было такое чувство, словно голова сейчас взорвется. Она сжимала сапфир, на случай если он снова заговорит. Надеюсь, не пока тут будут Маккентрики.

— Сара, дорогая, обед почти готов. Мне принести его тебе наверх? Ты принимала что-нибудь с утра? Я принесла тебе парацетамол и кое-какие витамины, просто для поддержания организма.

— Спасибо. Вообще-то, я приму пару таблеток парацетамола и просто пойду спать.

— Конечно, я оставлю тебе что-то в духовке. Мы поедем в столовой. Не переживай, мы тебя не потревожим.

— У меня жутко болит голова.

— Мам, Сара пытается сказать, что ей нужен покой и тишина. Она не хочет, чтобы четверо человек оставались на обед. Оставь мясо в духовке, и пошли, — Сара взглянула на

Салли. Не такая дурочка, какой она ее помнила. Ей было всего четырнадцать, и она казалась единственным членом семьи Маккентриков, который действительно понимал, что происходит вокруг.

— Салли права, — вмешался Тревор. — Оставим их в покое. Пошли, девочки.

— Конечно, прости, я должна была подумать. Обещай, что съешь что-нибудь. Лекарства прямо тут, в обувной коробке.

— Не беспокойтесь, я проверю, чтобы она поела, — сказал Гарри, и на самом деле имел это в виду. Джульетта с Гарри переглянулись, и на секунду между ними промелькнуло понимание. Гарри незаметно кивнул, словно говоря ей не волноваться, что он присмотрит за ней.

— Ладно. Я хочу, чтобы ты отдыхала весь день и вечер, ладно? Никакой уборки, — она взяла руки Сары в свои и сжала их.

«Конечно, я буду отдыхать, когда на нас собираются напасть. Что насчет уборки, если бы вы не наделали такой бардак на кухне...»

— Позвони мне, у Сары есть мой номер! — удалось Шивон прошептать Гарри на ухо с невинным выражением лица.

— Конечно... нет, — прошептал Гарри, как только они не могли его больше слышать.

— Он твой кузен, сумасшедшая! — прокричала Сара закрытой двери.

— Неужели я уже ее родственник?

— Не по крови. Думаю, это хорошая новость.

— Ладно. Что именно сказал сапфир?

— Мастерница следит. Какая Мастерница?

— Предводитель Валайя. Она начала все это.

— Она человек?

— Думаю, да.

— Кто она?

— Я не знаю!

Сара закатила глаза.

— Я не могу знать всего! — запротестовал Гарри. А потом он внимательнее всмотрелся в нее. — Сара, ты ужасно выглядишь.

— Спасибо.

— Нет, правда. Иди сюда, присядь. Возьми, — он вытащил пачку парацетамола из коробки и взял две капсулы из пластинки. Затем он налил ей стакан воды. — Прими это.

Сара проглотила их.

Гарри положил руку ей на лоб.

— Ты опять горишь. Пошли, давай положим тебя в кровать.

— Если они нападут...

— Если они нападут, я увижу. Как только тебе станет лучше, мы пойдем искать их. Хватит сидеть и ждать.

Сара кивнула. Она была напугана, но хотела взять все в свои руки. Я хочу быть охотником, а не жертвой.

Сара прислонилась к Гарри. Он пах кофе и морем, и этот соленый запах заставил ее подумать об Айле. Он помог ей устроиться на одном из диванов и укрыл пледом. Сара наблюдала, как огоньки в камине танцуют свой гипнотический танец.

— Тебе нужно отдохнуть. Закрывай глаза.

— Я не могу спать. Снова придет сон...

— Тогда иди на кухню, там тебя ждет жаркое тети Джульетты, — поддразнил он.

Сара улыбнулась против воли.

— Я включу телевизор. Посмотрим, повторяют ли там какую-нибудь мыльную оперу.

Он, правда, как старая леди. Мыльные оперы и бесконечные чашки чая. Она почувствовала, как расслабляется, словно мир поставили на паузу.

Успокоенная присутствием Гарри и мягким бормотанием телевизора на фоне, Сара начала засыпать, до тех пор, пока не оказалась где-то между бодрствованием и сном.

— Ложись со мной, — прошептала она сонно.

Гарри улыбнулся.

— Нет, глупышка.

Она свернулась в клубочек под пледом и уснула. Как только он убедился, что она крепко спит, Гарри отнес ее наверх.

«*Ложись со мной*», — сказала она, и эти слова бесконечно крутились в его голове.

«*Да, да!*» — хотел он сказать.

Гарри выключил телевизор и сел у окна, наблюдая, как вечер превращается в сумерки. Он продолжал думать о словах сапфира. Мастерница. Валайя каким-то образом ухитрились сохранить ее личность в тайне. Кто она? Одна из списка, или кто-то другой? Осталось еще пять Суари. И Мастерница. А потом... самая большая битва, война.

И снова Гарри задался вопросом, выживут ли они. Перед Сарой его вера была непоколебима. Он был смелым, даже непреклонным. Но правда была в том, что он боялся. Быть загнанным в угол, быть найденным и убитым, как какое-то беспомощное создание... он ненавидел это. Это выводило его из себя. И пугало его.

Он никогда раньше не боялся, может, потому что смерть никогда не казалась ему худшим вариантом. Не то чтобы ему хотелось умереть, ему очень нравилось оставаться в живых, но это должно было случиться — охота стоила риска. Но теперь он чувствовал ответственность за Сару. И он отчаянно, отчаянно хотел, чтобы она пережила все это. Он хотел, чтобы она была счастлива. Он хотел видеть, как она улыбается, хотел увидеть, как она безмятежно спит, не просыпаясь в криках и слезах. И он тоже хотел остаться в живых, чтобы быть с ней.

Когда он начал чувствовать это? Он был с ней всего пару недель, так, как она смогла так быстро проскользнуть в его мысли, в его сердце?

Когда он впервые увидел ее, в ночь своего приезда, он подумал, что она красивая. Но в ту же ночь он услышал ее крик и пришел успокоить ее, и когда он увидел ее черные волосы на подушке и вдохнул ее запах, когда она проснулась... Тогда он почувствовал ту внезапную, невероятную волну, волну Сары, накрывающую его и уносящую в море.

И эти руки. Его сердце разбивалось, когда он видел их сухими и потрескавшимися, кровоточащими от этой навязчивой идеи уборки. Как они могли сотворить с ней такое? «*Миссия Миднайтов*» — подумал он зло. Заставить маленькую девочку каждую ночь видеть жуткие вещи в своих снах, и оставить ее в одиночестве начищать и выстраивать в ряд дурацкую обувь до самого рассвета.

Он хотел прижать ее руки к своей груди, остановить ее, чтобы она могла отдохнуть. Он хотел исцелить ее, и с ее помощью исцелиться самому.

Но кое-что еще беспокоило его. Эти листья. Парень, пославший воронов и навещающий Сару во снах. Если он мог контролировать духов стихий, это значило, что он невероятно

силен. Такого лучше не иметь во врагах. Почему он им помогал? Кто он? Если бы он был Тайным наследником, Гарри бы знал.

Листок.

Сара, кажется, чувствовала себя странно, говоря о нем. Она отвела взгляд и была необычайно послушной. Послушную Сару увидишь не каждый день. Она слишком легко согласилась рассказать ему, если он с ней свяжется. Он боялся, что видение сказало ей больше, он боялся, что большее могло произойти.

Его чутье подсказывало ему пристально следить за листьями — уберечь Сару от возможной опасности, потому что он видел кое-что в ее лице, когда она говорила о том парне, что-то, что невозможно выразить словами. Он не хотел говорить об этом. Он не ревновал. Он не мог позволить себе ревновать.

Гарри потер лицо руками, раздраженный собственными мыслями. Он не планировал влюбляться в Сару. Он не мог этого предвидеть. Она вошла в его кровь, она стала частью его. Может, это было свойственно Миднайтам. Гарри был его единственным настоящим другом, а Сара — его единственной...

Гарри немедленно остановил собственные мысли. Он не мог об этом думать. Не мог подумать об этом слове. Нет смысла в мучении самого себя, в ее глазах и в глазах мира он всегда мог быть лишь ее семьей. Он поставил стакан виски, который налил себе.

— Гарри! — обеспокоенный голос Сары пронесся по дому.

Он побежал наверх, молясь о том, чтобы это оказался всего лишь сон, а не нападение.

Сара почувствовала, как меняется течение, перенося ее в полутрансовое состояние, в котором к ней приходили видения. Она попыталась встать и пойти обратно вниз, в безопасность гостиной с включенным телевизором и лампами, но было уже поздно. Сон уже забрал ее, и она ничего не могла сделать, ничего, кроме как пройти через это.

Она снова была в том странном месте на травянистых холмах. Была середина ночи, ясной, лунной ночи. Она сидела на траве, и ей было холодно, слишком холодно, чтобы быть правдой. Она чувствовала присутствие чего-то невидимого, какой-то угрозы.

Маленькое белое облачко материализовалось перед Сарой, кружась, словно сфера молочного тумана, словно живое. Сфера двинулась вниз, к ее рукам, и стала покрывать ее левую руку туманом, двигаясь вверх к груди.

Сара снова начала чувствовать, что задыхается. Это часто происходило, когда она боялась, но на этот раз все было по-другому. Словно это облачко отнимало воздух, заставляя ее медленно терять сознание. Она проваливалась в сон, в мертвый сон...

Внезапно, Сара поняла, что кто-то еще находился там. Она была на коленях, неподвижная в хватке тумана, так что не смогла увидеть кто это. Но она надеялась...

— Только не Сара! — прокричал мужской голос.

Листок?

Туман бросил ее и начал кружиться перед ее глазами. Сара упала на землю. Туман парил перед ней еще несколько секунд, а потом, казалось, превратился в какое-то существо, и его черты продолжали меняться. Оно парило над Сарой, ожидая удобного момента, чтобы снова напасть. Сара попыталась прикрыть лицо руками, но не могла пошевелиться. Шепот зашекотал ее ухо.

— Шейла, — сказал он.

— Нет! — прокричал голос снова.

Сара ускользала куда-то. Последним, невообразимым усилием, она взглянула вверх,

совсем немного... и увидела лицо Листка, на нем была написана боль. Он сидел рядом с ней на коленях, шепча. Сначала она не могла ничего понять, но потом разобрала слова.

— Я опоздал. Я опоздал... Сара, нет... — Сара видела, как по его щекам текли слезы.

В тот момент туманное существо снова охватило ее, и она почувствовала, как жизнь покидает ее, струясь, словно маленький ручеек, который она была не в силах остановить... Она умирала и чувствовала каждую секунду, каждый жуткий момент, пока все не прекратилось.

Она открыла глаза в темноте и села, тяжело дыша. Она положила руки на сердце, убеждаясь, что оно бьется. Все тело было покрыто потом. Дождь непрерывно стучал в окно, изливаясь на болота и холмы вокруг. Вдруг ветер стал завывать между дубов в саду, пронзительно крича у окна Сары, словно банши, и поднимая сухие листья в маленькие водовороты.

«Я больше не могу. Не могу».

Она поняла, что Гарри сидел на ее кровати.

— Все хорошо. Ты знаешь, что это просто сон, — сказал он. Наверное, она позвала его во сне. Она посмотрела в его ясные глаза, словно цепляясь за них.

— Я умерла, — прошептала она.

— О, Сара... — Гарри вытер ее слезы мягкими пальцами.

Как она могла все это время просыпаться одна в пустом доме? Как она могла выносить все это до моего появления?

— Это было что-то вроде тумана. Я не могла дышать из-за него. Он усыпил меня, а потом убил.

Она не рассказала ему о Листке. Она хотела, отчаянно хотела, но не смогла. Почему? Почему я не могу произнести его имени?

— Не беспокойся. Я защищу тебя, ты же знаешь. — Он взял ее за руки. Они все еще тряслись после видения.

— Я знаю, — прошептала она. Гарри поднес ее руки к своей груди, и это был такой нежный жест, что ее сердце разбивалось.

— Я сделаю все, чтобы с тобой ничего не случилось. Ты — все, что у меня есть. — Его тайная мантра. Он сказал ее вслух.

Сердце Сары пропустило удар. Никто и никогда не говорил ей ничего подобного. Даже для собственных родителей она не была всем. Их миссия стояла первой в списке.

— Ты — все, что у меня есть. — Вот, что значит быть чьим-то миром.

Пока Гарри сидел на ее кровати, держа ее руки в своих, она почувствовала, как немного расслабляется. Она устала, так устала. Может, она не будет вставать, и убираться в комнате, как обычно делала после пугающего видения. Может, она просто останется в постели...

Она упала обратно на подушку.

— Теперь попытайся поспать. — Гарри укрыл ее одеялом, как маленького ребенка. Сара подумала, что он сделал это неправильно, что ее одеяло не лежало так, как надо, но не стала поправлять его. Она хотела оставить все так, как сделал Гарри. И ее кости отказывались вставать.

— Такой моя жизнь теперь будет? Всегда? — прошептала она, смотря Гарри в лицо, цепляясь за его голубые глаза как за спасательный круг.

— Я не знаю. — Хотел бы я остановить все это.

— Иногда я чувствую, что не смогу выносить этого больше. Как моя бабушка могла? Все

Эти годы...

— Она была очень сильной. Она жила ради своей миссии. Она была твердой, даже жестокой. Она не хотела ничего, кроме как охотиться.

— Но я хочу. Я хочу музыку. Я хочу влюбиться.

В кого? В кого ты влюбишься, моя Сара?

— Не думай об этом сейчас. Попробуй поспать.

Сон. Ее личная пытка.

Она слишком устала, чтобы остановить ее.

Если мне снова присниться сон, клянусь, он убьет меня. По-настоящему убьет.

Глава 19. Странные цветы

*Странные цветы тьмы,
На чуть-чуть, навсегда.*

Листок

Я буду там. Я спасу тебя. Сон не станет реальностью.

Я сожгу их всех, прежде чем они тебя коснутся.

Глава 20. Сон воронов

Знаки и знамения —

Многие имена страха.

— Я постараюсь. Да. Поговорим позже, — Майк как раз заканчивал говорить с Шоном когда Найл вошел в хижину с мокрыми волосами. Он плавал. Опять.

— Эй, Найл. Послушай. Шон только что попросил меня узнать что-то о парне, появившемся в поле зрения. Он появляется во снах Сары. Похоже, что он спас их жизни. Кофе?

— Ага, спасибо.

— Не за что. Значит, да. Парень. Он послал воронов помочь Шону и Саре заняться парочкой Фералов. Не настоящих воронов. Знаешь, Духов воздуха, Элементалей. Ты, случайно, не знаешь ничего о таких штуках?

Найл не ответил. Майк поднял взгляд и увидел, что он начал бледнеть. Черты беспокойства внезапно вырисовывались на его юном лице. Видеть Найла обеспокоенным было, как видеть застывшее течение. Странно — в лучшем случае. В худшем — жутко.

— Найл?

Он покачал головой.

— Прости. Просто... мне снились вороны. И там был маленький мальчик. И это были не очень хорошие сны, если ты понимаешь, о чем я.

— Вот. Возьми, — Майк передал ему кофе и налил немного бурбона им обоим. — В любом случае, Шон на страже. И не доверяет тому парню. Он довольно ясно объяснил это Саре.

— Как его зовут?

— Они не знают. Называют его Листок, потому что он оставил ей листья. Как подарки. Странно, я знаю. Не снилось ничего с листьями?

Найл покачал головой.

— Нет. Но эти вороны...

— Да?

— Ничего. Ничего. Просто воспоминания.

Просто я бы с удовольствием это забыл.

Глава 21. Отказ

*Легче сдаться,
Чем сражаться за счастье.
Вот что происходит,
Если кто-то не сражается за тебя.*

Кэти

Меня звали Кэти Миднайт. Целых два года это было мое имя.

Мораг выбрала меня, потому что я была сильной, намного сильнее, чем Анна смогла бы стать. Будь Сара нашей дочерью — нашей с Джеймсом — она тоже была бы сильна, не бессильна и напугана, как сейчас. Я вижу ее, я вижу ее трясущейся и плачущей. Какой позор для Миднайттов, ведь их судьба теперь на бесполезных плечах. В каком ужасе была бы Мораг, увидев свою внучку уклоняющейся от судьбы, вместо того, чтобы гордиться ею. Они были дураками, выгоняя меня, и посмотрите на них сейчас. Миднайттов больше нет, и этот странный парень притворяется одним из них, а Сара ему верит.

Да, они убили еще одного из моих Сулари. Может, это кровь Миднайттов дает ей силы для борьбы, но скоро все будет кончено. И когда мы, наконец, встретимся, я хочу, чтобы мы были одни.

Когда я убила Анну и Джеймса, я сделала это быстро с Джеймсом и медленно с Анной. Я собиралась убить и Сару. А потом я передумала. Это не был акт милосердия, совсем нет. Я передумала, потому что хотела, чтобы перед смертью Сара узнала, кем были ее родители. Я хотела, чтобы она поняла какими жестокими, какими эгоистичными они были на самом деле под этой золотой оболочкой. Она идеализировала их, я знаю — я много о ней знаю, намного больше, чем она может себе представить. Я оставила ее в живых, потому что хотела, чтобы она ненавидела своих родителей за то, что они оставили ее беспомощной и в одиночестве. И я наслаждалась этим, по-своему, ведь это была больше боль, чем радость.

Прекрасная, сладкая Сара Миднайт, которая должна была быть моей дочерью. Она так хорошо играла, что мир бы остановился послушать. Я засыпала под ее музыку. Я не только наблюдала за ней, я еще и слушала ее...

Если бы я так ненавидела Сару, я бы любила ее так сильно, как может только мать.

Ближе, ближе. Каждый шаг подводит меня ближе к ней.

И когда обман Шона будет разоблачен и Сара останется одна, тогда она узнает, как я себя чувствовала все эти годы.

Тогда придет время ее смерти, и время моего освобождения.

Глава 22. Туман

Спаси меня от собственных секретов.

Сара пошла напрямик к кофеварке, не говоря ни слова, ее лицо словно камень. Серый, дождливый рассвет забрезжил в небе.

— Сядь. Я сделаю тебе кофе, — Гарри оторвался от своего айфона и сделал две чашки. Он никогда не сможет привыкнуть к тому, как она выглядела. Как он любил ее лицо, ее волосы, ее тело. На ней были джинсы и длинный фиолетовый топ, ее волосы собраны в длинную косу, из-за чего она выглядела немного старомодно, как героиня из викторианского романа.

— Мило выглядишь, — выпалил Гарри и немедленно занялся приготовлением кофе. Сара смутилась и ничего не ответила.

— В любом случае, надо залечь на дно. Я сказал, что ты не вернешься в школу до понедельника.

— Хорошо. — Четыре дня дома. Блаженство. Сара любила школу, особенно уроки музыки, но ходить туда, когда ей снились такие сны, и вместе со всем происходящим вокруг — это было слишком. Она постоянно боялась, что на нее нападут прямо там, и кто-то пострадает.

Сара выпила свой кофе.

— Увидимся позже.

— Куда ты идешь? — Гарри встревожился. Ему не нравилось, что она идет куда-то одна.

— Просто в сад, — прокричала Сара уже за дверью. Гарри схватил куртку и последовал за ней. Он собирался выйти, когда его телефон зазвонил, и он вернулся, чтобы ответить.

Сара спустилась по каменным ступеням... и вот он. Листок. Золотой, окрашенный в тысячу разных оттенков золотисто-желтого. Дубовый листок, идеально красивый, с картой симметричных прожилок на нем. Сара почувствовала, как мир вращается вокруг нее, и ее ноги подкосились на секунду. Она была счастлива, так счастлива, и это было странное, головокружительное счастье. Словно туман заволоч ей глаза, и все, что она могла видеть, все, о чем могла думать — этот идеальный, прекрасный листок. Словно больше ничего не имело значения.

Он нашел способ сказать «Я здесь», несмотря на то, что по какой-то причине не смог остановиться, не смог поговорить.

Гарри появился в дверном проеме, и Сара спрятала листок за спиной, быстро нацепив безразличное выражение лица. Часть ее знала, что она предает доверие Гарри, часть ее отчаянно хотела рассказать ему. Но она просто не могла. Что-то ее останавливало, и она не могла понять, что именно.

— Кто звонил? — холодно спросила она Гарри.

— Реклама.

Сара пропустила Гарри в сад, и как только он отвернулся спиной, спрятала листок в карман одной из курток, висящих в коридоре. Она поправила их еще раз, а потом снова побежала на улицу.

Когда? Когда я снова его увижу?

Она побежала сквозь сад к уголку матери. Села на колени на сырой, черный чернозем

под стальным небом, и посмотрела вверх. Тучи мчались и мчались, словно дикие лошади. Нежными пальцами, Сара коснулась розмарина, шалфея, тимьяна, мяты... Кто бы подумал, что эти скромные травы могут скрывать такую силу?

— Я могу помочь?

— Все нормально, не переживай. Просто не хочу запустить сад мамы. Теперь моя очередь присматривать за ним.

— Хочешь немного спокойствия? Мне уйти?

— Нет, останься, — Сара неожиданно улыбнулась одной из тех редких улыбок, которые освещали ее лицо.

Гарри сидел на небольшом камне, который обрамлял сад трав, и вдыхал свежий утренний воздух. Он огляделся: зеленые газоны, усыпанные листьями, дубы чуть дальше, пруд с утками, покрытый водяными лилиями. Миниатюрный парк. Только для Миднайтов.

— Этот дом потрясающий.

— Да. Надеюсь, мне никогда не придется уехать.

— Не придется. Не беспокойся. Я позабочусь об этом.

Сара подняла взгляд, нахмурившись. Она терпеть не могла пустые, бессмысленные обещания. Она посмотрела на него темными, серьезными глазами, и Гарри встретился с ней взглядом. Она увидела, что его лицо было серьезным.

Он был честен.

Быстрая, почти незаметная улыбка задержалась на ее губах — это все, что она пока себе позволила. Она не могла позволить себе поверить, что он правда останется.

Они сидели в умиротворяющей тишине, Сара занималась садом, Гарри погрузился в свои мысли. Через некоторое время Сара встала размять ноги.

— Чашку чая? — спросил Гарри.

— Я знала, что ты это скажешь! — засмеялась она, но резко замерла.

Она слышала звук, слабый, как вздох. Они оба слышали его, оба встревожено осмотрелись вокруг.

— Слышал что-нибудь? — прошептала Сара.

Гарри кивнул. Он был напряжен, смотрел вокруг, словно животное, учуявшее запах хищника. Он вытащил скин ду, готовый к драке или заклинанию.

Вихрем перьев и крыльев, рядом с ними приземлился ворон.

— Гарри...

Гарри покачал головой и поднес палец к губам.

Сара почувствовала что-то в основании шеи — нежное, незаметное прикосновение, от которого у нее пошли мурашки по коже. Крошечный вздох прозвучал в ее ушах, такой тихий, что она едва слышала его. Вдруг, она почувствовала, как ее руки похолодели.

— Гарри, — прошептала она снова, глядя вниз. Белый, ледяной туман медленно обволакивал ее руки, появляясь из воздуха, словно над ним трудился невидимый шелкопряд. Как в моем сне.

— О, Боже...

Гарри начал чертить руны и шептать тайные слова. Туман поднимался по рукам Сары к ее груди. Она чувствовала себя холодной и неподвижной, словно под анестезией, усыпляющей ее. Он добрался до ее шеи и закручивался вокруг, словно лаская, — мягкий и смертельно опасный. Сара начала падать. Она пыталась открыть глаза, но не могла. Туман покрыл ее лицо, и она упала на холодную, твердую землю.

Гарри бросился на землю рядом с ней, продолжая произносить заклинание, но оно было бесполезным. Ничто не могло остановить туман. Ворон каркнул три раза, словно зовя на помощь. Но кто мог вовремя прийти, когда Сара уже почти не дышала? Гарри продолжал шептать тайные слова, словно молитву или призыв, даже если в этом не было смысла.

— Сара! — голос наполнил тишину, исходя из границы сада. Парень стоял у стены. Его волосы были такими черными, что казались почти синими, и он был одет в черное с ног до головы. Он выглядел как оживший кусочек ночи, словно был сделан из тьмы. Гарри резко остановил свое заклинание и вскочил на ноги, поднимая скин ду в защитном жесте.

— В этом нет необходимости. Я здесь, чтобы помочь Саре.

Гарри кивнул. Он ненавидел себя за это, но у него не было выбора, кроме как медленно, неохотно опустить нож. Нет времени спорить. Сон Сары медленно переходит в бессознательное состояние. Следующим шагом будет смерть. Ее дыхание было учащенным, и едва заметные вдохи не могли долго поддерживать в ней жизнь.

— Сара...

Услышав голос Листка, она немного приоткрыла глаза.

— Листок, — прошептала она.

Гарри почувствовал горький привкус желчи во рту. Он должен принять помощь Листка. Он пристально посмотрел на парня, и на секунду ему показалось, что его глаза горят, словно угольки, которые выглядят холодными, пока вы не перевернете их и не увидите красное сияние под пеплом. Темное, глубокое сияние. Это было всего на мгновение, а потом глаза Листка снова стали черными.

Он человек?

Листок сел на колени рядом с Сарой, погружая руки в туман, и начал наматывать его на пальцы, словно паутину или моток шелка. Как только туман касался пальцев Листка, он растворялся на миллион маленьких капель, которые быстро испарялись.

«*Огонь против воды*», — подумал Гарри. Странная мысль посетила его голову, быстро вспыхивая и угасая, как падающая звезда. Этот парень — огонь.

Несколько минут Листок работал в тишине, дыхание Сары становилось медленным, глубоким и более ровным по мере того, как он растворял туман, пока она не пришла в себя. Она села, потирая лицо. Сара была мертвецки бледна, а ее губы — синими. Гарри подошел, чтобы прижать ее к себе, и был поражен тем, как холодна она была.

— Сара, дай мне согреть тебя, — он начал потирать ее руки, прижимая к себе, но глаза Сары не покидали лица Листка.

«*Теперь я горю*», — подумал Гарри. Он хотел отбросить черноглазого парня в стену, он хотел перенести Сару в дом и запереть двери.

Она моя.

— Гарри! Листку больно, — прошептала Сара, ее лицо полно беспокойства. Она освободилась из объятий Гарри и подошла к темноглазому парню. Листок, казалось, бледнел на глазах, пока растворял туман, и его кожа, и без того бледная, приобрела голубоватый оттенок. Он попытался заговорить, но внезапно упал на колени. Листок повернулся на земле с закрытыми глазами, его сотрясала дрожь. Сара положила на него руки и ощутила холод.

— Мы должны согреть его!

Гарри не пошевелился.

— Листок... — Она обняла его за плечи. — Гарри, пожалуйста, одеяло.

Гарри все еще не двигался.

— Я в порядке. Я в порядке, — прошептал Листок, все еще свернувшись в клубок. — Не беспокойся. Я буду в норме через минутку. Ему нужно покинуть мое тело...

Сара с тревогой наблюдала за ним пару минут, пока он, наконец, медленно не сел. Он больше не дрожал. Туман, должно быть, покинул его организм. Сара и Гарри внимательно смотрели на него. Сара с тревогой, а Гарри размышлял о том, как сильно он хотел, чтобы этот странный мальчишка исчез.

Неожиданно, Гарри заметил что-то уголком глаза, что-то белое и тягучее, словно развевающаяся на ветру лента.

— Сара. Он вернулся.

Туман уже начинал медленно кружить вокруг них троих, а воздух становился холоднее и холоднее. Сара застыла. Она уже чувствовала, как ей трудно дышать.

— Не двигайся, — Листок поднялся на ноги, поднял руку и начертил что-то в воздухе, издавая глубокий, странный воющий звук, словно крик животного.

И вот она — сильная, гордая, с глазами из чистого янтаря и усами, дрожащими от ярости. Это была дикая кошка, или выглядела, как дикая кошка. Искры сыпались из-под ее лап и усов, когда она начала медленно кружить напротив тумана.

— Дух огня! — прошептал Гарри.

Дикая кошка прыгнула в воздух и поймала туман когтями. Она прыгала снова и снова, атакуя туман лапами, и искры летали вокруг нее. Она подскочила так близко к Гарри и Саре, что они подумали, будто он может ранить их когтями, но она всегда сворачивала в последнюю секунду.

Комок за комком туман исчезал. Кошка стояла, вонзив когти в землю, откинула голову назад и громко, пронзительно мяукнула. Она вздрогнула, и маленькие синие молнии ударили с неба в ее когти. Ее шерсть стала дыбом, наэлектризованная. А потом она, кажется, расслабилась, медленно потянулась, с глубоким, ленивым зевком.

Дикая кошка взглянула на них в последний раз — ее янтарные глаза были того же цвета, что и у Тени, но немного темнее, и прыгнула прочь, исчезая между дубами, в то время как вороны улетали в темнеющее небо.

Сара лишилась дара речи. Это было самое потрясающее их всего, что она видела в жизни. Дух огня.

— Это было невероятно! — сказала она, и ее глаза сияли.

— Демон не вернется снова, — прошептал Листок. — Мне нужно идти.

Сара почувствовала укол в сердце.

— Не уходи. Останься, — попросила она, и это было так беспомощно и умоляюще, что Гарри почувствовал тошноту.

— Прости, мне нужно идти, — Листок стоял близко к Саре, так близко, что мог чувствовать ее теплое дыхание на своей шее. — Думай обо мне, — прошептал он ей на ухо, и от этого ее колени начали подкашиваться. Ее разум опустел, как и всегда, когда Листок был рядом.

Сара смотрела, как он уходит, и поток одиночества овладевал ею, набирая силу с каждым его шагом. Он перепрыгнул через стену и исчез, а сердце Сары наполнилось невидимыми слезами. Он не остановился. Не дал времени поговорить с ним. Она почувствовала, как глаза наполняются слезами, и ненавидела себя за это.

— Что он тебе сказал? — спросил Гарри.

— Ничего. Просто быть осторожней.

На секунду Гарри представил себе, как это будет, — сомкнуть руки на шее Листка и услышать, как она ломается.

— Осталось четыре, — мрачно прошептал он и ушел, не оборачиваясь, желая, чтобы Листок оставался там, где ему самое место — во снах Сары.

Сара последовала за ним в дом и сразу пошла вверх. Она хотела побыть одна. Она не удивилась, когда нашла золотой листок, ждущий ее на подушке.

Глава 23. Во сне

*Снова быть невинной,
Отличать добро от зла, как я могла
До того, как появился ты.*

Сара лежала на кровати, слушая свой Айпод, а золотой листок лежал у нее на груди. Дверь чуть приоткрылась. Ее сердце пропустило удар, и она вскочила в панике, вырывая наушники из ушей. Она все еще дрожала. Ужасно, когда на тебя нападают в твоём собственном доме, и ты никогда не можешь чувствовать себя в безопасности. Как долго еще ей придется жить в страхе?

«Всегда», — сказал голос в ее голове.

— Сара?

Слава Богу, всего лишь Гарри. Она поспешила открыть дверь.

— Извини, я не слышала тебя, — она указала на свой айпод и села на подоконник, обняв колени. Гарри сел на ее кровать.

Он выглядел таким добрым. Таким... Гарри. Саре пришлось подавить в себе желание подойти и обнять его, спрятать лицо у него на груди. Она глубоко вздохнула.

— Я хотел поговорить с тобой о том парне, Листке, — начал он.

Я знала это.

— Да, — она видела, что он был расстроен, но не хотела ничего выдавать. И, в любом случае, не знала, что сказать. Все это было такой загадкой. И ее собственные чувства были наибольшей загадкой. Странная связь с Листком была необъяснимой. Словно заклинание.

— Ты думаешь, он человек?

— Я не знаю. Думаю, да. Он определенно не один из Валайя. Он спас мою жизнь. И твою.

Я должен был спасти твою жизнь.

— Ты должна сказать мне, если увидишь его снова.

Сара не ответила. Она внезапно разозлилась — на Гарри, на Листка, на своих врагов, на своих родителей, на весь мир. Она даже не знала почему. Это разочарование, предательство, которое она чувствовала, было всепоглощающим, словно серая дыра посреди ее жизни.

— Сара?

— Я скажу тебе. — Не скажу. Не смогу. Я хочу, но не смогу.

Гарри вздохнул. Она не скажет. Она уже хранила секреты. Она сохранит и этот, хорошенько сохранит.

Они сидели в тишине минуту, Гарри был мрачен, его глаза направлены в пол в тихой ярости. Сара почувствовала, как волна тревоги накрывает ее, пока тело не начало трястись от страха. Она свернулась в клубок, прижимая колени крепче к груди, ее волосы упали ей на лицо, как бы защищая ее.

Я совершаю ошибку? Стоит ли бояться Листка? Почему он не остался поговорить со мной, даже не сказал своего настоящего имени?

— Я знаю, кому принадлежал демон-туман, — пробормотала она. — Я слышала во снах. Шейла Дуглас.

Лицо Гарри стало каким-то твердым, из-за чего он стал выглядеть как какой-то незнакомец. Это заставило Сару почувствовать себя ужасно, бесконечно одинокой.

— Я найду ее. Она заплатит, — холодно и спокойно сказал он.

Сара положила руку на грудь. Она вновь не могла дышать.

— Гарри, это не имеет значения, ее демон мертв. Ты сам сказал, как только демон уничтожен, человек умирает. Не ходи.

— Мне все равно. Она заплатит, — повторил он.

— Гарри!

Гарри взял Сару за плечи и посмотрел ей в глаза. Они смотрели друг на друга долгое мгновение. Как просто было бы поцеловать ее прямо сейчас, сделать своей, стереть все, что бы ни происходило между ней и Листком.

— Я должен сохранить тебе жизнь, Сара.

— Не убивая других людей, — прошептала она, ее голос надломился.

— Любой ценой.

— Нет, это не выход...

Но Гарри уже ушел. Сара побежала за ним.

— Ты не навредишь ей, да?

Гарри лишился дара речи. Он резко повернулся, и Сара почти влетела в него.

— Сара. Это убийцы твоих родителей. И они хотят убить и тебя. Ты это понимаешь?

— Конечно, понимаю! Но я не хочу человеческой крови на своих руках! Или твоих! Так не должно быть!

— Я не убью ее, если ты об этом беспокоишься.

— А что ты сделаешь?

— Преподам ей урок.

Они добрались до гаража. Он завел машину. Его глаза были холодными, очень ясными, и Сара почувствовала страх.

— Садись. Я не могу оставить тебя одну, — позвал он, смотря прямо перед собой.

«Я тоже не могу оставить тебя одного», — подумала Сара и скользнула в машину.

Они ехали в тишине, и Сара смотрела в окно. Городские улицы, светлые дома из песчаника под тяжелым небом, серый замок, возвышающийся над вулканом, наблюдающий за городом, словно часовой.

Принсес-стрит была оживленной и заполненной людьми. Они быстро шли, дыша прохладным утренним воздухом, укутанные в пальто и шарфы, туристы фотографировали пейзажи, и очень, очень громкий вольтыжник играл, перекрывая звуки дороги.

— Мы на месте. «Новая ты». Клиника пластической хирургии. Хочешь новый нос?

Сара вздохнула и опустила глаза. Нервничала, чувствовала, что вот-вот сорвется. Она просунула руку под топ, чтобы проверить, был ли кинжал все еще там, и нервно потерла руки в бессознательном жесте, будто готовя их.

— Я пойду сам, если хочешь, — глаза Гарри были твердыми.

— Нет. Я с тобой, — лучше за тобой присматривать.

Телефон Гарри пикнул, и он вытащил свой айфон.

— Опять? С кем ты говоришь все время?

— С друзьями, ты это знаешь.

— Теми друзьями?

— Да.

— Кто они? — Сара начинала злиться. Друзья Гарри, кажется, принимали активное участие в ее жизни и знали очень много, но у нее даже их имен не было.

— Это хорошие люди. Им можно доверять.

— Ты давно их знаешь?

Гарри не ответил. Сара знала, что он больше ничего не расскажет.

— Ладно. Пошли. О, Сара?

— Да?

— Ты принимала витамины? Те, которые принесла Джульетта?

Сара была изумлена. Вопрос застал ее врасплох, и она засмеялась.

— Что?

— Тебе было плохо вчера, и со всем произошедшим...

— Да, мамочка. Я приняла их сегодня утром.

— Ха, ха.

Она была тронута. В одну секунду Гарри мог быть сосредоточенным и холодным, или даже жестоким, а затем добрым и заботливым, и это заставляло ее сердце биться быстрее, заставляло ее хотеть разгадать его тайну, знать его полностью, а не только то, что он разрешал ей знать о себе.

— Ты все еще бледная.

— Я всегда бледная. Это знаменитый призрачный вид Миднайтов. Хотя у тебя его нет, — заметила она, глядя на его золотистую кожу.

— Это все южное полушарие.

Они вошли. Все выглядело отполированным, роскошным. Идеальное место для людей, которые хотели купить себе новые тела.

— Могу я помочь вам? — спросила девушка на ресепшене.

— Мы с моей женой...

Женой?

— ...хотим получить консультацию. Мы бы хотели получить советы по... процедурам.

— Конечно. Ваши имена?

— Гарри и Сара Миднайт. Мы бы хотели увидеть миссис Дуглас. Нам ее рекомендовали.

— Хорошо, сейчас посмотрим... боюсь, это невозможно до следующей недели.

— Мы друзья семьи. Я уверен, что если вы скажете ей, она прямо сейчас нас примет.

— Хорошо, я попытаюсь, — она подняла телефонную трубку. — Миссис Дуглас? Гарри Миднайт и Сара Миднайт хотят увидеться с вами для консультации. Они говорят, что хотят увидеть вас прямо сейчас. Конечно. Я провожу их.

У Сары в груди образовался узел. Ну вот, началось...

— Следуйте, пожалуйста, за мной, — вежливо сказала девушка. Она провела их по светлому коридору и постучала в дверь.

— Войдите! — послышался резкий, грубый голос. Девушка незаметно исчезла, оставляя после себя облачко духов. Шейла Дуглас стояла у стола, ее лицо — маска ненависти и неверия.

— Как вы можете все еще быть живы? — прошептала она, и этот шепот казался криком.

— Прости, что разочаровали, — пожал плечами Гарри.

— Мой демон... он...?

— Умер, да. Вернее, растворился. Прости.

— Как вы...? Как? Он был сильным... он убил столько... это невозможно. Вы блефуете.

— Его было сложно убить, признаюсь. Нам потребовалась помощь. Но мы сумели.

Шейла издала звук, который находился где-то между всхлипом и хрюком, и он так не сочетался с ее отполированной внешностью, что Сара почувствовала, как узелок в груди затягивается еще туже. Что будет теперь? Она собирается убить нас? Или Гарри собирается убить ее? Она не знала, что было хуже.

— Вы же не думаете, что теперь в безопасности, правда? Потому что Валайя еще не прикончены. Мы не успокоимся, пока вы не умрете.

— Мы знаем. Есть еще несколько Суари и эта Мастерница, да? — тон Гарри был легкомысленным, но Сара достаточно хорошо его знала, чтобы слышать сталь в его голосе.

— Откуда вы о ней знаете?

— Сапфиры сказали нам, — загадочно ответил Гарри.

— Мастерница ждет вас, да. Даже если вам удастся убить всех нас, в конце останется она. Ох... — Шейла поднесла руку к голове, будто от внезапной боли.

Сара ахнула. Это Гарри? Он делал с ней это?

— Кто она? Кто Мастерница? — давил Гарри.

— Я достаточно сказала. Теперь уходите! — Шейна сомкнула руки на голове, ее лицо исказилось от боли. Сара попыталась вдохнуть, но поняла, что не может. В ее груди был такой узел, что она подумала, что задохнется.

— Ты боишься, Сара! Потому что тебе следует бояться! — Шейла подняла взгляд, ее глаза светились неистовым светом. — Ты, маленькая Сара, скоро будешь в могиле вместе со своими родителями. Что ты делаешь, как ты думаешь? — завизжала, глядя куда-то через плечо Сары.

Сара проследила за ее взглядом и обернулась. У Гарри в руках был его кинжал, его глаза — ледяные. Сара сглотнула. Он готов к убийству, будто хочет убить.

— Собираешься проткнуть меня ножом? — Шейла засмеялась снова, а потом снова поднесла руку ко лбу от боли.

— Гарри, нет! — Он не может. Это не предназначение Миднайтов. Мы не убиваем людей!

Гарри не обратил внимания на Сару. Он поднял руку, держа нож и начал чертить руны кончиком скин ду, рассекая воздух. Глаза Шейлы были сосредоточены на лезвии, словно ее загипнотизировали. Сара ожидала, что она начнет корчиться от ран, появляющихся на ее теле, как это случилось с белым Фералом, но ничего не случилось.

Ничего.

Одним последним, резким движением, Гарри опустил скин ду и просунул его обратно в свой носок. Его холодные, ясные глаза, не выдавали никаких эмоций.

— Что ты со мной сделал? — завизжала Шейла, вскакивая. Ее кресло отлетело назад.

— Все в порядке, миссис Дуглас? — девушка с ресепшена немного приоткрыла дверь, достаточно для того, чтобы просунуть голову.

— Да, да, конечно. Мне просто нужно закончить консультацию, — голос Шейлы звучал хрипло. Испуганно. Девушка подозрительно посмотрела на них, но закрыла дверь, пробормотав извинения.

— Вы знаете, что я сделал, миссис Дуглас? — сказал Гарри ровным голосом, его лицо было твердым, как камень. — Скажем так: что бы я ни выбрал, вы уснете. Это может случиться, пока вы будете в машине... или когда будете включать газ... или идти по лестнице. Ну, вы поняли.

Шейла посмотрела на них расширенными глазами.

— Я тебе не верю, — выражение ее лица и голос говорили совершенно об обратном.

Гарри поднял руку, словно благословляя ее, и начертил что-то в воздухе. Шейла упала на пол без сознания. Сара закрыла рот руками.

Гарри поднял руку снова и начертил зеркальное отражение того же символа. Шейла внезапно открыла глаза, задыхаясь, пытаясь глотнуть больше воздуха.

— Вы заплатите за это, — прошипела она, смотря на него, словно дикую собаку — со злостью и страхом.

— Если Валайя снова побеспокоят нас, я усыплю тебя. Если я не разбужу тебя сам, ты проснешься через несколько часов. В это время что угодно может случиться. И, надеюсь, случится.

— Я не смогу остановить их, даже если хочу! Вы ничего не добьетесь, убив меня! — Шейла сплюнула.

— По крайней мере, это доставит мне удовольствие. Надеюсь, Шейла Дуглас, за то, что ты хочешь смерти Сары, ты умрешь мучительной смертью.

Сара была в ужасе, слыша от него такое. Словно он был как они. Словно он был одним из Валайя, не лучше них.

Последнее, что увидела Сара, перед тем, как они покинули кабинет, это Шейлу, сидящую за столом, ее голова покоилась на руках, глаза полузакрыты, словно ее мучила ужасная боль.

Шум дороги Принсес-стрит ударил, словно стена. Небеса разверзлись. Они побежали к машине под проливным дождем.

— Что мы будем делать теперь? — Сара вытерла лицо руками, ее длинные волосы промокли.

— Ждать. Они скоро появятся.

Да, скоро. Может, сейчас, может, сегодня днем, может, вечером или ночью. Нам не будет покоя, пока Валайя не будут уничтожены. А потом появится еще что-то. Никогда не будет покоя.

Не будет, пока рано или поздно что-то не убьет нас.

Глава 24. Жизнь, которая могла бы быть моей

*Жди меня, я возвращаюсь домой
Зажигай огонь и задвигай шторы
Любовь уходит
Но возвращается.*

Телефон зазвонил, когда Сара играла на виолончели. Она остановилась, и, скрепя сердцем, вытащила себя из того благоговения, в которое обычно впадала, когда играла, — это возвышенное состояние абсолютной концентрации ума, тела, сердца и души, которые соединялись, как созвездие. Все эти годы ей нельзя было говорить никому о том, что происходит в ее жизни, но она рассказывала через свою музыку. Музыка была всем для нее, ее передышкой от постоянного страха, одиночества и потерь. Ее убежищем и способом попросить у мира быть увиденной, быть любимой.

— Алло? Привет, Брайони. Да, она здесь. Сара! — услышала она Гарри, когда он ответил на звонок.

— Иду, — отозвалась она, вздыхая. Сара всегда была счастлива поговорить с Брайони, но ей нужно было репетировать. Прослушивание всего через семь недель, и со всем происходящим...

— Привет... Лучше. Я не уверена... может, в другой раз. Да, я знаю, что нигде не была уже сто лет... Брайони, серьезно, мне нужно репетировать. Нет, я не буду откладывать на следующий год. Конечно, я могу это сделать. Я знаю, я знаю. Ладно. Тогда всего на часик. Увидимся. Пока.

Она посмотрела на Гарри и пожала плечами, словно говоря: что я могла сделать?

— Сара... — голос Гарри был полон упрека.

— О, не надо читать мне нотации. Мне нужно пойти. Мы просто собираемся в Роял Молл. Я вернусь через пару часов.

— Ты знаешь, что это опасно. Если они нападут, то могут навредить и Брайони...

— Я нигде не была уже недели, я не виделась ни с кем недели... Брайони говорила странно. Я не могу потерять ее. Я не хочу ее терять.

— Она что, не понимает, через что ты проходишь?

— Конечно, понимает. Но она не понимает, почему я не могу положиться на нее. Мы всегда доверяли друг другу, все эти годы.

— Это не меняет того факта, что ты подвергаешь ее опасности.

— Я знаю, — Сара вздохнула. — О, ты прав. Я позвоню ей и скажу, что не могу пойти. Как только этот кошмар закончится, может, у меня снова будет нормальная жизнь...

Я — будто проклятие. Мысль повисла в сердце, словно камень. Сара выглядела такой бедной, что Гарри посочувствовал ей. Он задумался на минуту.

— Слушай, а что, если я буду следить за вами? Как в школе? Я присмотрю за вами всеми. Если что-то случится, я буду там.

— О, Гарри, если бы ты мог...

— Это не аннулирует угрозы, но я помогу в случае чего.

— Ты опять будешь супержутким сталкером, как обычно. Мы не будем тебя видеть, но ты там будешь, как шпион! — улыбнулась Сара.

— Я не супержуткий! — запротестовал Гарри.

— Ну, ты везде за мной ходишь, и, если это не жутко, то я не знаю, как это назвать, — поддразнила его Сара.

— Я не жуткий! — настаивал Гарри. Сара изогнула брови.

— Ладно, может чуть-чуть. Но это спасло тебе жизнь как минимум один раз.

— Правда?

Гарри кивнул.

— Серьезно?

— Да.

— Ну, значит, это работает. Ты можешь подвезти меня, а потом слоняться там. В кустах, или где-нибудь еще.

— В торговом центре нет кустов.

— Есть несколько очень убогих. Думаю, они пластмассовые. Или ты можешь украсть форму охранника...

Гарри улыбнулся.

— Это не так делается.

— А как? Похоже на то, что ты ходишь вокруг весь такой тихий, а я даже не могу услышать, как ты подходишь и пугаешь меня до смерти.

— Тот же принцип, да.

— Полезный навык.

— Очень.

Гарри очень боялся, что друзья Сары могут пострадать в случае нападения. Это было правдой. Но была еще одна причина, по которой он не хотел отпускать ее, и он не хотел признаваться в этом даже самому себе. Он знал, что не должен это чувствовать, но ничего не мог с собой поделать.

Он никогда не был так одержим никем. После того, как он потерял своих родителей в тринадцать, он поклялся, что никогда, никогда не заведет семью. Он не мог даже подумать о том, чтобы сблизиться с кем-то, а потом снова потерять. Девушки и друзья приходили и уходили, не оставляя следа, пока не ушел настоящий Гарри. Гарри Миднайт был первым человеком, который проник в его сердце, его первый настоящий друг.

И он тоже умер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А затем, появилась Сара, словно из сна. Весь ужас и горе от потери родителей и Гарри перенеслись на нее. Желание защитить ее, спасти ее поглощало. Оно было таким сильным, что он не знал, что с этим делать. Он хотел быть, нарезать вокруг нее круги, как дикий пес. Он знал, что его чувства к Саре выходили за рамки привязанности, он не тешил себя иллюзиями и признавал, что любит ее. Он не мог вынести мысли, что с ней может что-то случиться. Он не мог вынести мысли, что кто-то отнимет ее у него.

Другой мужчина.

Вот, он сказал это, даже если только в мыслях.

Он также знал, что у него не было прав на нее, что он никогда, никогда не мог позволить своим чувствам всплыть на поверхность — он должен быть ее кузеном, и она верила, что так и было, весь мир верил. Находиться рядом с ней, быть ее семьей — этого для него недостаточно.

И если она снова попросит его лечь рядом с ней так же, как вчера, сможет ли он снова отшутиться? Или он ляжет рядом с Сарой и позволит своему телу, а не разуму, решать, что

правильно, а что нет?

Он хотел быть ее миром. Опасность держала их вместе, она нуждалась в нем, и он хотел, чтобы так было всегда.

— Эй, о чем думаешь?

— Ни о чем. Давай, пошли.

— Ладно. Я только пойду, переоденусь.

Через сорок минут (и что, ради бога, можно там так долго делать?) Сара вернулась. Ее длинные волосы были распущены и ниспадали на плечи, черные и сияющие. Она выбрала черные леггинсы, черные туфли на шпильке и свитер серо-голубого оттенка, который открывал ее белые, мягкие плечи. Серебристые тени заставляли ее глаза сиять, а на губах переливался легкий блеск. Ее щеки были розоватыми от счастья.

Гарри лишился дара речи.

Сара видела, как он смотрел на нее, как не мог оторвать взгляда. Она поняла, что и не хотела, чтобы он отворачивался, и это ее пугало.

— Я возьму куртку, — пробормотала она.

— Я прогрею машину, — пробормотал он в ответ.

Пока Гарри шел к автомобилю, он понял, что ничего он не хотел больше, чем запустить руки в ее волосы.

— Да! Мы вытащили тебя из дома! — Брайони крепко обняла Сару. Сара вдохнула ее сладкий запах колокольчиков и почувствовала себя счастливой, абсолютно счастливой, как когда они были детьми и им разрешали ночевать друг у друга. У Брайони в волосах, собранных на одну сторону, был фиолетовый тканевый цветок. У нее всегда был эксцентричный вкус в одежде, яркий и красочный. Она страдала, надевая серо-голубую школьную форму каждый день, и возвращалась к жизни по выходным, когда у нее появлялась возможность выразить свою креативность и поиграть с любимыми цветами. Сара думала, что она потрясающе выглядит, такой яркой, веселой и полной жизни.

— Привет, Сара!

Пришли Элис и Ли, и Сара обняла их обеих. Они тоже отлично выглядели. Элис со своей блондинистой стрижкой боб и большими голубыми глазами. Она была очень высокой и очень красивой — она и ее кузина Шивон были главными претендентками на звание королевы красоты академии Тринити. У Ли были длинные, прямые каштановые волосы и веснушки. Она была наименее яркой из трех девушек, но такой же красивой.

Все четверо были настолько разными, что отлично сочетались, дополняя друг друга, давая друг другу то, чего не было у других. Брайони была творческой, эксцентричной, полной жизни. Элис — страстной и уверенной в себе не по годам. Ли — милой и щедрой с беззаботной жизнью. А Сара была застенчивой, немного меланхоличной и самой темной из четверки, из-за своих странных родителей, которых не могли понять ее друзья.

Они ринулись в «Аксессуариз», свой любимый магазин. В нем было все: от драгоценностей до сумок, шляпок и шарфиков, милых канцелярских принадлежностей и даже нижнего белья и тапочек. Все было рассортировано по оттенкам и цветам и светилось под ярким светом — девушки и женщины сбегались на такое, как сороки. Они ворвались в магазин, и Сара наслаждалась каждой минутой. Она впервые за долгое время пошла по магазинам. Вышла коллекция к Хэллоуину, полный ассортимент аксессуаров с тычками, летучими мышами и ведьмами на метлах. Прямо то, что доктор прописал.

— Что ты купила? — спросила ее Элис.

— Это... — Она отбросила волосы, показывая ей сережки, которые только что купила. Две крошечные луны. — И это... — она взяла в руки свое новое ожерелье. Это был маленький черный кот.

— Она похожа на твою Тень!

— Именно. А ты что купила?

— Чулки выше колена. Покажу твоему кузену! — засмеялась Элис.

Сара украдкой огляделась вокруг, задаваясь вопросом, слышал ли он. В конце концов, он был здесь, но она не знала где.

— Зацените мою добычу, — Брайони купила сережки в форме летучих мышей и такую же подвеску. — Для Хэллоуина!

— Мило! — одобрили девочки.

Ли купила розовую трикотажную сумку через плечо, подходящий под нее кошелек и несколько аксессуаров. Ее отец — известный спортивный комментатор, и у нее всегда было много карманных денег, в отличие от Брайони, у которой было четверо братьев и сестер, с которыми нужно было делиться, и ей всегда не хватало.

— Привет, девчонки, — высокий парень в джинсах и оранжевой футболке подошел к ним. Джек. Сара напряглась.

— Привет, Джек. Посмотри на себя, такой модный, — улыбнулась Брайони.

— Ты тоже. Я тебя за милю в этих колготках увидел, — ответил он по-доброму. — Ну, так, как дела? С кем ты?

— Не с Майклом, если ты это имел в виду. — смутилась Брайони и Элис с Ли засмеялись. Майкл очень давно нравился Брайони — три месяца, что по ее меркам было очень долго. Сара не присоединилась к смеху, она была занята, пытаясь осмотреться и увидеть Гарри, но так, чтобы ее при этом не заметили. Она надеялась, что он не увидит Джека. Она знала, что это его расстроит.

— Сара, это фисташковое латте... — с надеждой сказал Джек.

Она открыла рот, но ничего не сказала. Она не знала, что сказать. Сара очень хотела побыть со своими подругами, и не хотела их бросать, чтобы пойти попить кофе с Джеком.

И если Гарри нас увидит...

И что, если Гарри нас увидит? Это не его дело! Он мой кузен, а не мой... мой...

Она отказалась заканчивать мысль.

Брайони заметила нерешительность Сары и пришла на помощь.

— Спасибо, почему бы и нет? — сказала она радостно. — Пойдемте в Старбакс, что думаете? — Джек озадаченно посмотрел на Брайони, та в ответ одарила его улыбкой. «Она, наконец, поняла намек», — с облегчением подумала Сара и снова начала дышать. Она была спасена.

Они сели на коричневые диванчики наверху, смотря вниз на покупателей сквозь прозрачные стекла. Приближался вечер, и появились голубые огоньки на стеклянных стенах, имитирующие воду, бьющуюся о стороны здания. Сара упивалась всем. Проводить время с друзьями было замечательно. Быть нормальной, или хотя бы притворяться нормальной. Она попивала свой фисташковый латте, слушая болтовню девчонок и Джека. Она чувствовала его взгляд на себе каждый раз, когда он думал, что она не смотрит.

— Скоро твой день рождения. Меньше, чем через две недели. Что будешь делать? — спросила Брайони Сару.

— Не думаю, что буду праздновать в этом году. Просто, это... слишком скоро.

— Я знаю, — ответила Брайони, и Ли согласно кивнула. — Может, мы пригласим тебя на обед? Только девочки. Прости, Джек, ничего личного!

— Ничего. Может, я смогу сводить Сару в город вместо этого.

О, Боже.

— Посмотрим. Я не знаю... у меня скоро прослушивание, — она запнулась.

— Ладно, решено. Обед с девчонками в честь твоего дня рождения, — и снова Брайони пришла ей на помощь.

— Хорошо, — уступила Сара с улыбкой.

— И с кузенком Гарри тоже, — серьезно добавила Элис, и все засмеялись.

— Я напишу тебе насчет дня в городе, — добавил Джек. Он испытывал свою удачу.

— Хорошо. — Нет.

— Уже почти шесть. Почему бы нам не пойти ко мне и не устроить марафон ужастиков? Мой брат принес целую кучу на днях.

— Почему бы и нет? — сказала Элис.

— Я возьму рыбы и картошки на всех. Кто там будет? — предложила Ли.

— Оу, спасибо, Ли! Только мама и мои сестры. Парни на футболе.

— Отлично. Тогда пойдемте в Альпино, — девушки начали собирать вещи.

— Прости, Брайони, я не могу, — прошептала Сара. Лицо Брайони помрачнело.

— О, Сара, мы практически умоляли тебя, чтобы ты с нами пошла. Нехорошо так изолировать себя... — голубые глаза Ли были полны беспокойства.

Сара была подавлена. Она ненавидела, что ее друзья думали, будто она их избегает, будто она больше не хотела или не нуждалась в их компании. Это неправда. Она нуждалась в них больше, чем когда-либо.

— Не гони нас из своей жизни, даже если тебе сейчас сложно, — продолжила Ли. Брайони ничего не говорила. Она просто смотрела на Сару своими теплыми, бархатными карими глазами, которые говорили тысячу слов.

— Просто... Просто с тех пор как умерли мои родители... Мне сложно куда-то ходить, видеть людей.

И какой-то тайный культ охотится за мной. Это тоже, как бы, не помогает.

Сара попыталась вдохнуть, но в ее груди снова была тяжесть.

Я не смогу рассказать им правду. Я не дам им узнать настоящую меня. Я хочу, но не могу.

— Ладно, я пойду. Но только ненадолго.

Будем надеяться на лучшее...

— Я не могла отказать. Я знаю, я знаю... Да, у меня с собой кинжал. О, и, Гарри... — Сара вдохнула. — Присматривай за нами. Пожалуйста.

Она почувствовала узел в груди. Если что-то случится с ее друзьями...

Может, все будет нормально. Может, хоть один раз в жизни все будет нормально.

Они поехали на автобусе. Он был полон учеников как они, болтающих и смеющихся. Сара нервно оглядывалась вокруг, высматривая что-либо сверхъестественное. Люди вокруг нее выглядели такими беззаботными. Юными. Ей следовало бы быть такой.

Жизнь, которая могла быть моей.

Они поехали в Альпино, чтобы взять, рыбы и картошки, и пошли по Гейтсайд Род. Уже наступала темная, холодная, туманная осенняя ночь. Джек шел рядом с ней, и незаметным, быстрым движением взял ее за руку.

О, нет. Нет, нет, нет, нет. Кажется, до него до сих пор не дошло.

Сара смутилась и освободила руку. Она поспешила поравняться с Брайони, словно этого никогда не случалось.

Несмотря на ее страх, это была прекрасная ночь. Сара чувствовала себя далеко-далеко от этой сумасшедшей жизни, от своих снов, Сулари, Валайя. Она чувствовала себя девушкой, которая веселится. Нормальной девушкой.

Все разместились на диванах Брайони: Элис, Ли, Джек и сестры Брайони Кейт и Оливия. Саре удалось протиснуться между Элис и Ли, чтобы не пришлось сидеть с Джеком. Даже мама Брайони, милая, заботливая женщина, присоединилась к ним ненадолго. У миссис Макферсон всегда находились слова для Сары.

— Как ты, дитя? Ты знаешь, что тебе тут всегда рады, — сказала она, погладив ее по лицу.

— Спасибо, миссис Макферсон, — благодарно сказала Сара. Она представляла себе такую маму, такую семью...

Миссис Макферсон приготовила огромное количество попкорна и сливочный, самый потрясающий шоколадный торт, который Саре когда-либо доводилось пробовать. Они посмотрели три ужастика, один за другим. Зомби, сменяющиеся вампирами, а потом серийный убийца в страшной маске. Девочки охали и ахали от страха, а Сара присоединялась к ним, притворяясь испуганной. Ее собственная жизнь была намного страшнее.

— Теперь мне правда нужно идти, — сказала она после того, как серийного убийцу в страшной маске наконец убили.

— Я попрошу папу подвезти тебя, — Брайони встала.

— Не надо, я позвоню Гарри, — Сара отлично проводила время, но она с нетерпением ждала, когда залезет в Браво Гарри, а потом доберется домой, и они вдвоем сядут в гостиной и будут мирно разговаривать. Она скучала по нему. И, в любом случае, ей нужно закончить дневную репетицию на виолончели.

Через десять минут после звонка, Гарри постучался в дверь Макферсонов.

— Это было быстро!

Это потому что он уже был здесь.

— Спасибо, Брайони! — Сара обнималась с друзьями, пока Гарри говорил с миссис Макферсон. Сара протиснулась мимо него на улицу, прежде чем Джек тоже смог обнять ее.

Прямо как она себе и представляла — сесть в Браво было замечательно. Там было тепло, уютно и приятно пахло.

— Спасибо, что присматривал за мной, — сказала она с улыбкой.

— Ты повеселилась? — С Джеком? — хотел добавить Гарри, но удержался.

— Это было отлично.

— Они кажутся милой компанией.

— Да. Мы знаем друг друга с детства.

— И Джека тоже? — он сделал паузу. — Он особенный? — Гарри старался, чтобы его голос звучал обыденно, но ему до смерти хотелось услышать ответ.

Сара покачала головой. Брайони, Элис, Ли и все ее друзья влюблялись каждый месяц и меняли парней как перчатки. Особенно Брайони. У нее было такое радостное и солнечное отношение к свиданиям — для нее это все было одной большой игрой. Сара, напротив, никогда не влюблялась. У нее никогда не было парня, настоящего парня. И она никогда не

целовалась.

Ей не нравилось говорить на такие темы. Она думала, что если скажет, что ждет правильного человека, все будут смеяться над ней, подумают, что она вообразила себя какой-то девицей из прошлого века. Словно она не принадлежала этому времени и месту.

— Я жду правильного человека. Как мама ждала папу, — она тут же пожалела, что ответила. Он будет смеяться. Он будет шутить об этом.

— Хороший план, — сказал Гарри. Сердце Сары улетело, словно бабочка в голубом небе. Он понимает.

— Есть кто-нибудь, кого ты можешь считать правильным? — Он держал глаза на дороге, словно это совершенно не имело значения, словно это была просто светская беседа.

Листок? Я никогда прежде такого не чувствовала. Я никогда даже отдаленно не была кем-то заинтересована. С ним я чувствую... будто плыву. Он заставляет меня чувствовать, что кроме нас в мире нет никого. Когда он рядом, я могу забыть собственное имя...

Но все же...

Гарри. Ее кузен. Остановись!

— Нет.

Гарри сразу же почувствовал облечение, а потом грусть. Он никогда не сможет быть тем, кого она ждала. Если только не сказать ей правду.

Они провели остаток вечера так, как и надеялась Сара — в гостиной с пляшущим огнем и мягким светом настольной лампы. Гарри попивал виски, потерянный в своих мыслях, а Сара наблюдала за пламенем.

— Я должна закончить репетицию.

— Ничего, если я послушаю?

— Конечно.

Гарри любил слушать, как Сара играет. Темные, грустные звуки ее виолончели были словно эхом его собственных мыслей, словно он слышал музыку своей души. Словно смотрел в зеркало. И Сара была прекрасной, когда играла: сосредоточенная, глаза закрыты, грациозные движения, волосы, словно волны. Это завораживало Гарри, как заклинание.

Она вздохнула, когда закончила. Она бы лучше осталась там, где была — в своем маленьком музыкальном пузыре, невосприимчивая к реалиям жизни.

— Что мне теперь делать? Я пытаюсь не хотеть спать.

— Я знаю. Я все равно не буду спать, не переживай.

— Тебе нужно спать, хотя бы иногда.

— Я никогда не сплю.

— Ты же не вампир, правда? — засмеялась Сара.

— Я знаю, что это имело бы смысл в данной ситуации, но нет, прости, что разочаровал!

— Оборотень?

— Нет.

— Падший ангел?

— Не-а.

— Тогда скучный старикашка.

— Я такой, — они засмеялись.

Они немного помолчали. Сара смотрела в окно, положив голову на свою виолончель, а Гарри смотрел на нее.

— Джон Бартон — следующее имя в списке, — прошептал он через какое-то время.

— Завтра?

— Завтра.

Сара открыла глаза. Как она и ожидала, пришел сон. Она стояла в море вереска, ледяной ветер свистел у нее в ушах. Он посмотрела вверх — над ней было молочно-белое небо, а не пурпурное, из того нереального места, которое она недавно видела в своих снах. Она поняла, что стоит на маленьком круглом холме. Вересковые болота, казалось, простирались на многие мили, покрывая еще несколько таких холмиков. Она замерзала, одетая только в шорты и футболку, ее ноги были босыми. Она дрожала.

Сара ждала. Кто-то появится, что-то случится. Пусть это будет Листок. *«Пусть это будет Листок, а не демон»*, — тихо молилась она.

На расстоянии она разглядела какую-то фигуру, бегущую к ней. Сара ждала, пока она приблизится, чтобы суметь различить... девушку. Рыжую девушку. Брайони? Нет, волосы этой девушки были длинными и прямыми.

— Сара! Помоги! — Сара заставила себя стоять неподвижно, ожидая увидеть, кто это будет — друг или враг.

— Сара! — девушка приближалась и приближалась, и Сара смогла различить ее черты. Она уже видела ее где-то.

— Помоги!

Конечно же, Анжела! Анжела Коннингем! Она год ходила в начальную школу с Сарой, а потом ее семья переехала. Сара не видела ее годы.

Теперь Анжела стояла прямо перед ней. Она задыхалась от бега, и слезы текли по ее лицу. Она выглядела испуганной.

— Они идут за мной! — прошептала она.

— Кто? Кто за тобой идет?

— Люди из земли. Ты одна можешь спасти меня, Сара...

— Люди из земли? Где они? Где мы, Анжела? — подумала она спросить, чтобы знать, где найти ее.

— Роузлин. Хиллсайд. Сара! — Белая рука вылезла из земли и обвилась вокруг лодыжки Анжелы — рука выросла из-под земли, как в одном из тех фильмов ужасов, которые она видела у Брайони. Анжела закричала в ужасе.

Сара бросилась на землю и схватила призрачную руку, пытаясь растворить ее темной водой, но это не работало. Еще одна рука схватила ногу Анжелы и начала тащить ее вниз, под землю.

Анжела продолжала кричать и звать на помощь, обезумевшая от страха, и Сара вцепилась в нее, пытаясь удержать на поверхности, но это было бесполезно. Белые руки были слишком сильны, они тащили и тащили Анжелу, пока земля не поглотила ее до талии.

— Анжела! Анжела! — теперь Сара тоже плакала. Она знала, что ничего не сможет сделать. Она смотрела, как девушку затаскивает вниз, все еще кричащую и зовущую на помощь, пока ее рот не наполнился землей, и она больше не могла кричать. На поверхности ненадолго задержались ее рыжие волосы и одна из ее рук, отчаянно пытающаяся схватиться за что-то. Сара инстинктивно держала ее, пока девушка не исчезла под землей.

— Анжела, — позвала она снова, но в этом не было смысла. Единственным звуком было тяжелое, испуганное дыхание Сары. Она знала, что произойдет теперь.

Что-то коснулось правой ноги Сары, и она поняла, что теперь вернулись за ней. Она подпрыгивала так быстро, как только могла, и осматривала землю вокруг, ожидая, откуда

возникнет белая рука. Сара обняла себя руками, дико дрожа. Ее очередь. Теперь ее утащат вниз, ее рот наполнится, землей, как рот Анжелы...

Они идут. Они идут за мной.

Наконец, белая рука появилась и обвилась вокруг ее лодыжки. Сара закричала и попыталась освободиться, но хватка существа была слишком сильной. Она почувствовала, как другая рука хватает ее вторую лодыжку, и она потеряла равновесие, падая на вереск.

Лицо появилось из земли, человеческое лицо, но мертвецки бледное. Чудовище оперлось на руки, чтобы окончательно выбраться и прыгнуло на Сару, удерживая ее на земле. Его лицо было так близко, что Сара чувствовала прогнившее дыхание. Оно открыло рот и изо всех сил вонзило зубы в плечо Сары. Она закричала от боли и страха, и почувствовала, как кровь течет по руке.

Сара открыла глаза в темноте. Боль была невыносимой.

— Сара! — Гарри ворвался в дверь и включил свет. Он никогда не знал, кричит Сара во сне, или потому что на нее напал демон. Он жил на острие ножа, его нервы на пределе, бессонница хуже, чем всегда.

— Гарри! — Она потрогала плечо. Оно было влажным. Она посмотрела на свою руку, ожидая, что она будет залита кровью, но это был всего лишь пот. Но все же, оно болело так, словно его, правда, укусили.

Гарри сел на ее кровать и взял обе ее руки в свои.

— Все хорошо. Все закончилось. Здесь никого нет, только мы с тобой... — Он смотрел ей в глаза и шептал, выводя из ужаса. Сара вся дрожала и отчаянно пыталась вдохнуть. Гарри снова подумал о том, какое ужасное бремя несли на свои плечах Провидцы.

— Что ты видела? — спросил он, когда она немного успокоилась.

— Знакомую девушку, Анжелу. Мы вместе ходили в школу... — Сара положила руку на грудь, пытаясь успокоить мчащееся куда-то сердце. — Она просила помочь. Там был... какой-то зомби, выползающий из-под земли, как в «Ночи ходячих мертвецов». Оно затащило ее под землю прямо на моих глазах. Я пыталась вытащить ее, но не могла. Оно затащило ее... А потом вернулось — вышло из земли и укусило меня за плечо.

— Ты знаешь, где была?

— Где-то рядом с Роузлином, в паре миль оттуда. Она была такой напуганной. Она просила помочь, а я не могла. — Глаза Сары были огромными. Гарри крепко сжал ее руку. — Мне нужно найти ее. Я нужна ей. Может, я смогу спасти ее.

— Сара, не сейчас. Ты не можешь сделать этого сейчас. За нами охотятся Валайя. Мы не можем отвлекаться.

— Отвлекаться, — Сара была такой расстроенной, что едва могла превращать мысли в слова. — Демон затащил ее под землю! Она не могла дышать! Она продолжала звать меня!

— Ты просто подвергнешь себя опасности. Как будто нам и так ее не хватает!

— Мне нужно рискнуть. Я должна.

Гарри вздохнул.

— Давай подумаем об этом завтра. Теперь поспи немного...

Сара покачала головой.

— Я не могу.

— Хочешь, я останусь с тобой?

Она кивнула.

— Ладно, — Гарри вышел из комнаты и через минуту вернулся со своим одеялом и

подушкой. Он выключил свет и разложил одеяло на полу, заворачиваясь в него.

— Мне так удобно... или нет.

Если бы Сара не была такой напуганной, она бы засмеялась.

Глава 25. Земля

*Глубоко в душе, в ее темном уголке
Я тайно встречу с тобой,
Подальше от глаз,
Подальше от света
И наших поцелуев будет
Не сосчитать.*

— Ты готова? — спросил Гарри.

— Я не собираюсь искать Джона Бертон, Гарри. Я собираюсь в Роузлин, — на Саре были джинсы, кеды и черная ветровка с кремовым шарфиком, дважды обернутым вокруг шеи. У нее в руках был черный, обернутый в кожу фолиант.

— Сара, прошу...

— Гарри, я должна поехать. Ты понимаешь? Я должна поехать.

— Мы собираемся в Крэйгмиллер, искать Джона Бертон. Разговор окончен.

— Я собираюсь в Роузлин, играть Анжелу.

— Сара. У нас и так достаточно дел...

— Я не могу взять на себя ответственность за смерть Анжелы. Я должна увидеть собственными глазами.

— Господи, Сара!

— Я еду.

— Ладно. Ладно, — он раздраженно провел рукой по волосам. — Мы должны узнать, где она живет. Я спрошу друзей. Как ее фамилия?

— На этот раз нам не нужны твои друзья. Я знаю, где она. Последние мои сны были странными, но этот — руководством. Это было реальное место. Смотри, — Сара передала Гарри книгу в кожаном переплете, которую держала. Это был ее дневник снов, тот, который ей подарили родители в тринадцать.

Я никогда не видел ничего более не похожего на Сару. «Он... злоеущий», — подумал Гарри, принимая его.

— Анжела сказала мне, что мы были в Роузлине, где-то под названием Хиллсайд. — Она указала на слово на странице, написанное жирными черными буквами. — И еще я заметила кое-что уголком глаза. Ферма, белое здание. Я думаю, Анжела там живет.

Гарри посмотрел на нее. Она брала руководство в свои руки.

— Ладно. Пошли, — он не был убежден. У него было плохое предчувствие насчет всего этого. Валайя должны быть впутаны в это, в любом случае.

— Сначала мне нужно кое-что сделать, — крикнула Сара, исчезая наверху. Наедине с дневником Сары, он начал листать его. Страница за страницей ужасных видений, детский почерк Сары искаженный от страха и дрожи в руках. Она писала большую часть всего посреди ночи, просыпаясь в ужасе.

Он мог представить ее, лихорадочно записывающую все, что она могла вспомнить, в одиночестве в большом доме. Большинство детей бояться монстра из-под кровати, а Сара видела монстров каждую ночь, и они были настоящими. Ее словно засунули в страшную сказку, и никакой принц не приходил спасать ее. Гарри пробежался по записям... 12 октября 2008 года. За пару дней до ее четырнадцатого дня рождения.

Я знала, что мы были в ботаническом саду, я была тут раньше со школой. Их было двое. Они затащили нас в дыру и накрыли землей, и мы не могли дышать. Другая девчонка погибла первой, а потом я...

Это продолжалось и продолжалось — четыре года страха. Запись была отмечена 14 августом 2010 года. Ей тогда было пятнадцать.

Она плавала в пруду, и я не могла, как следует разглядеть ее, только ее волосы, плавающее в воде. Они были зелеными. Она затащила мужчину под воду и потом вынырнула. У нее были черные зубы. Она попыталась достать меня, но я была слишком далеко от воды, так что она снова спряталась в камышах и стала ждать кого-нибудь еще. Утонувший мужчина вынырнул, и у него не было глаз...

Гарри сглотнул. Даже он не видел такого ужаса, охотясь на другом краю земли. Он мог только представить себе, каково было Саре, такой юной, видеть все это. И потом вставать и поправлять все, до чего она могла дотянуться, скрести и натирать до истощения. Разве ее родители не знали? Кто-нибудь помогал ей? Кого-нибудь это вообще заботило?

Сара пошла в подвал и встала перед дубовым столом. Дневник ее матери был там. Она перелистала его три раза в поисках защитного заклинания, но не смогла найти ничего, кроме простого, которое она знала с детства. Она была в таком отчаянии, что хотела кричать. Защитное заклинание, разве я о многом прошу? Мораг определенно должна была научить маму какому-нибудь стоящему защитному заклинанию. Она, наверное, забыла записать его. Как можно забыть такое? Вдохнув, она начала готовить обычный мешочек. Она не очень верила в то, что это сработает, но не имела ничего другого. Она перетерла немного хвои, чеснока и соли в ступке, положила это все в маленький красный мешочек и крепко сжала его в руках с закрытыми глазами. Затем у нее появилась идея. Она взяла немного розового кварца из собственного защитного мешочка и пересыпала его в мешочек Гарри, чтобы защитить тебя.

— Я завяжу его у тебя на шее. Вот так, три узелка. Так и должно быть.

Гарри почувствовал ее холодные руки на своей коже и закрыл глаза на долю секунды.

— Спасибо.

Они сели в машину и выехали из города, направляясь в Розлин. Сара молча смотрела в окно, наслаждаясь красотой пейзажа. Там был океан травы и вереска, открытый и охваченный морскими ветрами. Они оставляли безоблачные небеса позади, двигаясь к серым тучам. Все выглядело напряженным, замершим в ожидании бури.

— Мы уже недалеко. Я думаю, это за тем холмом... Давай остановимся здесь.

— Мы забыли прихватить что-нибудь для пикника, — пошутил Гарри.

Они припарковались на какой-то окраине. Отсюда не было видно деревню или каких-нибудь значимых зданий. Они были менее, чем в часе езды от Эдинбурга, но все выглядело диким, как на Гебридском острове.

— Сюда, — повела Сара.

Они шли примерно минут двадцать, пока не добрались до большого белого здания с коричневой крышей и большим знаком: Хиллсайд.

Сара указала на знак.

— Про это говорила Анжела.

— Ладно. Значит, мы на месте. Что нам делать? — спросил Гарри.

Не я задаю этот вопрос. Он. Гарри спрашивает меня, что делать. Это было волнующе и немного пугающе.

— Давай сначала осмотримся, а потом постучимся в дверь.

— Я бы сходил за мороженым, а ты? — спросил Гарри, указывая на плакат с надписью «Домашнее мороженое — натуральные яйца».

— Оно открыто только летом, Гарри, — она закатила глаза.

— Оу, ладно.

Они отошли от фермы. Инстинкт Сары вел их вверх по маленькому, круглому холмику. Она обернулась. словно фотография из ее сна.

— Это случилось здесь. — Ее сердце куда-то мчалось. Она все еще видела испуганное лицо Анжелы, ее крики, пока ее затаскивало под землю... Она глубоко вздохнула. Гарри стоял рядом с ней, напряженный, готовый вытащить skin ду.

— Я здесь! — неожиданно крикнула Сара на пределе легких. — Я Сара Миднайт, иди и поймай меня! Иди сюда!

«Она становится сильнее», — подумал Гарри. Как раз вовремя.

Голос Сары эхом пронесся по полям. Ничего не произошло. А затем, другой голос послышался из-под холма.

— Сара? Это ты?

Они оба обернулись одновременно. Девушка, примерно возраста Сары, поднималась вверх на холм. Ее рыжие волосы развевались на ветру.

— Сара Миднайт?

— Анжела! Ты жива!

Анжела недоуменно посмотрела на нее.

— Жива? Да, конечно. Ты в порядке?

— Да, конечно, я в порядке. Это ферма твоей семьи, да? — она указала на белое здание.

— Да. Наша. Все еще наша, да.

— Все еще?

— В любом случае, что ты тут делаешь? — продолжила Анжела.

— Мы... гуляем по холмам. Да. Это мой кузен, Гарри, он только что приехал из Лондона.

— Зайдите на чашку кофе. Мои мама и сестра дома. Помнишь Лорну?

— Да, да, конечно. — Лорна была на два года старше их. Она слепа с рождения. — Вы все в порядке, да?

— Да, конечно, в порядке, почему нет? — засмеялась Анжела.

Сара с Гарри обменялись взглядами. Гарри пожал плечами. Они вместе спустились с холма к Хиллсайду.

— Заходите.

— Анжела, мне нужно с тобой поговорить. Мне нужно сказать тебе кое-что очень важное, — начала Сара, гадая, как бы ей лучше рассказать все.

— Мама, она приехала! — прервала ее Анжела.

Она приехала?

Что-то щелкнуло в мозгу у Сары. Что-то не так. Мама Анжелы вышла в коридор.

— Привет, Сара. Помнишь меня? Может, хочешь чего-нибудь? Чашку чаю? Мороженого? — кажется, она нервничала.

— Сара, — прошептал Гарри.

— Я знаю, — ответила Сара. Что-то очень, очень не так.

— Заходите, проходите в гостиную.

— Вообще-то, нам нужно идти.

— Так скоро? Вы не можете, — Анжела была прямо позади них, блокируя выход.

— Сара, это ты? — Лорна появилась на верхней ступеньке. Ее невидящие глаза были направлены прямо перед собой. Она держалась за перила.

— Лорна? Да, это я, Сара Миднайт.

— Сара, тебе нужно уходить... тебе нужно бежать.

— Лорна! — прикрикнула на нее Анжела. — Не обращайтесь на нее внимания, проходите, садитесь.

— Сара, беги! Послушай меня, беги!

— Лорна! — Анжела взбежала по лестнице и оттолкнула сестру. Они исчезли из поля зрения. Сара слышала их быстрый шепот.

— Нам, правда, нужно идти, — вмешался Гарри, хватая Сару за руку.

— Мне жаль, но вы не можете, — голос мамы Анжелы был почти умоляющим. — Мы теряли все. Нам отчаянно были нужны деньги, когда Лорна в таком состоянии, а мужа больше нет...

— Она здесь, — они услышали Анжелу наверху и мельком увидели, как она говорит по телефону на лестничной площадке.

— Кто это был, Анжела? — спокойно спросил Гарри.

— Кто-то по имени Кэт. Они сказали, что рано или поздно, Сара появится здесь. Нам нужно было лишь заманить ее в дом, — глаза Анжелы были расширенными. — Они оплатили все наши долги... мне так жаль...

— Они собираются убить ее! Как вы могли! — вскрикнула Лорна, появляясь позади нее.

— Кэт? Кэт Макхарг? — потребовал Гарри.

Сара сглотнула.

— Да. Кэт Макхарг. И, конечно, они не собираются ее убивать, просто вернут себе кое-что, что украли ее родители! А потом они отпустят вас, — добавила она, умоляюще глядя на Сару. Она отчаянно пыталась верить в то, что ей сказали, но она начинала понимать, что на кону стояло большее.

— Мои родители ничего не крали, Анжела. Кэт солгала тебе. Лорна права. Они хотят убить меня.

Мама Анжелы начала трясти головой.

— О, Боже, что мы наделали? Этого не может быть!

— Я видела то, что пришло с Кэт... как я вижу что-то до того, как это происходит. Это жуткое создание, оно на холме! Я знала, что они врут. Я знала, что они опасны, я говорила вам! — обезумевши, говорила Лорна.

— Я услышал достаточно, — Гарри взбежал по ступенькам, и прежде чем она смогла сбежать, дотронулся до Анжелы между глаз. Она скатилась с лестницы и упала вниз. Лорна закричала.

— Что ты с ней сделал? — крикнула мать Анжелы, садясь рядом с дочерью.

— Она просто спит. Так же, как и вы, — сказал он, спускаясь по лестнице и прикасаясь к женщине между глаз. Анжела и ее мать лежали друг на друге на каменном полу.

— И скажи спасибо за то, что у меня нет времени преподать тебе урок, — добавил Гарри, и Сара вздрогнула. Он был серьезен.

— Что происходит? Что ты делаешь? — Лорна медленно спускалась по лестнице, ее глаза расширенные от страха

— Все в порядке, Лорна. Я усыпил их. Они проснутся через несколько часов. Теперь закройся здесь и никого не впускай, слышишь меня? Особенно Кэт Макхарг. Нам нужно идти.

— Оно на холме, Сара, не ходи туда! — услышали они крик Лорны, выбегая на улицу, ее отчаянный голос утихал вдали.

— Коровы, — прошептала Сара.

— Я знал, что это Валайя!

— Я должна была помочь Анжеле.

— Ты должна стать тверже — вот что ты должна сделать. Никаких больше трюков. Никакой помощи людям из снов, ты меня поняла?

— Пойдем, — Сара продолжала идти, ее щеки заалели. Я бы сделала это снова.

Едва они сделали шаг к холму, как демон ответил на призыв Кэт. Рука вылезла прямо из вереска перед ними. Затем еще одна. Затем голова.

Сара начала дрожать. Сжала руки.

— Гарри...

— Я здесь. Я здесь, — скин ду Гарри был наготове.

Я никогда к этому не привыкну. Как мои родители занимались этим так долго? Как они не сошли с ума?

Сара увидела, что у демона не было зрачков. Его глаза были совершенно белыми. Он был слепым, как Лорна. Демон выбрался, пошатываясь, а потом нашел равновесие.

— Кто ты? — спросила Сара.

— Что ты делаешь? — Гарри был в шоке. Она разговаривала с чудовищем!

Демон тоже был в шоке. Он не ожидал, что с ним заговорят.

— Кэт... Земля, — сказал он хрипло. *«Оно может говорить!»* — подумал Гарри. Наверное, это что-то между Фералом и Высшим... что-то вроде связующего звена.

— Ты демон Кэт и ты вышел из земли, — повторила Сара.

Демон поднял голову и потянул носом воздух.

— Да.

— Она сказала тебе убить меня.

— Приведи Миднайт.

— Не убей?

Он был слишком умным для земляного демона. Демон бросился на нее, и она думала, что легко сможет уклониться, потому что он был слепым, но он как-то предугадал ее движение и запрыгнул на нее. Они упали на вереск, и из Сары выбило дух.

— Назад земля, — прохрипело существо. Гарри уже был на нем соскин ду в руке, готовый чертить руны, которые остановят демона.

— Подожди! Гарри, подожди! — закричала Сара. — Назад земля. Тебе нужно возвращаться назад в землю. Тебе не обязательно это делать, — она отчаянно пыталась избежать смерти на этот раз.

— Сара, ради Бога! — прокричал Гарри, и его заклинание развеялось. Демон замер. На секунду.

А потом было слишком поздно. Оно вонзило зубы в Сару, и она взвыла от боли. Гарри бросился на демона, снова и снова бил его ножом в спину. Но это, кажется, не останавливало его. Он освободился, стряхнув Гарри.

Гарри упал на спину, а Сара лежала на земле, держась за поврежденную руку. Демон

вырвал целый кусок плоти из ее плеча, и ее куртка пропиталась кровью.

С огромным усилием Гарри собрал остатки концентрации и снова начал чертить свои тайные символы, бормоча себе под нос. Земляной демон споткнулся, но не упал, он снова напал на Сару. Она всхлипнула и подняла свои окровавленные руки, чувствуя, как они нагреваются. Демон снова собирался ее укусить.

— Нет! — закричала она и схватила его лицо. Демон погрузил клыки в ее руку, но при контакте с Сарой его кожа начала течь. Всего одно мгновение контакта с ее руками и демон превратится в воду. Сара пыталась не шевелиться, пока зубы чудовища разрывали ее плоть... еще секунда, всего секунда... но она больше не могла выносить эту боль. Она закусила руку, чтобы не закричать, извиваясь в агонии.

Гарри больше не мог выносить этого. Он не мог смотреть на ее страдания. Он закрыл глаза и его движения стали резче, агрессивнее. Земляной демон взвыл и отпустил Сару. Она свернулась клубочком, прижимая к себе руку и дрожа от боли.

Скин ду Гарри жил собственной жизнью, и его шепот превратился в слова, тайные слова, которые Саре никогда прежде не доводилось слышать. Демон вздрогнул, и красное пятно появилось на его груди — кровоточащая рана. Но он оставался на ногах и чудовищным усилием бросился на Гарри, хватая его за плечи. Скин ду упал на траву. Гарри и земляной демон сплелись вместе, и демон начал просачиваться сквозь землю, пытаясь затащить Гарри за собой.

Но Сара уже встала на ноги и была рядом с ними. Вид Гарри, проваливающегося под землю, наполнил ее слепым ужасом. Она закричала изо всей силы. Ноги Гарри уже исчезли под землей. Его лицо было почти таким же бледным, как и у чудовища. Сара схватила земляного демона за волосы. Она почувствовала, как Темная вода наполняет ее, двигается из головы по груди, к рукам и вниз к ладоням. Кожа демона снова начала течь.

Демон взвыл от боли и отпустил Гарри. Собирая все свои силы, демон затащил себя под землю, исчезая из поля зрения.

— Гарри! — Сара схватила его здоровой рукой, отчаянно вытаскивая.

— Оно ушло! Та чертова штука ушла! — Гарри тяжело дышал и был покрыт грязью с ног до головы.

— Он где-то под нами. Он вернется...

— Мы должны вызвать его. Мы должны уничтожить его.

— Но как?

И в тот момент глухой стук раздался со стороны фермы. Дверь открылась с такой силой, что ее сняло с петель. Все случилось в одно мгновение: земляной демон появился в дверном проеме, он что-то тащил за собой — тело. Рыжеволосую девушку.

Анжелу, все еще без сознания.

— Нет, — прошептала Сара.

Как только демон ступил на землю, он начал проваливаться, таща Анжелу за собой. Все произошло так быстро, так тихо, что Гарри с Сарой не могли пошевелиться, не могли закричать.

Руки Анжелы задержались на поверхности на несколько секунд. Сара пришла в себя и побежала к ней. Ей удалось ухватиться за них на мгновение, прежде чем они тоже исчезли. Сара начала копать землю голыми руками, всхлипывая и выкрикивая имя Анжелы. Гарри оттащил ее и крепко держал.

— Сара. Сара. Посмотри на меня.

— Анжела! Анжела!

— Сара! Послушай! — Гарри взял ее за плечи и грубо встряхнул. — Оно вернется. Ты понимаешь? Оно вернется за нами. Мы должны быть готовы.

— Да. Да.

— Вставай. Давай.

Они встали, держась друг за друга. Раненное плечо и рука Сары истекали кровью. Ее трясло от шока и боли.

— Оно идет. Чувствуешь? — прошептал Гарри. Земля под ними начала вибрировать.

— Да. Я готова, — Сара подняла руки.

А затем он появился. Руки демона появились из земли, извиваясь, пытаясь схватить их лодыжки.

— Хватай его за руки, я тебя держу! — Гарри хватил Сару за талию, так что если ее начнут тащить, придется бороться с обоими. Сара схватилась за холодные, белые пальцы. Низкое рычание раздалось из-под земли, приглушенное почвой. Кожа демона начала плавиться.

Появилась копна черных волос и два слепых глаза, уставившихся на них. Демон попытался вылезть из земли, но Сара сжимала его руку, причиняя ему боль, сжигая его. Еще один рев, и Сара ответила криком собственной ярости, ухватившись за руки демона, словно львица за свою добычу. Через несколько секунд, все, что осталось от демона, была лужица черной и красной жидкости на траве.

Сара не проронила ни слова, пока они ехали домой. Она была неподвижной и тихой. Гарри промыл ее раны и перемотал их. Он помог ей вымыться, переодеться и сделал сладкого чая, чтобы справиться с шоком. Он обнимал ее, он говорил с ней, он гладил ее по волосам. Ничего. Она не двигалась, она не говорила.

А затем, внезапно, она поднялась с дивана, где Гарри устроил ее, и пошла наверх, в комнату родителей.

Без предупреждения, не говоря ни слова, она начала крушить все вокруг с такой яростью, которой он никогда не видел ни у кого, кроме себя. Тень испуганно смотрела, но была слишком преданной, чтобы уйти. Гарри чувствовал, что очень, очень неправильно было бы остановить ее. Он стоял в стороне, смотрел, чтобы она не навредила себе.

Сара бросала все на пол, все бутылочки с духами с туалетного столика мамы, все их фотографии. Она сломала все, что могла. Она открывала шкафчики и вытаскивала все, она срывала картины со стен и выбрасывала их в окно. Она схватила стул и бросила его в мамино зеркало, разбивая его на тысячи осколков.

Затем, Сара побежала на кухню. Ее дневник снов, ее книга страхов, все еще была на столе. Черная, огромная, полная кошмаров.

Я ненавижу ее.

Она схватила ее и понесла в гостиную. Она быстро зажгла огонь и присела у пламени. Она начала вырывать страницы из дневника и бросать их в огонь одну за другой. Гарри смотрел на нее, обезумевший, но все еще хранящий молчание. Он видел свежую, красную кровь на повязке Сары.

Вскоре от дневника осталась лишь кожаная обложка с ее именем, написанным серебристыми буквами. Дневник снов, который подарили ей родители, который они использовали как какое-то идиотское руководство. Свидетельство четырех лет ее ужаса исчезло.

Ее родители знали, что им грозила опасность, она всегда им грозила, но в те последние месяцы — особенно. Но они все же не научили ее ничему, что помогло бы ей выжить. Они были слишком заняты охотой, чтобы рассказать ей, что происходит, подготовить к тому, что грядет. Они не думали о том, что должны научить ее, показать ей, сделать ее сильной? Им было наплевать?

Закопать дневник с заклинаниями в саду. Слишком мало, слишком поздно. Анна могла бы дать Саре единственное, что ей было нужно взамен — время. У них никогда не было на нее времени. Кроме как, когда у нее был сон, и им нужно было узнать, что она видела. Они никогда не видели ее, они никогда не смотрели. Анна однажды сказала, что заклинания слишком опасны, и она не была готова научиться им — и подвергла ее еще большей опасности, ничему не научив.

Сара вздохнула, внезапно опустошенная. Огонь поглотил дневник. От него осталась лишь кучка пепла в камине. Кожаная обложка превратилась в пустую оболочку.

Она встала, бледная, словно луна.

Она была свободна.

Она схватила пустую обложку и вышла из дома.

— Сара, — Гарри последовал за ней. Она выглядела спокойной, но он не думал, что пора оставлять ее одну. Они спустились с холма к Кросс-стрит и мимо железнодорожного моста.

— Что ты делаешь? — прошептал Гарри. Сара не ответила, но прошла под железной аркой в небольшой парк. Внезапно Гарри понял, что она собиралась сделать. Он шел за ней всю дорогу — по траве и дальше по склону, ведущему к реке. Он смотрел, как она бросает кожаную обложку в воду изо всех сил, чтобы она не застряла в камышах. Она очертила дугу в воздухе и упала в реку с легким всплеском.

Сара стояла очень близко к Гарри и взяла его за руку, не глядя, не говоря ни слова. Он крепко держал ее за руку, и они смотрели как то, что осталось от дневника, тонет в темной воде.

Намного позже, Сара решила, что грудь Гарри — единственное место, где она может находиться, и позволила ему обнимать себя всю ночь до рассвета. Он лежал неподвижно, боясь даже дышать, боясь, что все это слишком много для него. Он очертил ее профиль взглядом, желая, чтобы его глаза смогли коснуться ее прекрасного лица, изгиба ее груди, ее бедер, нежного пейзажа ее тела. Он прижимал ее раненную руку к своей груди.

Я не твой кузен. Я не Миднайт. Я не один из твоей проклятой семейки.

— Я едва ли старше тебя. И я люблю тебя, — прошептал он, когда был уверен, что она спит.

Только Тень, хранитель их секретов, услышала его.

Сара проснулась опустошенной, но чувствовала, будто огромный груз сдвинули с ее груди. Она открыла глаза, и первым, что увидела, было плечо Гарри. Она свернулась на нем калачиком, их конечности были переплетены, словно принадлежали одному телу, ее волосы рассыпались по нему, словно водоросли на скале.

Ей нужно было вставать, она знала, но еще на один момент, один момент она хотела остаться с ним.

— Осталось три, — тихо сказала она ему на ухо. Он проснулся от ее теплого дыхания на своей шее и вздрогнул, заставляя себя лежать неподвижно, борясь с желанием повернуться и обнять ее. Через несколько секунд пытки, нескольких секунд ее утреннего запаха и чувства

ее волос на его руке, она ушла.

Глава 26. В моей крови

*Если я стану огнем,
То знаю, что сгорит первым.*

Сара нежно освободилась из объятий Гарри, думая, что он еще спит, и на цыпочках подошла к окну.

Она тихо открыла его и впустила свежий воздух. Сара стояла и глубоко дышала с закрытыми глазами. В ее груди больше не было тяжести, она больше не чувствовала того жуткого веса на легких, который перекрывал ей доступ воздуха. Ей больше не приходилось отчаянно пытаться вдохнуть, и быть уверенной, что она задохнется.

Она ужасно себя чувствовала после того, как разрушила комнату родителей, и даже хуже из-за того, что сожгла дневник, но она, наконец, могла дышать. Ярость, которая давила на нее с тех пор, как умерли родители — нет, которая давила на нее уже многие годы — эта пылающая, горькая, тайная ярость, которую она чувствовала каждый раз, когда они оставляли ее одну — ушла.

Гарри проследил за ней взглядом, когда она встала. Изящество и красота ее тела были словно ударом в его сердце.

— Доброе утро, — прошептал он.

Сара внезапно осознала, какой это был глубоко интимный момент, и скрестила руки на груди. Она хотела одеться. Она хотела, чтобы он встал с ее кровати. Она не была готова.

— Я сделаю тебе чашку кофе, — она схватила джемпер и завернулась в него.

— Спасибо. Как твое плечо? И рука?

— Кровоточат.

— Мне жаль.

— Все нормально, Гарри. Я вернусь через минуту, — она пошла к двери и обернулась. — Я должна кое-что сделать сегодня утром.

— Пожалуйста, не начинай уборку, Сара. Я не могу видеть тебя такой.

— Нет, не буду. В смысле, рано или поздно мне придется навести порядок в комнате родителей. Но сегодня мне нужно сделать не это.

— Я уберусь в комнате твоих родителей за тебя.

Сара подумала об этом минуту.

— Спасибо.

Сара приготовила кофе, пошла в подвал и закрыла за собой дверь. Она встала перед вещами мамы и осмотрела их с сосредоточенным видом на лице. Она собиралась изучить дневник Анны и понять все, что ее мать не сказала ей или не записала.

Она глубоко и свободно вдохнула и села за стол с дневником в руках. Она начала читать все заклинания, написанные Анной, одно за другим, изучая заклинания, произнося их. После странного опыта с сапфирами, она знала, что заклинания могут работать по-разному. Некоторые из них были очень страшными и даже требовали человеческой крови для проведения, и это заставило ее подумать о том, что предположительно делали ее предки в древние времена. *«Или не такие уж и древние»*, — подумала она с дрожью. Грозные женщины Миднайт. Хотелось бы, чтобы у нее было больше времени узнать ее. Мораг умерла, когда Саре было семь. Утонула, споткнувшись и упав в море в туманную ночь, у них дома на Айле.

Я должна отправиться на Айлу. Когда все это будет закончено, я туда поеду.

Они ездили в их величественный дом на Айле, который принадлежал Миднайтам испокон веков, так часто, как только могли. Сара обожала туда ездить, ей нравился запах моря и соленый ветер в волосах. В детстве она мечтала жить на Айле, каждый день сидеть на пляже и слушать море. Они не ездили туда уже два года. Родители говорили, что это потому, что дом нуждался в ремонте, но она подозревала, что это, потому что Валайя охотились на них.

Сара подумала об огромной библиотеке своих прадедов — бесконечные полки книг от пола до потолка. Может, она найдет там какую-нибудь помощь. Может, найдет магические знания, в которых нуждалась, больше узнает о мире демонов, о Мейриде — тете, о которой она даже не подозревала.

Сара напряженно работала в течение нескольких часов. Спустя некоторое время, Гарри просунул голову в дверь.

— Мне нужно ненадолго отлучиться, но я не могу оставить тебя тут одну. Может, ты поедешь со мной? Это ненадолго, а потом ты снова сможешь вернуться к заклинаниям.

— Конечно, — ей правда не очень хотелось останавливаться, но она знала, что это может быть что-то важное, иначе он бы не попросил.

— Прости, это просто моя страсть к индийской кухне. Мне срочно нужно поесть баранины бирьяни. Это не долго.

— Что? Ты оторвал меня от работы, потому что тебе хочется баранины бирьяни?

— Просто поднимаю тебе настроение.

— Надеюсь, — проворчала она.

— На самом деле мне нужно в Старбакс.

— Гарри, предупреждаю тебя...

— Ладно, ладно, прости. Мы собираемся в Бритиш хоум сторз, я позже расскажу зачем. Но, знаешь, все равно нужно заскочить в Старбакс. За фисташковым латте?

— Как ты... О, даже спрашивать не буду.

Гарри улыбнулся одной из своих улыбок, показывающей его ямочки.

Они сели в машину.

— Не могу дождаться, когда получу права.

— Можешь брать родительский Лэнд Ровер. Отличная машина, очень мощная.

Сара нахмурилась.

— Нет, я ненавижу его, — сказала она горячо. Гарри не стал спрашивать детали. Он почувствовал, что с этой машиной связаны какие-то плохие воспоминание и не хотел ее расстраивать.

— Можешь брать мою, если хочешь.

— Спасибо. Кстати, Шивон хотела взять пару уроков вождения.

Гарри засмеялся.

— Я не удивлен! Я видел, как она смотрела на меня. Ни стыда, ни совести у этой девчонки нет...

— Многие парни захотели бы быть на твоём месте. Она очень популярная.

— Не удивительно, она очень красивая, — признал Гарри.

Сара похолодела.

— Ты, правда, так думаешь? — она решительно смотрела в окно.

— Нет, — засмеялся он. — В смысле, да, но она слишком... розовая и сияющая для

меня. А еще она блондинка.

— Точно. И... какой была Мэри-Энн?

— Она была классной.

— И все?

— Ну, она была сильной. И веселой. Я заботился о ней, мы были хорошими друзьями. В любом случае, скажи Шивон, что я преподаю уроки вождения только тебе, — добавил он, подмигивая ей и меняя тему разговора.

— Мне будет восемнадцать. Тебе больше не нужно будет со мной жить.

Улыбка Гарри угасла. Сара поняла, что только что сказала.

— Конечно, — сказал Гарри, стараясь, чтобы его голос звучал бодро.

«Останься», — хотела она сказать. Но почему бы ему этого хотеть?

Она посмотрела на Гарри из-под опущенных ресниц. На его лице невозможно было ничего прочесть, его ясные глаза были сосредоточены на дороге.

Они молчали всю оставшуюся часть поездки.

— Можешь подождать меня снаружи? — спросил Гарри, когда они собирались войти в магазин.

— Конечно, — Сара прогулялась туда-обратно, заглядывая в витрины магазинов, и через двадцать минут Гарри вернулся с пакетом из Бритиш хоум сторз, который шелестел при ходьбе.

— Что это?

Не важно. Так что насчет латте?

— Ладно, — она знала, что ей нужно возвращаться к работе, но ей нравилась мысль спокойно посидеть немного с Гарри.

Они уселись на коричневые диванчики. Гарри закрыл глаза.

— Господи, я ни секунды не спал. На случай, если ты снова выйдешь из себя.

Я не мог расслабиться, лежа рядом с тобой, я не доверял самому себе.

— Прости.

— Все нормально. Это было ужасно, — он нежно коснулся ее раненного плеча.

— Да. Это первый раз, когда меня по-настоящему ранили. Мои родители часто возвращались домой с ранениями, но хорошо их скрывали. Отец когда-то рассказал мне, что у нашего дедушки однажды были сломаны обе ноги.

— Да, я слышал об этом, — солгал он.

— Это было ужасно. Когда он укусил меня.

— Я заметил.

Сара полуулыбнулась. Удивительно, что он мог шутить о чем-то, что приносило ей такую боль, и все-таки заставлял ее улыбаться.

— По крайней мере, я жива, — сказала она, вздрогнув при воспоминании о том, что случилось с Анжелой.

Гарри угадал ее мысли.

— Она была на их стороне, — сказал он холодно. Сара ожидала от него что-то подобное.

— Ее обманули.

— Они больше не будут с тобой больше связываться, это уж точно. Пойдем?

Сара посмотрела на Гарри и его холодные глаза, задаваясь вопросом, как кто-то может быть одновременно таким опасным и таким добрым.

— Иди и посмотри...

Сара вошла в комнату родителей. Одежда была сложена, тысяча осколков битого стекла убраны, разбитое зеркало накрыто. Глаза Сары упали на туалетный столик. Фотографии вернулись на свои места. Гарри заменил сломанные рамки.

Так вот зачем он ходил в Бритиш хоум сторз.

Она осмотрела фотографии. Свадьба Анны и Джеймса. Маленькая Сара на пляже. Серьезные Мораг и Хэмиш Миднайт стоят перед особняком на Айле, снова фотография Сары с виолончелью, после концерта в Куинс-холле.

— Спасибо, — пробормотала она, не в силах сказать ничего больше.

Пора. Пора поцеловать ее.

Я не могу.

Она взяла его за руки и им больше не нужны были слова.

Гарри был в своей комнате, стоял перед открытым окном. Ночь была темной и тихой, даже успокаивающей. Он готовился сдержать обещание.

Он поднял руку и сделал быстрое движение пальцами.

Где-то там, Шейла Дуглас уснула. Она как раз ехала по дороге из клиники.

Гарри этого не знал, но это был акт милосердия, потому что огонь уже начинал гореть в ее голове.

Глава 27. Белый лебедь

Ты рассказал мне значение жертвы.

Горькое утешение

Твоей потери.

Кастельмонте

Элоди

Каждый день я должна напоминать себе, зачем делаю это, зачем согласилась быть отосланной сюда. Зачем, зачем каждый день красные крыши Кастельмонте появляются в моем окне в ванной, если Гарри пытался убедить меня, что скоро мы увидимся, и я отправилась без колебания.

Я знала, что Гарри мертв. Он уже был мертв, когда я уехала, он все еще ходил, говорил и дышал, но уже был мертв.

Я должна защитить Аико. Других наследников тоже могут прислать сюда, и я позабочусь и о них. Но находиться здесь, вдалеке от сражения, ждать, пока они за нами явятся... это как медленная пытка. Как быть привязанной к стулу, пока все вокруг тебя борются и умирают, а ты каким-то мистическим образом, спасаешься.

Гарри умер, а я спаслась.

Хотела бы я, чтобы все было наоборот.

Кастельмонте прекрасен в осеннем свете. Солнце продолжает светить, даже если лето давно прошло. Люди здесь живут медленно, ходя от своих домов в маленькие продуктовые магазинчики, бары, где мужчины играют в карты и пьют красное вино, и виноградные сады. Гарри бы понравилась эта идеальная жизнь.

Мы говорили о том, чтобы осесть, завести детей. Однажды. Я смотрела на мальчиков и девочек с оливковой кожей, бегающих по деревенской площади, и представляла маленького светловолосого мальчика с глазами Миднайтов, бегающего вместе с ними.

Но этого никогда не будет, потому что Гарри не вернется.

Вдовы должны быть старыми, правильно? Они должны быть старыми дамами, одетыми в кардиганы и твидовые юбки и собираться вместе на чашку чая. У них должны быть вязанные сумочки и очки для чтения.

Взгляните на меня. В зеркале в моей комнате — мансарде с окном, обрамляющим вид на Альпы — отражается молодая девушка в джинсах, курточке и кедах, длинные светлые волосы вокруг усталого лица и глаза полные печали. Я чувствую себя вдовой, но не выгляжу ею.

Это потому что я не должна быть ею. Это была ошибка, ужасная ошибка. Шутка судьбы.

Марина Фризон примерно моего возраста, и собирается выйти замуж. Так и должно быть. У нее добрая улыбка и заразительный смех, и она ведет себя как человек, никогда не знавший страданий. Из нее выйдет хорошая жена и отличная мать. Компания Марины наполняет мои дни. Ее разговоры и смех заставляют все выглядеть немного не таким темным и немного менее безнадежным. Аико обожает ее, а я обожаю их обоих.

Аико — маленькая для своего возраста. Ей три, но вы можете подумать, что ей едва исполнилось два — крошечная, с шелковистыми черными волосами, глазами миндалевидной формы и пухлыми ручонками. Она слишком маленькая, чтобы полностью осознать, что случилось, что вся ее семья уничтожена и что она никогда больше не увидит

своих родителей. Но, все же, в ней есть что-то серьезное, даже мудрое. Что-то глубокое и знающее в ее глазах, воспоминание о грусти, о потере.

Марина и Аико создали такой любящий союз, что за ними тяжело наблюдать, когда ты окружена смертью и опасностью. Аико думает, что Фризоны — ее семья, и Марина ведет себя с ней как с дочерью. Я наблюдаю за ними, свернувшись в клубочек в кресле-качалке, и боюсь за них, так боюсь.

Марина с тревогой смотрела на меня, и горе в моих глазах ранило ее. В один день я просто ей рассказала. Что мой муж мертв, что любовь всей моей жизни мертва. Что я никогда не смогу полюбить снова.

— Ты этого не знаешь, — сказала она с итальянским акцентом, как бы нараспев, укачивая Аико на руках. — Это известно лишь небесам, — добавила она, перефразируя одно известное выражение у них здесь, в горах: Наши жизни в руках небес.

На следующий день, Марина принесла домой гранат из магазина. Она разрезала его напополам и ложкой выскребла немного кроваво-красных семян.

— Возьми. Это полезно для тебя, — она передала мне ложку, и я попробовала ароматный, слегка кисловатый гранат.

— А сейчас... — она посмотрела на меня знающими глазами, и собрала остатки граната. Она выбросила их в дровяную печь и закрыла створку. Я понятия не имела, что она делала.

Через несколько минут, она открыла дверцу и сунула в огонь щипцы. Она схватила что-то щипцами и осторожно вытащила. Это был гранат — совершенный, нетронутый, словно он никогда и не был в огне.

— Ты полюбишь снова, — сказала она и накрыла мою ладонь своей сильной, загорелой рукой.

Я, конечно, не поверила ей. Но я была рада услышать слова надежды, словно моя жизнь не была закончена, словно для меня все еще было будущее.

Глава 28. Тени

Земля крутится.

Рождаются звезды

И разбиваются миллионы сердец.

Поднимаясь по ступенькам в квартиру Джона Бертона в Крэйгмиллере холодным осенним утром, вы можете легко забыть, каким прекрасным бывает Эдинбург.

Ничего прекрасного не было в этом квартале и этих темных, грязных ступеньках. Из окна на каждом лестничном пролете Сара видела десятки таких же серых зданий, между ними были пятна редкой травы. Она задавалась вопросом, какую бы жизнь прожила, если бы родилась здесь. И все-таки, это лучше, чем проклятие снов, это точно, но здесь трудно существовать.

Она подумала о своем прекрасном доме из песчаника и дубах в саду. Жизнь может быть такой несправедливой, а судьба — лотереей удачи. Она посмотрела на стены, исписанные граффити, и отчаянно захотела домой. Если бы она выросла в каком-нибудь имении, ей бы пришлось волноваться о других демонах.

Гарри и Сара поднялись на третий этаж — Сара к этому времени уже тяжело дышала, а Гарри пробежал всю дорогу и даже не запыхался. Он постучал в выцветшую голубую дверь. Железная цифра была оторвана, от нее остался лишь сероватый силуэт девятки.

Усталая женщина открыла дверь. У нее были поразительные карие глаза и изнеможенное лицо. Она выглядела старше своих лет, глубокие морщины пролегали у нее на лбу и вокруг глаз.

— Меня зовут Гарри Миднайт. Я ищу Джона Бертона.

— Его здесь нет, — голос женщины звучал так, словно она выкуривала несколько пачек в день.

— Мы можем подождать.

— Он не вернется. Он переехал.

Гарри знал, что она врала. Майк проверил камеры видеонаблюдения вокруг этого дома. Джон был здесь чуть раньше этим утром. Прямо в этот момент они услышали, как хлопнула входная дверь. Они посмотрели вниз на три лестничных пролета. Мужчина поднимался.

— Лаура? — он мельком увидел, что она стояла на грязной площадке.

— Джон, уходи! Они здесь! — прокричала женщина.

Мужчина застыл и снова начал бежать вниз по лестнице. Гарри бросился за ним, оставляя Сару стоять на площадке рядом с побледневшей женщиной.

— У нас ничего нет, понятно! Мы не можем заплатить! — крикнула женщина Саре, ее лицо исказилось от страданий.

— Мы не... мы не хотим денег, — быстро сказала Сара. Ей было отчаянно жаль ее, но у нее было времени объяснять. Она побежала за Гарри. Как только она вышла из здания, тут же увидела лежащего на земле Джона, и Гарри, сидящего у него на груди. Ручеек крови бежал из носа Джона. Сара почувствовала тошноту.

— Где он? Где, черт возьми, твой демон?

— Я годами работал над этим. Ты не вытащишь из меня ни слова.

Сара заметила, каким он был худым, и какой желтой выглядела его кожа в свете дня.

— О, я не буду говорить, Джон. Через минуту я перейду на что-нибудь другое.

— Гарри! Кто-то вызовет полицию! — Сара указала на сотни окон в высоких домах вокруг них, смотрящих вниз, словно пустые глазницы. Гарри схватил Джона за грудь и поднял его.

— Ты не понимаешь. Я должен выбраться из этой дыры.

— Правильно. Ты изучал черную магию и призывал демонов, чтобы выбраться отсюда. Очень разумно, — выплюнул Гарри.

— У меня не было выбора.

— Не было выбора, кроме как присоединиться к Валайя? Ты с ума сошел? — воскликнул Гарри. А затем он резко остановился.

Он заметил его налитые кровью глаза, трясущиеся руки, кожу, свисающую со скул. Синяки на руках, странно вытянутое лицо.

Героин по-новому очертил его лицо и завладел Джоном.

Вот за что он пытался заплатить. Это смертоноснее Суари, но убивает намного медленнее.

Сара посмотрела в обеспокоенные глаза Джона. Она тоже видела, что он выбрал для себя медленную, болезненную смерть, и что его жизнь не стоит того, чтобы жить. Но для него есть выход. В отличие от меня, у него есть выбор.

— Мне жаль, — неожиданно сказала она. — Ты не должен так жить, — Сара положила руку на его плечо. Гарри пришлось остановить себя от того, чтобы не оттащить ее от Джона. Он ненавидел, что она прикасается к этому жалкому, сломанному человеку. Он думал, что Джон не заслуживает ее симпатии. Он думал, что он сам виноват в своих бедах. Он представить себе не мог, какими искусными были люди, охотящиеся на Джона, давшие ему проклятие — они укусят однажды, и ты потерян навсегда. Гарри не мог знать как просто, как быстро было для Джона упасть в пропасть и как болезненно выкарабкиваться из нее, снова и снова, но никогда не достигать успеха. Когда-то он был молодым человеком с работой и девушкой, а на следующий день стал ходячим мертвецом. Ему удалось сохранить работу и квартиру, превратив свою зависимость в режим, побеждая свою постоянную боль. Но ненадолго. Героин брал верх. Он думал, что Кэтрин Холлоу предлагала ему спасение, но он не понимал, что это значило стать убийцей. Неправильный выбор за неправильным выбором, он понял, что продал свою душу.

Джон Бертон не был похож на остальных членов Валайя. Не в глубине души.

Он посмотрел Саре в глаза, впервые. На секунду он выглядел, как маленький мальчик.

— Слишком поздно. Я не могу контролировать демона, я не могу отозвать его.

Сара медленно кивнула, ее надежда на избежание еще одной битвы разбилась вдребезги.

— Мне жаль, — теперь пришла его очередь это говорить.

— Если я выживу, то найду вас, обещаю. Я помогу, — прошептала она.

Джон покачал головой.

— Ты не выживешь. — Отчаяние завладело им, и от него ничего не осталось. Он знал, что его душа потеряна.

Сара и Гарри пошли к машине молча. Его демон скоро заберет его.

— Бедный мужчина. И его девушка тоже.

— Да, конечно. Что насчет бедных нас? — голос Гарри был стальным.

— Мы, по крайней мере, не делали этого с собой. Мы не рушили собственные жизни.

Гарри внезапно остановился. Он увидел что-то уголком глаза. Что-то, чего не должно

быть здесь.

— Сара.

— Да?

— Я думаю, демон здесь.

— Где?

Гарри взял ее за руку и осторожно повернул к одному из серых домов вокруг них.

— Наверху, — прошептал он. Сара сжала его руку. Она могла чувствовать биение его сердца, поток крови через тонкую кожу его запястья. Она проследила за его взглядом к зданию рядом с ними: первый этаж — балкон со сломанным стулом, второй этаж — белье, оставленное на веревке, третий этаж — пустой балкон, но на белой стене тень.

Тень без тела.

Сара сглотнула и сильнее сжала руку Гарри. Они оба застыли, не уверенные, что делать. Как убить тень?

Прямо в этот момент молодой человек, одетый в спортивный костюм и бейсболку, проходил мимо. Он шел быстро, пытаясь быть дерзким. Он был худым и бледным, как Джон.

Тень прыгнула с балкона и приземлилась прямо перед ним.

— Какого черта...?

— Беги! — попытался прокричать Гарри, но парень стоял как вкопанный, охваченный ужасом и удивлением. Гарри и Сара были всего в нескольких ярдах от него, но не смогли успеть вовремя.

Тень вошла в него, и его не стало.

Просто так. Быстро и без драматизма. Никакой мольбы, никакой крови, никаких предсмертных криков. Даже вздоха не было.

Тень забрала его, и ничего не осталось.

Почти ничего. Черная лужица осталась на тротуаре. Лужица начала двигаться и принимать форму. Она задрожала, а потом поднялась. Это не была жидкость. Это была сама тень. Тень человека в бейсболке.

Словно в юмористической пантомиме, заново созданная тень посмотрела на свои руки, вниз на ноги и, казалось, скорчилась от отчаяния. Она начала бегать вокруг, словно прося помощи, и исчезла из вида. Гарри и Сара в ужасе наблюдали.

— Ну, это что-то другое, — пробормотал Гарри. Сара накрыла рот ладонью. Казалось, она еще никогда не была так шокирована за всю свою жизнь.

Демон-тень направился к ним. Это было, словно он решил показать им, что он может делать, и теперь наступила их очередь. Сара подняла руки и почувствовала, как они горят. Гарри вытащил свой скин ду и начал шептать.

Тень побежала к ним. Сара размяла руки, готовясь. Внезапно она почувствовала, как кто-то схватил ее за плечи и бросил на землю. Жилистая девушка, толкая ее в лицо и грудь, прижимала Сару к земле. Девушка Джона?

Женщина застала Сару врасплох, и она пыталась освободиться, когда Гарри пошел к ним со своим скин ду.

— Гарри, нет! — взмолилась Сара, пытаясь вскочить обратно на ноги. Мы не можем убивать людей. Но Гарри не это хотел сделать. Он поднял скин ду и начал чертить символы в воздухе. Лаура упала и придавила Сару своим весом.

К тому времени тень уже настигла их и Сара видела ее темное очертание прямо перед собой. Она все еще лежала на асфальте, бесчувственное тело Лауры давило на нее. Гарри

схватил Лауру и грубо оттолкнул в сторону, чтобы Саре удалось выскользнуть из-под нее, хватаясь за руки Гарри так быстро, как только могла.

Было почти слишком поздно.

Тень была прямо перед ними, протягивая руки к ним обоим. Через долю секунды Сара с Гарри и сами превратятся в тени, навсегда обреченные на полужизнь в сером мире... но когда тень уже собиралась коснуться их, что-то отвлекло ее и заставило обернуться. Кто-то привлекал ее внимание. Это был Джон. Он стоит позади них, и чертил символы в воздухе обеими руками. Это было чем-то вроде призыва, и она оба видели, что тень отвечала. Но это не был приказ атаковать Сару, как они подумали. Это было что-то совершенно другое.

Джон позволил рукам упасть по швам, и тень подошла к нему. Он стоял с закрытыми глазами, отчаянно желая этого. Он вздохнул, когда тень поглотила его, и это был вздох облегчения.

«Джон попросил ее это сделать», — в ужасе подумала Сара.

Тень демона снова обернулась, но Сара была готова. Ее руки горели до боли, и ей оставалось только протянуть их к призрачному существу и смотреть, как черный силуэт превращается в жидкость и со всплеском падает на землю. Рядом с ней — еще одно темное пятно — тень Джона, медленно обретающая форму. Глаза Сары наполнились слезами, когда она увидела, как Джон поднимается и осматривает меня.

То, что осталось от Джона нетвердо стояло перед ними, а потом пошло присесть рядом со своей девушкой. Но она медленно открывала глаза, а он не хотел, чтобы его увидели. Он убежал, прежде чем она увидит, что с ним стало.

Сара смотрела, как бестелесная тень исчезает за обшарпанной травой, автомобильным мостом и на дороге, где машина за машиной проезжали сквозь него, не причиняя никакого вреда, даже не касаясь его.

«Он никогда не умрет», — подумала Сара и вздрогнула.

— Что случилось? Где Джон? Почему вы все еще живы? — Лаура пыталась встать.

Сара не могла ответить. Как она могла рассказать, что случилось с Джоном? Прежде чем Сара смогла собраться с мыслями, Гарри, словно вспышка, бросился на Лауру. Он снова толкнул ее на землю с такой грубостью, что это потрясло Сару. Он сел рядом с ней на колени, удерживая ее за плечи.

— Гарри, пойдем, — умоляла Сара.

— Сначала я должен закончить.

— Гарри, что? Нет!

Она не могла его остановить. Он поднес нож к лицу Лауры. Женщина закричала и схватилась за левую щеку, кровь текла сквозь ее пальцы.

— Держись подальше от Сары. Никогда, никогда больше к ней не прикасайся, — прошипел Гарри. Он пошел прочь от нее, словно она была никем, словно она не была отчаянно женщиной, лежащей на земле и страдающей от боли. От бедности, от зависимости, ее сердце и душа опустошались с того дня, как она в последний раз была счастлива, в последний раз гордилась. Сара хотела помочь ей встать, она шагнула к ней, но выражение глаз девушки заставило ее остановиться и застыть. Это была ненависть, абсолютная ненависть, направленная на Сару, Джона и его демонов, исходящая от девочки, которая выросла слишком быстро. Сара почувствовала узел в горле, когда их глаза встретились. Я тоже страдала, — хотела она сказать, но не стала подвергать себя опасности во второй раз.

Сара была готова уйти, когда заметила что-то, что-то неправильное. Все вокруг них

было неправильным. Она осмотрела землю под ними. Никакой темной воды, нигде. Асфальт был абсолютно сухим. Тем не менее, ее руки были влажными...

Мурашки покрыли руки Сары, и волосы на затылке встали дыбом. Что-то очень, очень неправильно. Но она не могла понять что.

После того, что сделал Гарри с девушкой Джона, Сара не могла смотреть ему в глаза по дороге назад. Он порезал ее лицо. Какой же он после этого человек? Кто он?

Гарри смотрел прямо на дорогу. Чтобы облегчить тишину, повисшую над ними, словно тяжелые тучи, он включил радио. Они ехали, погруженные в свои мысли, слушая музыку и разговоры. Через несколько минут, объявление привлекло их внимание.

— Была опознана жертва вчерашней аварии на M11. Миссис Шейла Дуглас, известный пластический хирург из Эбердина, владеющая успешной клиникой в Эдинбурге, погибла вчера ночью в результате столкновения ее машины, Мини, с грузовиком. Водитель грузовика, Мануэль Альварадо из Мадрида, не пострадал.

Сара ахнула. Она не могла поверить в услышанное.

— Ты убил ее, — обе руки были у нее на груди, словно она пыталась вдохнуть, но воздуха не хватало.

— Кажется, да, — ответил Гарри ровным голосом.

Сара чувствовала себя так, будто глотала ногти.

— Я собираюсь немного порепетировать, — сказала она, как только они добрались до дома, и побежала наверх. Она не хотела видеть Гарри.

Гарри не ответил. Он пошел на кухню и начал делать себе двойной эспрессо. Он знал, что шокировал ее. Он знал, что она думала, что то, что он сделал с Лаурой, было неправильно. Но Лаура пыталась убить Сару. Она с радостью отдала бы Сару демону-тени. Она заслуживала урока.

И вправду, Сара была такой наивной! Где она была все эти годы, пока ее родители охотились? Словно они оградили ее от реалий мира, своей жизни, которая очень, очень отличалась от жизни обычных людей. Казалось, она видела своих родителей как каких-то идеальных супергероев, которые всегда поступали правильно и не сбивались с этого пути. Как она ошибалась. Настоящий Гарри знал лучше. Он рассказал ему, какими жестокими могли быть его дядя и Анна. Им приходилось быть такими.

Но Сара была другой. Как она вообще могла быть одной крови с ними? Потому что он, Шон, казался Миднайтом больше, чем она.

Сара ненавидела насилие.

Сара не могла прикоснуться к пистолету.

Сара имела привычку пробовать договориться с демонами!

Ее бабушка была бы в ужасе от такой внучки. Мораг Миднайт была очень жесткой. Настоящий Гарри много рассказывал ему о Мораг. Он бы хотел познакомиться с ней. Она была воином, Амазонкой — безжалостной, твердой, иногда даже жестокой.

Хотя, Мейрида Миднайт была другой.

Шон сидел за столом с чашкой кофе и пытался вспомнить, что настоящий Гарри говорил ему о Мейриде. Он сказал, что она была застенчивой маленькой девочкой, постоянно напуганной. У нее был прекрасный голос, и она любила петь. Мораг учила ее заклинаниям для охоты, но ей это не нравилось, она предпочитала заклинания попроще — защитные чары, зелья и вызовы. Теперь, когда он об этом думал, Мейрида казалась жутко похожей на Сару. Очень жаль, что она умерла. Может, у Сары тогда был бы кто-то, на кого

можно опереться, и кто-то помог бы ей пройти сквозь все это безумие...

Настоящий Гарри не вдавался в детали насчет смерти Мейриды. Он был всего лишь ребенком, когда она умерла. Стюарт рассказал ему все, что он знал. Он только сказал, что ее убили, и что это имело какое-то отношение к воде. Может, она утопилась. Как Мораг. От Стюарта к Гарри, от Гарри к Шону, детали истории о Мейрид Миднайт терялись, и все становилось более запутанным.

— Эй! Кто-нибудь есть дома?

Гарри вскочил и пошел в коридор. Он слышал, как Сара играет на виолончели запоминающуюся, прекрасную песню. Прежде чем открыть дверь, Гарри проверил, на месте ли его скин ду.

— Да? О, Брайони. Привет. — Что она тут делает? Захотела расстаться с жизнью?

— Привет, Гарри. Я не вовремя? — Брайони заметила отсутствие энтузиазма в его голосе.

— Да. Сара репетирует, ты же знаешь, что у нее прослушивание через месяц, и в куче со всем что происходит... Может, в другой раз, — сказал он безжалостно. Ему нравилась Брайони, но у него не было выбора. Он не мог рисковать ее жизнью, не мог позволить никому разделить опасность, в которой они и так были. Он собирался закрыть дверь, когда высокий, долговязый парень возник из-за одной из колонн.

— Привет, — сказал он неловко, как только понял, что Гарри его заметил.

— Джек, — голос Гарри превратился из холодного в ледяной.

— Да. Я друг Сары. Мы хотели позвать Сару поесть с нами картошки...

— Я знаю кто ты. И она не может.

Дай ей ответить за себя, урод! Ты кто такой, ее надзиратель? Он сразу не понравился Джеку. В первую очередь, потому что он выглядел как персонаж из фильма, и он не хотел, чтобы кто-то подобный находился рядом с Сарой.

— Брайони...

Гарри обернулся. Сара спускалась по ступенькам. Ее волосы спадали по плечам, и она выглядела несчастной, ее глаза большие и покрасневшие, ресницы влажные.

— Сара! Ты в порядке? — крикнула Брайони, как только увидела ее лицо.

— Да, да, конечно. Я просто играла. — Сара застыла, когда увидела Джека.

Гарри заметил это. Отлично. Ее лицо не просветлело, когда она увидела его.

— О, милая, иди сюда! Что случилось? — Брайони протолкнулась в дом и обняла Сару, ведя ее вверх. — Джек, может, в другой раз, ладно? — добавила она, даже не глядя через плечо.

— Правильно, — до Джека дошло. Между Гарри и Брайони до Сары ему не добраться. Мне нужно будет позвонить им и записаться на прием. *«Хуже, чем пытаться увидеться с королевой»*, — сердито подумал он и пошел по гравийной дорожке

Прежде чем он мог остановить их, Брайони и Сара исчезли наверху, держась за руки. Гарри услышал звук закрывающейся двери Сары.

Отлично. Если сейчас что-нибудь произойдет, как объяснить это Брайони?

Он вздохнул и пошел обратно на кухню. Он не смел, идти в подвал, на случай, если что-то случится, и ему нужно будет быстро попасть вверх.

— Что случилось? — Сара посмотрела в теплые глаза Брайони.

— С чего начать...? — уныло сказала Сара.

— О, Сара, — Брайони снова обняла ее, и Сара крепко ответила на объятие, вдыхая ее

колокольчиковые духи. Брайони была самым близким человеком для нее.

— Это не из-за Гарри, нет? Он странный. Я не знаю, он так одержим тобой...

Сара отвернулась. У него на то свои причины, поверь.

Брайони не поняла смущение Сары.

— Это он? Он плохо к тебе относится? — Брайони была готова пойти и высказать ему все в лицо.

— Нет, нет. Он добр ко мне. Я не знаю, что бы без него делала. Нужно во многом разобраться. Ты знаешь, какими были мои родители...

Брайони кивнула. Она думала, что Анна была нормальной, но никогда не испытывала любви к отцу Сары. Она думала, что что-то в нем было... такое жесткое. У него были такие же зеленые глаза, как у Сары, но их выражения были совершенно разными. У Джеймса было что-то дикое в глазах.

Анны никогда не было здесь. Она была мечтательной, всегда занималась чем-нибудь другим — работала в саду, играла на фортепиано или занималась искусством в подвале. Она говорила всем, что была художницей, но никто никогда не видел ее картин. Она жила у Джеймса под колпаком, каждый раз, когда он рыл рядом, она не отходила от него. У нее, казалось, никогда не было времени на Сару.

Но Джеймс. Он выглядел, как человек, с которым не хочется связываться. Брайони помнила его высокую, сильную фигуру и эти невероятные зеленые глаза, такие пронизывающие, что в них нельзя смотреть. В детстве Брайони боялась его, он выглядел как принц из сказки, но потом смотрел на тебя как Синяя Борода.

Брайони знала, что бывает несправедливой. Она знала, что Сара обожает своих родителей. Но у нее была очень развитая интуиция и она чувствовала, что в них было что-то большее, чем на первый взгляд.

— Что ты имеешь в виду? Это насчет дома? Проблемы с деньгами?

— Нет, не с деньгами. Я бы сказала, что проблемы с... наследством. Слушай, это не важно. Я буду в порядке, правда.

— Ты уверена, что будешь готова до ноября? — спросила Брайони, указывая на виолончель Сары.

— Я должна, — Сара схватилась за возможность изменить тему разговора. — Что насчет тебя? Как твое портфолио? Прости, я так давно не спрашивала...

— Мое портфолио почти готов. Надеюсь, попаду в Школу искусств Глазго. В противном случае, всегда есть Данди.

— У тебя получится, я знаю. Мы можем отправиться в Глазго в следующем году вместе...

— О, и есть еще кое-что, — Брайони внезапно стала такой застенчивой.

«Я вижу, куда она клонит», — подумала Сара. Какой по счету парень? Седьмой, восьмой в тех пор, как мы перешли в среднюю школу?

— Майкл, правда?

— Да. Мы вместе! — Брайони просияла.

Сара улыбнулась. Ей нравился Майкл. Она была счастлива за Брайони. Но дело в том, что все это продлится максимум три месяца.

— А что насчет тебя, Сара? Думаю, это точно не будет Джек, а? — вздохнула она.

Сара покачала головой, кровь прилиwała к ее щекам.

— Нет. Не Джек.

— Подожди секундочку... Есть кто-то! По лицу твоему вижу!

— Не совсем.

— Не совсем... Но есть! Ты должна рассказать мне!

— Нечего рассказывать. Я встретила парня, и он мне нравится. — Хотя, только в своих снах.

— Наконец-то! Поверить не могу! Впервые за четырнадцать лет ты говоришь мне, что тебе кто-то нравится.

— Ну, я всегда такая занятая.

— Да, этой штукой! — Брайони указала на виолончель. — Это твой парень! — Сара засмеялась. — Так, кто он?

О Боже. Как я собиралась объяснить ей? Я встретила его в своих снах, он сказал, что был послан мне, что не ожидал, что я буду такой красивой... Он спас мою жизнь и дарит мне... листья? Я даже не знаю его настоящего имени.

— Расскажу в другой раз.

— Что? Это издевательство! Ты не можешь так со мной поступить!

Сара улыбнулась.

— Имей терпение.

— Сара! — позвал Гарри. В его голосе были нотки, который она раньше не слышала.

— Подожди здесь, — Она выбежала и спустилась вниз.

— Ты должна отправить Брайони домой, — прошептал Гарри. Сара вздохнула.

— Всего пару минут...

— Сейчас.

— Тогда я пойду с ней, — возразила она.

— Смотри, — Гарри взял ее за руку и повел к окну в гостиной.

Сара не могла поверить своим глазам.

Ее дубы.

Они были голыми. Абсолютно голыми. Ни листочка не было на них. Листья лежали под ними мягким одеялом несколько дюймов в толщину.

— Это твой друг, которого ты называешь Листком?

Сара была в ужасе.

— Я не знаю...

— Ты должна отправить Брайони домой сейчас же, поняла? Я не буду отвечать за ее смерть. Я не буду говорить ее родителям.

— Говорить моим родителям что? — Брайони появилась на пороге гостиной.

Гарри и Сара мгновенно сменили выражения на лицах.

— Поужинать с нами на днях. Брайони, прости, но тебе нужно уходить. Едет адвокат. Ну, знаешь, проблемы с наследством, о которых я тебе говорила...

— Конечно, прости. Я напишу тебе позже.

Сара проводила ее до двери.

— О Боже, Сара! Что случилось с деревьями? — ахнула Брайони и прижала ладонь к рту.

Стоя на каменных ступенях, Сара могла полностью оценить ущерб. Четыре дуба у входа, по два с каждой стороны, теперь были голыми скелетами со вскинутыми к небу ветвями, словно молясь. Одеяло осыпавшихся листьев у ее ног было таким толстым, что на нем можно было спать.

— Это вредитель. Дубовый паразит, — слабо сказала Сара. — Нам нужно нанять садовника.

— Но с ними все было нормально, когда я пришла! Меньше, чем полчаса назад! — запротестовала Брайони. Когда она увидела лицо Сары, то решила не настаивать.

— Надеюсь, оно не доберется до нашего сада, — пробормотала Брайони. Она быстро обняла Сару. — Позвони мне, если что-то будет нужно. Что угодно, ладно? — прошептала она ей в ухо.

Сара кивнула и проводила ее огненные волосы взглядом по дороге и через ворота, словно наблюдая, как последний маяк нормальности покидает ее перед наступлением темноты.

Глава 29. Линии Лей

*Куда бы ты ни отправилась,
Я тебя найду.*

Сара посмотрела в небо. Оно медленно темнело, день превращался в сумерки. Она задрожала на вечернем воздухе и вернулась внутрь.

— Гарри... кто... что это сделало?

— Понятия не имею. Может, твой друг, который с листьями.

— Это выглядит как угроза. Зачем Листку угрожать мне? Он спас мою жизнь. Наши жизни. Дважды!

— Я не знаю. Но я сказал не доверять ему, да?

— Да, ты сказал, — Сара опустила голову. Страх охватывал ее разум, пронизывал до костей. Она знала, что сотворенное с деревьями — это предупреждение, что что-то грядет.

— Должно быть, это один из двух оставшихся демонов. Саймона Ноулеса или Кэтрин Холлоу. Или демон Мастерницы, если это совершенно другой человек.

— Да.

Мог ли Листок быть Саймоном Ноулесом? Нет, это невозможно. Он не может.

— Может, об этом сказано что-то в дневнике твоей матери. Что-то о листьях, о деревьях...

Сара покачала головой.

— Нет. В смысле, там много о листьях и деревьях, но как об... ингредиентах, если ты меня понимаешь. Ничего подобного. Единственное, о чем я могу думать, это о песне сапфира, чтобы она сказала нам, если кто-то попытается проникнуть в дом.

— Но если мы это сделаем...

— Нам нужно будет промыть сапфир в соленой воде. И, может, он больше с нами не заговорит.

— Именно. Я не думаю, что нам нужно еще одно такое заклинание, пока все это не закончится.

— Есть одно гадальное заклинание. Чтобы найти демона, обнаружить его. Оно опасное.

— Что для него требуется?

— Карта.

— Звучит не слишком опасно.

Сара посмотрела на него.

— Подожди, пока сам увидишь.

Для заклинания требовался предмет, который относился к тому, что они искали, чтобы он вел их. Сара вышла в сад под покровом пурпурно-голубых сумерек и взяла один из опавших листьев, который лежал на нижней каменной ступеньке. «*Мои бедные деревья*», — подумала она, глядя на пустые стволы.

Гарри наблюдал за ней, стоя на ступеньках. Если Листок на самом деле демон, нам нужно будет только уничтожить его. Это наименьшая из моих проблем. Но если он не демон... зачем вообще ему искать ее и оставлять эти дурацкие листья? Что он от нее хочет? Он не мог передать ответ на этот вопрос словами. Он не хотел об этом думать, потому что его ревность была слишком сильной. Он никогда никого ни к кому не ревновал. Потому что ему всегда была наплевать. Для него это было новое чувство, и он не знал, что с ним делать.

Он знал лишь, что оно ему не нравилось.

— Пошли, — его голос был более грубым, чем требовалось.

Они спустились в подвал, и Сара осторожно положила листок на стол. Затем она открыла одну из коробок, вытащила единственную свечу и положила ее рядом с листком. В другой коробке она нашла маленькую серебристую чашу. Затем она осмотрела ритуальные ножи матери, гадая, какой выбрать. Один из них был маленьким, серебристым, с выгравированными на нем красивыми кельтскими символами и чем-то еще на ручке. Это было имя.

Мейрида Миднайт.

Сара ахнула. Мораг Миднайт, должно быть, подарила Мейриде нож и показала, как пользоваться им для магии. Сара вздохнула. Почему ее мать этого не сделала? Почему она всегда настаивала, что она была слишком маленькой?

Пока не стало слишком поздно.

Она нежно коснулась ножа Мейриды кончиками пальцев.

Хотела бы я знать тебя.

— Гарри, смотри, — прошептала она. Она задыхалась. Гарри взял его, посмотрел на гравировку и отдал обратно.

— Теперь он твой, — сказал он мягко. — Уверен, Мейрида была бы этому рада.

— Почему мои родители не рассказывали мне о ней?

У Гарри не было ответа.

— Я не знаю. — И снова он хотел бы иметь возможность поговорить с Джеймсом и Анной и прояснить им пару вещей.

Сара глубоко вздохнула.

— Теперь не время об этом думать. Ты можешь сходить наверх и принести мою подушку и одеяло, пожалуйста? — мысль о том, чтобы нарушить что-то в ее постели заставила ее паниковать, но это было необходимо. Альтернатива может быть очень болезненной.

— Конечно.

— Хотела бы я, чтоб родители постелили тут коврики, — пробормотала она себе под нос. Гарри посмотрел на нее. Бесполезно спрашивать. Все равно узнаю через минуту.

— О, и ключ к шкатулке с картами. Тот, который на шее у куклы.

— Хорошо.

— Можешь постелить одеяло и подушку на полу? — попросила она, когда Гарри вернулся. Он подчинился.

Так странно следовать указаниям, позволить кому-то другому командовать. Я не привык к такому. Но это не так уж и плохо.

Сара открыла шкатулку.

— Нам нужна карта, но которая?

— Может, карта Эдинбурга?

— Я думаю о том, что ты сказал о линии Лей, помнишь? Что эти карты используются для поиска чего-то, вроде необычных миграция птиц, кругов на полях...

— Листопадов. Да. Может быть.

Она вытащила карту с линиями Лей из шкатулки и аккуратно разложила на столе.

— Надеюсь, что не сломаю ничего.

Гарри встревожено поднял взгляд.

— Понятия не имею, что ты задумала. Я не против, но будь осторожна.

— Буду. Теперь, начнем, — она поднесла палец к губам. Гарри кивнул.

Сара сняла все свои украшения, в дневнике матери говорилось, что металл может помешать магии. Она взяла карту, листок, серебряную чашу, нож Мейриды и осторожно положила их на одеяло и села на колени перед ними. Наконец, она зажгла свечу. Заклинание началось.

Сара взяла нож Мейрид и порезала руку, всего немного, чтобы упала пара капель крови, а затем позволила крови капать в серебряную чашу. Она взяла чашу — одна из ее рук все еще кровоточила — и стала держать ее над картой. Она закрыла глаза, и листок стал слабо дрожать. Гарри ступил ближе, удостовераясь, что сможет вмешаться, если что-то пойдет не так.

Листок взлетел над чашей. Он упал в кровь Сары и затем снова взлетел. Капелька крови висела на одном из уголков листка. Гарри задержал дыхание.

Листок парил над картой, а затем слегка коснулся ее окровавленным краем, оставляя легкий след на бумаге. Это была место в западной части Шотландии, прямо над коричневой линией.

— Сара, это просто говорит нам о том, что он где-то рядом. Мы это и так знали, правда?

Сара не ответила. Листок все еще парил над картой.

— Сара?

Гарри поднял взгляд. Глаза Сары закатились и теперь были абсолютно белыми. Она сидела на коленях в том же положении, ее руки с чашей протянуты над картой, словно застывшие. Гарри отошел на шаг и вытащил скин ду, просто на всякий случай.

Сара открыла рот, но заговорила не своим голосом. Это был резкий, ужасный звук — что-то между воем и эхом.

— Он выйдет из земли и падет тьма.

— Кто? Кто — он?

— Король Теней, — ответила Сара, или что бы там ни говорило через нее.

Листок снова погрузился в кровь и сделал еще одну пометку. Гарри пригляделся. Она не была на карте, она была справа от нее, на одеяле.

Словно карты было недостаточно... или, может, он промахнулся?

— Кто такой Король Теней? Где он? Когда он придет?

Но Сара молчала. Он хотел взять ее за плечи и потрясти, заставить вернуться, но не был уверен, что стоит. Он не хотел подвергать ее опасности.

Сара начала парить в дюйме над землей. Она все еще сидела на коленях, все еще держала чашу. Внезапно, невидимая сила подняла ее вверх и швырнула в стену. Она упала на твердый пол с глухим стуком.

— Сара! — Гарри сел на колени рядом с ней.

— Ауч.

— Сара, ты в порядке? Ничего не сломала?

— Не думаю. Только синяки. О, это больно.

— Вот зачем ты просила одеяло!

— Мама написала, что такое может случиться. Что я говорила? Что сказала карта? — она подползла к одеялу на четвереньках и посмотрела на карту. — Куда упала кровь?

— Туда, где мы, — Гарри указал на пятно прямо поверх коричневой линии. — А потом... сюда. — Он указал на маленькое пятно крови на одеяле. — За пределы карты.

— Как... что это значит?

— Может, он промахнулся. Или может карта недостаточно большая. Была бы она побольше, тогда это было бы где-то в Восточной Европе.

— Восточной Европе?

Гарри пожал плечами.

— Сара, ты сказала кое-что странное, пока была в этом подобии транса.

— Что я сказала?

— Ты сказала, что Король Теней выйдет из земли...

— Отлично. Понятия не имею, что это значит.

Враг? Безымянная, безликая угроза, уничтожающая Тайные Семьи? Гарри вздрогнул. Тьма падет.

— Кажется, эти заклинания всегда странно срабатывают, — он быстро встал и взял Сару за руки, чтобы помочь ей. Ему нужно побыть в одиночестве. Ему нужно поговорить с Найлом и Майком. Король Теней — это должен быть Враг. Должен.

Сара потерла спину.

— Я рада, что ничего не сломала.

— Ты могла свернуть себе шею, Сара.

— Я сказала, что это может быть опасно.

— В следующий раз это буду делать я.

Сара засмеялась.

— А что я буду делать? Вязать? Смотреть телек?

Гарри улыбнулся.

— Прости, я не хотел... ущемлять тебя. Я знаю, что это твое предназначение. Просто на это страшно смотреть. Я беспокоюсь о тебе, Сара.

— Честно говоря, я и сама о себе беспокоюсь! — она медленно потянулась. — Ауч! Вот, синяк дня. — Она обернулась и показала ему ярко-красную отметину на бедре.

— Выглядит больно.

— Так и есть. А на нас еще даже не нападали.

Король Теней. Гарри похолодел. Он знал, что это за комок у него в горле — это ужас. Он знал, что они были ближе к сердцу опасности, ближе, чем когда-либо.

Сара похромала к столу и задула свечи. Они убирались в тишине. Сара свернула карту и закрыла коробку, а затем вымыла нож Мейриды и серебряную чашу в соленой воде.

Они пошли наверх. Гарри отправился в свою комнату, пробормотав что-то о срочном звонке, а Сара пошла в гостиную, чтобы сжечь листок в камине. Как только она собралась бросить его в огонь, девушка заметила что-то, написанное на нем тем же почерком, который она видела на конверте, полученном пару дней назад, с листком внутри. Это был почерк Листка.

«Скоро увидимся».

Сара сглотнула. Комната вертелась вокруг нее.

Она не знала, что думать. Листок был замешан в уничтожении деревьев? Это невозможно. Зачем ему это делать?

А затем она поняла. Когда она пошла в сад, она взяла лист, лежащий на каменных ступеньках, а не под дубами. Она только предположила, что он мог упасть с дерева. Но его оставил для нее Листок.

Но значит... она искала Листка, когда произнесла заклинание? Это было сообщение о

Листке? Он был в опасности? Может, то существо — Король Теней — охотилось за ним?

Она бросила листок в огонь и смотрела, как он превращается в пепел. Лучше не упоминать об этом при Гарри. *«Приди ко мне, пожалуйста. Приди и скажи, что ты в порядке»*, — тихо молилась она, надеясь, что Листок ее услышит.

Сара решила, что лучшим способом разобраться со всем, была готовка, как своего рода медитация. Она пошла на кухню, надела фартук и завязала волосы. Она не останавливалась и не говорила ни слова в течение двух часов. Под конец ее кулинарного сеанса на тарелке лежало прекрасное блюдо: кусочки баранины с картофелем и мусс из темного шоколада с острым перцем. Она вздохнула и довольная сняла фартук. Может наступить конец света или конец ее мира, но они будут наслаждаться хоть чем-то идеальным.

Они ели, болтая о жизни Гарри в Новой Зеландии и музыке Сары. Это было затишье перед штормом, и они это знали.

Гарри доел остатки шоколадного мусса с перцем.

— Это было потрясающе. Если бы я выбирал свое последнее блюдо... — он не закончил предложение, понимая, что только что сказал. Но Сара засмеялась, и он с облегчением присоединился к ней.

— Надеюсь, твое желание не будет осуществлено сегодня, Гарри.

Что еще им оставалось делать? Эта ситуация была настолько безнадежной, что у них была причина прятаться под кроватями и ждать смерти. Но они так же могли смеяться. Он нежно посмотрел на нее, ее щеки покраснели, свет свечей отражался в ее глубоких глазах.

— Так значит... где ты научилась готовить?

— Сама. Это успокаивает меня. Тетя Джульетта любит готовить... у мамы никогда не хватало времени. У меня тоже, наверное, не будет, когда все это закончится, и я начну охотиться, как они, — Сара доедала остатки своей порции шоколадного мусса. Гарри был рад хоть раз увидеть ее аппетит.

— Но ты ненавидишь охотиться.

— Разве у меня есть выбор? Кто-то должен это делать.

— Ты не можешь справляться со всем одна. Сны, охота...

— Но я не одна, правда? — сказала она. Быстро встала и отвернулась, суется у раковины, чтобы он не мог увидеть ее лицо.

— Нет. Ты не одна.

Сара улыбнулась. Гарри смотрел на ее спину, пока она мыла посуду, ее волосы были похожи на водопад. Она должна узнать правду. Если я расскажу ей правду, она может по-новому увидеть меня.

Она думает, что я ее кузен, ради Бога! Это будет... Он даже не мог подумать об этом. Но я нее не кузен. Нет.

Если я расскажу ей...

Она возненавидит меня. Она никогда не простит мне ложь, кражу жизни Гарри.

— Я приберусь, Сара. Оставь все.

— Все нормально, я помогу. Мне слишком больно играть, если честно, — она подняла топ чуть выше на бедре, и Гарри увидел, что синяк начал синеть. Она опустила джемпер с левого плеча и показала еще один синяк, даже хуже, чем предыдущий.

— Этот просто ужасно болит. Поэтому я не могу играть.

— У меня есть кое-что для этого. Подожди, — Гарри исчез наверху и появился с маленьким тюбиком крема.

— Это Арника. Я много ею пользовался, когда охотился. Ну, ты понимаешь, — он передал ей тюбик.

— Можешь сделать это? — спросила она, отдавая тюбик обратно.

Гарри почувствовал, как кровь приливает к лицу. Нет? Да?

Да.

Он посмотрел в глаза Саре, ожидая увидеть тайное послание в них. Ожидая узнать, что она флиртовала с ним. Но на ее лице не было ничего, кроме невинности.

Как это возможно? Ей семнадцать, она должна знать, как все происходит. Она должна знать, что значит попросить меня прикоснуться к ней так!

Гарри втирал крем ей в плечо, а затем в бедро, вдыхая ее запах. Она пахла персиками, а ее кожа была мягкой, как лепестки роз. Внезапно он почувствовал ужасную, ужасную печаль.

«Она никогда не будет моей», — подумал он безутешно.

Сара посмотрела на него своими ясными зелеными глазами и улыбнулась. Она придвинулась ближе, прижимаясь к нему со вздохом.

Гарри застыл. Она знает, что я чувствую? Какая другая семнадцатилетняя девушка не увидела бы признаков? Он подумал о подругах Сары, например, о той Элис или Шивон — они бы прочли это в его глазах. Будь они на месте Сары, все было бы по-другому. Это было бы соращение.

Но не с Сарой. Прикасаюсь к ней, как прикасаться к луне.

Она знала?

— Чашку чая? — мягко спросила Сара, отстраняясь. — О, уже лучше, — добавила она, прикасаясь к бедру.

Нет, не знала.

Она была словно маленькая девочка. Словно часть ее перестала взрослеть. Она застыла в тринадцати, когда начались ее сны. Страх и шок пригвоздили ее к месту. Это как в той сказке, правда? Спящая красавица. Девушка, которая уснула на сотню лет.

Он хотел быть тем, кто коснется ее губ своими губами и разбудит ее. Он хотел следить за тем, чтобы никто больше ее не напугал, чтобы она больше никогда не была одинока. Он хотел убедиться, что никакое темное заклятие больше не будет наложено на нее, что она больше не уколется палец каким-нибудь отравленным веретеном.

Сара передала ему чашку чая, смотря прямо в глаза. Она никогда, ни за что бы не смогла себе представить, о чем он сейчас думал. Она была его Спящей красавицей, ждущей среди колючих кустов роз.

Глава 30. Король Теней

Проводи меня на свет.

Расскажи всем о нашей любви.

Гранд-Айл, Луизиана

Шум волн, бьющихся о скалы, был словно воздухом для Найла, как самый знакомый, самый древний звук из его памяти, второй после звука сердцебиения его матери. Ему нужно быть рядом с водой, нужно время, чтобы посидеть и обдумать все происходящее. Попытаться разобраться в событиях, которые привели его сюда, на пляж в другом уголке света, поближе к теплому морю и теплым ночам, но так далеко от прохладных вод и холодного ветра Атлантики и всего, что он знал.

Майк был невероятным. Он был человеком, которого привел сюда выбор, а не судьба, он был самоотверженным, храбрым и бесконечно находчивым. Таким преданным Шону и их делу. Он думал обо всем, что скоро случится со всеми ними — Тайными Семьями, Егерями, а потом и со всем человечеством, от мала до велика, со всем миром, если снова настанут времена Демонов.

Дедушка Найла рассказывал ему истории о временах Демонов. Он был директором местной школы, небольшого белого коттеджа на окраине Скерри, его родной деревни. Он также был рассказчиком, фольклористом и, конечно же, музыкантом. Он обладал силой Песни, его голос был настолько мощным, что он мог вызывать бури, огонь и менять цвет листьев на деревьях.

Истории Патрика Флинна были жуткими. Члены семьи Флиннов передавали их из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери — истории, в которых Донегал, Ирландия и целый мир принадлежали не людям, а Суари. Крошечные племена людей постоянно кочевали с места на место, живя в постоянном страхе и неопределенности, пытаясь спастись от демонов, которые бродили по миру, владели им. А затем, что-то произошло. В человеческих племенах рождались особые дети — предки Тайных Семей. У них были силы, позволяющие убивать Суару, уничтожать их или изгонять в параллельные миры, заточив во времени и пространстве. Суари медленно слабели, а люди становились сильнее, пока земля не перешла в руки людей. Тогда закончились времена Демонов и началось время людей. Тайные Семьи следили за всем, наблюдали за трещинами между этим миром и другим, уничтожая все, что могло проскользнуть через них.

Когда начались уничтожения, семья Флиннов стала болеть. Они становились слабее, истощеннее, не могли есть. Найл, его родители и две младшие сестры, у которых еще даже не было Снов. Какое-то загадочное заболевание поднималось из земли, медленно убивая их. Люди в Скерри и в окрестностях тоже страдали — у женщин были выкидыши, дети росли с заболеваниями крови, все говорили о том, что кто-то отравил землю или море.

Что-то источало смерть.

Флинны отослали своего сына с Майком. Они остались, медленно увядая, пробуя все, чтобы остановить болезнь. Найл знал, что его родители выбрали смерть в том отравленном месте, и уважал их выбор. Он бы с радостью сделал то же самое. Но он знал, что ему нужно уходить, выжить и сражаться. И он сделал то, что должен был.

Он думал о Донегал, о том, как сладко перекачивалась земля, как быстро тучи затягивали небо, какими абсолютно тихими и неподвижными могли быть холмы, такими

тихими, что можно было услышать дыхание земли.

Прекрасное место, в котором он оказался, находилось между водой и небом, было полно жизни — Луизиана, там он никогда не надеялся побывать. Оно впитывалось в его кровь — это зеленое, тайное место, окруженное водой, где люди гордились собственными традициями. И музыка здесь была потрясающей.

И все-таки, это был не дом.

— Найл!

Майк прервал его размышления. Он звал его из хижины, энергично размахивая руками. Что-то случилось. Возможно, что-то, связанное с Шоном.

Найл до смерти хотел познакомиться с Шоном Ханни и цаплей — загадочной Сарой Миднайт.

— Шон, — Майк указал на телефон, лежащий на столе рядом с компьютерами.

Найл кивнул.

— Чем могу помочь?

— Слышал что-нибудь о Короле Теней.

Пол поднялся, чтобы встретиться с Найлом, комната закружилась вокруг него, и жужжащий звук наполнил его уши. Он моргал снова и снова.

Голос Майка шел откуда-то издалека.

— Ты в порядке?

— Да. Да. Я в порядке. Шон, я уже слышал о Короле Теней, да. Я слышал о нем в.. историях.

— Историях?

— Историях, которые передавались в моей семье из поколения в поколение. С самого начала времен.

— Так кто такой этот Король Теней?

— Старайся не произносить его имени, Шон.

— Да ладно тебе, Найл! — засмеялся Майк. Но когда он увидел серое лицо Найла, то перестал смеяться.

— Что ты о нем знаешь?

— Он очень, очень могущественный демон. Сильнейший из всех. Его отправили обратно, когда времена Демонов закончились, но он никогда не был по-настоящему побежден, только заключен. Говорят, он правит Преисподней. Иногда его называют Баис.

— Что это значит?

— Это ирландский. Означает Смерть.

Пауза.

— Как ты на него наткнулся? — спросил Майк, хватая бутылку бурбона. Найл увидел, что его руки трясутся.

— У цапли было видение.

— Шон. Мне нужно увидеться с тобой и цаплей. Сейчас.

— Это слишком опасно.

— Если он охотится за вами, вам потребуется любая помощь.

— Ты нужен нам живым, Найл. Что еще ты знаешь?

— Не многое. В историях говорится, что он несет смерть взглядом. Что он не видел света тысячи лет. Это все, что я знаю.

— Понимаю.

- Это очень плохо, Шон, — сказал Майк.
- Я знаю. Не очень хорошо.
- План?
- Думаю, продолжаем.
- Попытаюсь найти как можно больше информации. Пришлю тебе, как только смогу.
- Спасибо, Майк.
- Без проблем, друг.

Они услышали гудок, а потом тишина.

- Совсем не хорошо, — повторил Найл, и его слова прозвучали как скорбная песня.

Глава 31. Человек, которого там не было

Обними меня, как будто

Я собираюсь исчезнуть.

— Опять они?

— Да, — Гарри не отрывал взгляда от своего айфона.

— Кто они? — не сдавалась Сара.

— Я же тебе говорил, что они не хотят, чтобы люди о них знали.

— Я не люди. Я семья. И это меня нервирует.

— Не нервничай. Они на твоей стороне.

Сара вздохнула.

— Мне нужно сделать домашнее задание.

— Хорошо, я оставлю тебя одну, — Гарри встал с дивана.

— Нет, нет. Остайся. В смысле, остайся, если хочешь, — исправилась она. — Я не против.

Гарри подавил улыбку.

— Ладно.

— Я пойду за книгами.

Сара побежала наверх, схватила свои книги и пенал и через минуту вернулась вниз. Она собиралась войти в гостиную, когда что-то ее остановило.

Гарри стоял перед камином, неподвижный как ночь, со странным выражением на лице.

— Не входи, Сара, — его голос был полон страха.

— Гарри, что случилось? — прошептала она, холодея.

— Не заходи. Держись подальше. Думаю, для меня уже слишком поздно.

У Сары начала кружиться голова.

— Что? О чем ты говоришь?

— Посмотри на мои ноги.

Сара опустила взгляд. Деревянный пол был залит нежным вечерним светом, вперемешку со светом лампы на кофейном столике и люстры вверху. Все ее чувства начали посылать ей тревожные сигналы, но она не могла понять почему. Что-то было неправильно. Здесь было что-то, чему не следовало бы быть. Сара сглотнула. Что это? Что неправильно выглядит?

Она снова посмотрела. Тени.

Все тени были неправильными.

У Гарри было две тени. И одна из них двигалась независимо от него.

Внезапно она поняла, что знала. Когда они думали, что уничтожили демона-тень, она почувствовала, что что-то было неправильно. Она подумала, что лужица темной воды исчезла слишком быстро, но она ничего с этим не сделала. Она даже не сказала Гарри. Она зарылась головой в песок, оттолкнула мысль на задворки сознания. Как же она была права. Как же глупо поступила.

— Беги, — умолял ее Гарри.

— Я не могу тебя бросить.

— Чья жизнь важнее, Сара? Моя или твоя? Ты должна быть в безопасности. Пожалуйста, Сара, уходи.

Сара покачала головой.

— Если ты умрешь, никого не останется. Ты единственная, у кого есть силы. Прошу, уходи. Пожалуйста, уходи, — Сара никогда не видела его таким испуганным.

Демон-тень обернулся, словно решая, на кого напасть первым. Затем он повернулся к Саре. Он выбрал. Гарри сразу это понял.

— Сара. Пожалуйста, Сара. Беги, — снова взмолился он, медленно вытаскивая, skin ду по дюйму

— Я не могу тебя здесь бросить. Я не могу. Руки Сары настолько тряслись, что книги упали на пол.

Тень ступила шаг по направлению к ней.

— Сара! — закричал Гарри. — Сара, уходи!

Сара отошла на шаг.

— Иди сюда. Иди сюда. Пойдем со мной, — прошептала она демону. Еще один шаг к ней и она снова попятилась.

— Пойдем со мной.

— Что ты делаешь? — в отчаянии закричал Гарри.

— Выманиваю ее подальше от тебя, — голос Сары был холодным, ровным, но на грани ужаса.

Беги, пожалуйста, беги. Всего одно касание, и ты вечно будешь тенью...

Сара попятилась еще на шаг. Она не смела, отворачиваться от демона. Ее руки были холодными. Она разжала их, сжала в кулаки и снова разжала. Холодные. Все еще холодные.

Гарри последовал за ними из гостиной в коридор. Тень сделала еще шаг к ней, на этот раз быстрее, и Сара ахнула. Она отскочила назад, споткнулась об одну из своих книг и тяжело приземлилась на нижнюю ступеньку.

— Сюда! Я здесь! Возьми меня! — снова закричал Гарри.

Но тень не обратила на него внимания. Еще один шаг, а потом еще один с протянутыми к Саре руками. Она отчаянно пыталась встать на ноги, но продолжала скользить на бумаге, раскиданной на ступеньках.

Гарри снова закричал, яростно, отчаянно.

Демон протянул свои черные руки, словно черные дыры, такие же пустые, как сама тьма.

Ее руки все еще были холодными, она подняла их к лицу, в полном, всепоглощающем ужасе.

Темная вода подводила ее.

Демон присел рядом с Сарой. Они были отражением друг друга, словно это была настоящая тень Сары. Два существа, разделяющие одно тело, соединенные в бесконечном моменте.

Внезапно, тень резко и неожиданно обернулась, словно что-то почувствовав. Сара подняла взгляд и увидела Гарри. Его лицо было покрыто потом, а руки чертили невидимые руны лезвием быстрее, чем можно было уловить взглядом. Он тяжело дышал от усилий.

Тень вздрогнула и выгнула спину. Гарри закричал от ярости и боли. Сара увидела, что рука, которой он держал нож, была окровавленной.

Демон свернулся в клубок, а потом покачал головой взад-вперед. Гарри упал на колени, все еще чертя руны, его плечи тряслись от напряжения. Тень начала медленно размываться. Тайнственная сила, держащая ее в куче, испарялась, и мелкие частицы, из которых состояло

его тело, начинали сдвигаться со своих мест и распадаться. Из черной, Тень начала превращаться в серую.

Гарри застонал. Красная лужица крови образовалась на коврике там, куда капала его кровь. Последнее усилие. Последнее усилие, — продолжал он говорить себе, пока его сила угасала, его руки тряслись и символы становились все менее и менее разборчивыми.

Но у него получалось. Теперь демон был серым, бесформенным облаком. И тогда, когда Гарри больше не мог держаться, тень задержалась на один длинный, болезненный момент, а затем исчезла.

Гарри выпустил skin ду и упал на четвереньки, тяжело дыша. Его сердце билось так тяжело, что он думал, что Сара могла его слышать.

Он подполз к ней и упал рядом. Гарри крепко обнял ее, слишком крепко, словно пропасть все еще была там, ему нужно было вытащить ее.

— Мне больно, — пробормотала она.

Но он не отпустил.

Глава 32. Цапля

Я не могу с тобой говорить

Даже в своих снах

«Останься со мной» — кричу я

В никуда.

Гранд-Айл, Луизиана

— Шон?

— Найл, — голос Шона заполонил небольшую лачугу. Дверь открылась, впуская ночь и шум волн.

— У меня был сон.

— О, нет.

— К сожалению, да. Послушай, это могло быть о Донегале. В смысле, о том, что должно там случиться. Но я не узнал этого места... это было на футбольном поле. И там была цапля.

— Цапля?

— Да. И все было плохо. Она не была... собой. Выглядела собой, но не была. В ней был демон.

— Говоришь, футбольное поле.

— Да.

— Спасибо, Найл.

— Шон. Я устал прятаться. Мы должны что-то сделать. Мы не можем прятаться вечно.

— Я знаю. Я знаю, — его голос звучал изнуренно.

— Шон? — позвал Майк.

— Да.

— Не обращай на него внимания. Ему просто надоело, есть моллюсков каждый день. Мы останемся здесь на столько, на сколько потребуется.

— Нет, он прав, Майк. Мы не можем прятаться вечно. Они все равно найдут нас, где бы мы ни были.

— Рано или поздно, они совершат ошибку. Мы узнаем, кто...

— Стой. Не говори ничего, — перебил Найл.

— Нет. Нет, ты прав.

— Теперь мне нужно идти. Будьте осторожны. Правда.

— И ты, Шон.

Они оба посмотрели в компьютер, такой яркий в полутьме лачуги. На экране был открыт сайт академии Тринити, фотография школьного оркестра — трех рядов мальчиков и девочек в школьной форме, улыбающихся в камеру. Они приблизили фотографию на девушку, сидящую возле виолончели. Ее черные волосы спадали по ее плечам, а глаза выглядели застенчивыми, грустными.

Цапля.

Глава 33. Белые горы

День, когда он ушел

Был днем, когда я не смогла вернуться

Я думала, что это продлится вечность.

Кастельмонте

Элоди

Все еще никакой силы. Словно я — вовсе не я. Ни видений, ни снов, ничего. Вода — лишь вода, стекло — лишь стекло, и видения не приходят во сне. Хотя я все равно сейчас не много сплю.

В основном я сижу у окна и смотрю на горы. Сначала она выглядели как темница, как огромный барьер между мной и войной, на которой мне не разрешено сражаться. Но я полюбила их, их постоянное, молчаливое, тихое присутствие и защиту.

На днях мы ездили в Валле-д'Аосту. Фризонь навещали друзей и взяли меня с собой. Мы пошли в небольшую горную деревушку, которая, казалось, росла прямо из долины, между двумя огромными стенами-скалами с каждой стороны. Деревня выглядела, словно была созданием природы, а римский мост пересекал белый поток ледникового происхождения.

— Ночью отсюда можно увидеть огни, — сказала Марина, указывая на вершину горы, куда-то невозможно высоко. — Можно подумать, что это звезды, потому что гор не видно — они выглядят черными ночью. Но это дома. Представляешь? Каково там жить?

Я представила себе огни, свисающие с гор, словно звезды с неба. Я представила жизнь там, в деревянном домике, который отрезает от мира зимой. Мы с Гарри. И наши дети.

Мысль ранила, словно нож, прямо над ребрами, и я отвернулась. Марина прочла мое настроение.

— Пойдем, купим немного еды.

Местная пекарня была настоящей сокровищницей, и мы вышли из нее с полными руками плоского песочного печенья, которое они называют теголь, «черепицей», и другого печенья в форме петелек — сладкого и маслянистого. Торчетти. Незнакомые слова перекатывались у меня во рту и на вкус были такими же вкусными, как печенье, пока я пыталась выговорить их. Марина улыбнулась. Ей нравилось, когда я пыталась разговаривать на их языке.

Мы сели на траве на берегу ручья и стали есть сладости. Вода быстро бежала с ледников в долине на ложе из серой гальки.

Марина сидела рядом со мной, ее глаза закрыты и направлены на осеннее солнце. Легкий, прохладный горный ветерок шевелил ее волосы. Аико бросала камешки в воду, оббивая гальку своими маленькими пухлыми пальчиками и корчась от восторга, когда они делали дугу в воздухе и ударялись об воду.

Сладкий запах сосен окутывал нас, а каменные стены светились на солнце. На ощупь они были теплыми, и, казалось, очень тихо вибрировали и гудели, как живые. Я чувствовала, будто они отдавали энергию, и, когда я сидела ни них, то словно заражалась ею. Их сила наполняла меня, тысячи и тысячи лет под небом, неподвижные и неизменные, они наблюдали, как менялся мир.

Эти камни повидали времена Демонов.

Эти камни могут снова стать их свидетелем.

Мое сердце похолодело от внезапного страха, и я потеряла радость момента. Я обняла колени и положила на них подбородок, погруженная в темные мысли.

— Элоди?

— Да?

— Не переживай. — Марина обняла меня за плечи, и ее доброта наполнила мою грудь невыплаканными слезами.

Глава 34. Теряя тебя

То, что ты зовешь домом

Для меня — темница.

— Как ты, Сара? — мистер Макинтайр остановил ее в коридоре.

— О, здравствуйте. Я в порядке, спасибо.

— Как отрывки для прослушивания? — спросил он, указывая на виолончель в пурпурном чехле.

— Очень хорошо, спасибо. Мистер Сандс очень помогает.

— Мы очень тобой гордимся. Ты же знаешь об этом, правда?

Сара улыбнулась.

— Спасибо, — мистер Макинтайр пошел дальше, одарив ее последней ободряющей улыбкой. Он был таким добрым. Всегда за ней присматривал.

В школе все всегда носились с ее музыкальными талантами. Это льстило, и она гордилась, но ее застенчивая натура не давала насладиться этим полностью. Она чувствовала себя немного потрясенной иногда.

Застенчивый исполнитель. Противоречивое сочетание, но, на самом деле, Сара знала, что это частое явление среди музыкантов. Просто их любовь к музыке была сильнее, чем волнение, которое охватывало каждый раз, когда они поднимались на сцену.

— Идешь на обед?

Элис стояла у шкафчиков, одетая в гольфы выше колена, которые она купила в Аксессуариз пару дней назад, и привлекала немало заинтересованных взглядов. И несколько завистливых тоже.

Как это сойдет ей с рук? Только Элис это удастся, — подумала Сара, разглаживая свою юбку на непрозрачных черных колготках.

— Да. У меня есть едва для вас с девочками, — Сара иногда готовила обеды для друзей. Они брала их с собой в школу в маленьких аккуратных контейнерах и повышала им настроение на целый день.

— О, какое счастье! Спасибо! — воскликнула Элис с искренней радостью. У нее был довольно здоровый аппетит для девушки, следящей за своей фигурой.

Брайони с Ли уже ждали посреди столовой. Они сели за привычный столик, который был расположен позади, у окна, и Сара начала вытаскивать угощение.

— Что это? — спросила Брайони.

— Блины с ветчиной и плавленым сыром и... — она улыбнулась, извлекая коробку с цветами. — Мои знаменитые домашние шоколадки, — последовал шквал ахов и охов, и они начали, есть, болтая.

— Я люблю твои шоколадки. Особенно белые с маленькими сахарными розочками, — Ли облизала пальцы. Сара смотрела на свою подругу, в ее ясные голубые глаза, на едва заметные веснушки на носу, солнечную улыбку. Она задавалась вопросом, каково это — иметь простую жизнь, не быть проклятой девушкой. Быть кем-то вроде Ли.

Звук гитары донесся из-под стола.

— Чей это мобильник?

— О, мой, — сказала Сара, копаясь в сумке. Им разрешали носить телефоны, пока они выключали звук на уроках. Сара все равно всегда держала его на тихом режиме. Должно

быть, я забыла. Она посмотрела на экран. Гарри. Наверное, что-то случилось.

— Извините, девчонки, я на минутку.

Она выбежала из столовой и стала искать уголок, где сможет побыть одна.

— Да? — прошептала она в трубку.

— Сара, они в твоей школе.

— Что? Где? — ее охватила паника.

— Только что вошли. Тебе нужно выбираться оттуда сейчас же. Мы не можем драться с ними перед всеми.

— Как они выглядят?

— Мужчина. Думаю, Саймон Ноулес. Он в спортивном костюме. С ним женщина. Я не знаю кто она. У нее короткие каштановые волосы, она в синем пальто.

Значит Листок — не Саймон Ноулес. Сара вздохнула с облегчением, несмотря на происходящее.

— Уже иду. Встретимся на входе.

Она быстро положила телефон обратно в сумку. Саймон футбольный тренер, это было написано в файлах родителей. Он, наверное, притворяется, что тренирует школьную команду. Самым логичным местом встретить его будет спортзал или футбольное поле.

Сара побежала вниз по лестнице в холл. Гарри вошел, выглядя спокойным и холодным.

— О, Сара. Привет. Надеялся тебя поймать, — любезно сказал он. — Как раз собирался сообщить администрации. Сейчас вернусь.

Сара посмотрела на него расширенными глазами. Он был хладнокровным, как лед. Из него вышел бы хороший шпион.

— Вот и я, — он вернулся через несколько минут, на его шее бейдж посетителя.

— Цель посещения? — прошептала она.

— Я здесь, чтобы увидеть твоего классного руководителя. Спросить, как ты справляешься.

— Хорошо. У тебя назначена встреча?

— Договорились в последнюю минуту. Это правдоподобно?

— Не очень.

— Ну, ладно, тогда придется импровизировать.

Прямо в этот момент, сердце Сары остановилось.

— Гарри, — она положила ладонь ему на руку. — Они там.

Сара видела их сквозь большие стеклянные двери. Они шли в сторону спортивной площадки.

— Стой здесь, — Гарри быстро куда-то зашагал.

— Нет, я пойду с тобой...

— Сара! Почему ты не вернулась? — Ли возникла рядом с ней. — Мы все съели, вот твои контейнеры. Что случилось?

— Прости, Гарри сказал, что приходит, и... Прошу прощения, — Сара побежала за Гарри по коридору и наружу.

— Саймон, — спокойно сказал Гарри.

Мужчина в костюме и женщина в голубом пальто обернулись.

— Вот ты где. Я искал тебя, — сказал Саймон, глядя прямо на Сару. Он был молодым парнем, высоким и темным, с большой, дружелюбной улыбкой.

— Я знаю, — Сара старалась быть такой же холодной, как Гарри, но ее выдавала быстро

поднимавшаяся и опадавшая грудь.

— Хотя, я не ожидал увидеть тебя, — сказал Саймон Гарри.

— Я знаю, — эхом повторил за Сарой Гарри.

— Сара? — Ли последовала за ними наружу, обеспокоенная странным поведением Сары. — Все нормально?

— Ли, просто подожди меня в классе, я вернусь через минуту.

Рыжеволосая женщина улыбнулась.

— Ты Ли? Ли Бейн?

Сара почувствовала, словно кто-то вонзил нож ей прямо в сердце. Не впутывайте ее. Пожалуйста, не впутывайте ее...

— Твой отец столько мне рассказал о тебе. Я Люсинда Холл. Я работаю с ним в Иствуд Парке.

Сара снова начала дышать. Она не одна из них.

— О, Люсинда, да. Мой отец упоминал вас.

— Только хорошее, надеюсь! У нас новый футбольный тренер в команде развития спорта. Саймон Ноулес, — Люсинда указала на него.

— Приятно познакомиться, — сказала Ли, улыбаясь своей привычной солнечной улыбкой.

— Мне тоже. Надеюсь, что увижу тебя на тренировках.

— Обязательно. Люблю футбол.

— Представляю себе, с таким-то отцом! — засмеялась Люсинда теплым, дружелюбным смехом.

— Я скоро вернусь, Ли, — взмолилась Сара.

Пожалуйста, пожалуйста, уходи.

— Ладно. Приятно было наконец познакомиться, Люсинда. До встречи, Саймон.

— Рад был встретиться. — А затем продолжил. — Давай сразу договоримся, Люсинда. Я видел тебя в Иствуд Парке... посмотрим-ка... около трех, сойдет?

— Вы уверены? Значит, все решено?

— Да. Все будет без проблем.

— Тогда ладно, встретимся около трех. До встречи, — добавила она в сторону Гарри и Сары.

— Не против прогулки со мной? У меня тренировка через полчаса, — Саймон начал идти к площадке.

— Конечно. Мы поможем вам осмотреться, — ответил Гарри, словно все было нормально, словно ничего не случилось. Люди проходили мимо, и он не хотел привлекать внимания.

Они пошли на футбольное поле, под дождь. Там было безлюдно. Небо было серым и низким, и темно было, словно в сумерках. При каждом их шаге хлюпала трава. Они встали рядом с воротами.

— Так как ты собираешься меня убить? — спросила Сара.

— Ну, мой демон...

— Да, я уже это слышала. *«Мой демон — сильнейший из всех, вы можете убить остальных, но не моего. Это последний день вашей жизни...»*. Я знаю, знаю.

Саймон засмеялся, и его точеное лицо стало еще симпатичнее. Сара вздрогнула. Как обманчива могла быть внешность.

— Нет, я собирался сказать, что мой демон здесь, прямо сейчас.

Сара с Гарри замерли. Гарри вытащил скин ду, оглядываясь вокруг. Он надеялся, что никто их не увидит, или придется многое объяснять, но у них не было другого выбора.

— Гарри, — прошептала Сара. Внезапно она поняла, что имел в виду Саймон, когда сказал, что его демон здесь.

Саймон и есть демон.

— Гарри, — повторила она и посмотрела на него. Гарри больше не оглядывался. Его глаза остановились на лице Саймона. Он тоже понял.

— Ты демон? — спросила Сара.

«Ну вот», — подумал Гарри. — *«Она опять начнет трепаться с демоном. Всего пытается избежать убийства».*

— Не совсем. Он внутри меня. И его слуга тоже здесь.

Слуга? Его демон — Высший? Гарри почувствовал, как холодок прошелся по спине.

— Ладно, мне не интересно. Последний шанс отозвать демона, или я убью тебя, — вмешался Гарри.

Саймон засмеялся. *«Почему они всегда смеются им в лицо, как идиотские злодеи из пантомим?»* — подумала Сара раздраженно. — *«Что вообще в этом смешного?»*.

— Ты этого не сделаешь.

— Посмотрим.

— Люсинда прямо сейчас с Ли.

Сара ахнула. На секунду земля и небо поменялись местами.

— Что?

— Ну, настоящей Люсинды уже нет. Мой слуга с Ли, болтает о ее отце и футболе.

— Ты блефуешь, — прошептал Гарри.

— Не блефует, — сказал Сара в панике. — Он говорит правду, я чувствую. Скажи Люсинде отпустить ее. Она тебе ничего не сделала, они ничего не... Отпусти ее.

— Это зависит от тебя. Позволишь убить себя, и Ли спасется. В противном случае... ну мой слуга душит очень, очень быстро. И тихо. Думаю, у него талант.

— Он врёт. Он убьет тебя и Люсинда убьет Ли, — пробормотал Гарри.

Сара проигнорировала его.

— Ладно. Я согласна, — сказала она, пытаясь говорить твердо, но это прозвучало как мольба.

— Бесполезно. Они все равно убьют Ли. Сара, пожалуйста, — взмолился Гарри.

— Скажи, пусть найдет предлог выйти на ступеньки. Чтобы я видела, что она жива.

— Не думаю, что ты в правильном положении, чтобы ставить условия, Сара, — голос Саймона был любезным, чарующим.

— Говорю тебе. Они убьют ее, Сара. Это безнадежно для нее, — сказал Гарри.

— Так не может быть! Давай, возьми меня. Возьми меня! Я здесь! Смотри! — умоляла Сара. Она подняла руки и показала их Саймону. — Они холодные. Я не буду пользоваться Темной водой, обещаю. Возьми меня и отпусти ее...

Саймон открыл рот, чтобы ответить.

Прозвучал звук открывающейся бутылки, и струйка крови полилась изо рта Саймона.

На его шее была крошечная рана, жженая на краях. Саймон упал на траву с глухим звуком.

Сара обернулась к Гарри как раз вовремя, чтобы сквозь пелену слез заметить, что он

убирал в карман пистолет.

— Что ты наделал? — заплакала она. — Что ты наделал?

— Ты не ожидал, что я буду здесь, — прошептал Гарри труп. — Но я был. И посмотри, что случилось, — его глаза сияли, и от этого Саре захотелось убежать от него так далеко, как она только могла.

И тогда легкий, белый туман вышел изо рта Саймона и тихо смешался с туманом, поднимающимся с земли, исчезая из вида. Сара тихо плакала в тумане боли. Гарри сел на колени рядом с ней, взял ее лицо в свои руки.

— Сара. Послушай меня. Послушай. Слушай! Тебе нужно растворить Саймона.

— Ли, Ли! — тихо звала Сара.

— Сара! — крикнул он, заставляя ее вздрогнуть. Она отшатнулась от него, но он держал ее лицо.

— Ты должна растворить его, прежде чем нас кто-то увидит!

— Гарри... смотри, — прошептала она.

— Какого черта...?

Белый туман, исходивший изо рта Саймона, теперь кружился вокруг его тела размытыми кругами, словно создавая звезду. Через несколько секунд он взорвался и сжался в белую, маленькую, сияющую сферу, которая продолжала крутиться.

— Он не мертв. Демон не мертв, — прошептала Сара.

Труп Саймона лежал с открытым ртом. Сфера исчезла в нем и продвигалась по горлу. Они видели, как она сияет сквозь его тело, занимая место в груди, где билось бы его сердце, если бы он еще был жив.

Саймон начал подергиваться.

— О, Боже, — они в ужасе смотрели.

Медленно, болезненно, резкими, неестественными движениями, которые вызывали у Сары тошноту, труп Саймона встал и огляделся. Лицо Саймона все еще искажала смерть, его глаза все смотрели, челюсть отвисла — маска смерти. Кровь отхлынула от его лица, губы были синими. Он взвыл и сделал к Саре шаг. Гарри молниеносно бросился на него, снова повалив на землю.

— Сейчас! — крикнул он Саре.

Она встряхнулась и верхом села на Саймона, кладя руки ему на грудь. Ее лицо было прямо над ним, когда его кожа начала плавиться. Белая сфера появилась изо рта Саймона, остановилась на секунду, а потом задержалась у рта Сары. Гарри застыл. В следующее мгновение он уже знал, что произойдет.

Он ищет другого носителя. Как во сне Найла, где Сара не была собой!

Гарри бросился на Сару, прямо тогда, когда сфера молниеносно двинулась, готовая войти в горло Сары. Она искала ее рот, но ничего не нашла.

Сара лежала на земле, руки Гарри так крепко обхватывали ее грудь, что она почти задыхалась.

Без носителя, белая сфера растворилась в ничто, когда тело Саймона превратилось в темную воду. Демон опоздал.

— Он хотел завладеть тобой, — прошептал Гарри. Они лежали вдвоем несколько секунд, Гарри прижимал Сару к себе. Она вдохнула запах земли, запах смерти.

Ли мертва.

Через несколько секунд, Гарри отпустил Сару и помог ей подняться, его лицо холодное

и снова спокойное.

— Тебе нужно остаться в школе. Мы не можем привлекать внимания. Тебе нужно пойти обратно и притвориться, что ничего не случилось. Я не могу тебе с этим помочь. Ты должна сделать это сама. Ты меня поняла?

— Как ты мог? Мы могли ее спасти, — прошептала Сара, но Гарри уже схватил спортивную сумку Саймона и тихо ушел, как всегда.

Сара немного посидела, дрожа. Затем она вытерла слезы, поднялась и расправила форму. Она справилась с выражением на лице, и так быстро, что никто бы даже не заметил, что случилось что-то, кроме того, что ливень застал ее врасплох.

Она глубоко вздохнула и пошла к главному зданию.

Кто-то закричал.

Нашли тело Ли.

Глава 35. Скорбь

Отпусти меня.

Небеса разверзлись. Дождь превратился в ливень.

— Они убили бы и тебя тоже, — Сара лежала, свернувшись калачиком на кровати.

Гарри гладил ее по волосам.

— Я знаю.

— Прости.

— У меня будет сон о ней. Я чувствую.

Гарри подумал о милой, тихой девочке, которую знал. Ли.

— Она будет винить меня, — прошептала Сара в подушку.

— Это не твоя вина.

Сара не ответила.

Той ночью она видела их обоих. Мейриду и Ли. Они были на ветренном берегу, в каком-то диком и мучительном месте.

Сара ждала, сидя на гальке. Она чувствовала привкус соли в воздухе. Ветер был таким сильным, что спутывал ее волосы. Она почувствовала руку на своем плече, и вот они уже сидели по обе стороны от нее. Мейрида была одета в короткое синее платье-сарафан, ее светлые волосы спадали по плечам. На Ли была ее школьная форма, как и в день убийства.

— Мне жаль... — начала Сара, но Мейрида положила холодный палец ей на губы.

Ли положила голову на плечо Сары и взяла ее за руку. Они сидели близко друг к другу с переплетенными руками.

Саре было так грустно, что она даже не плакала. Через некоторое время тишины, Мейрида и Ли встали. Они ни разу не заговорили.

Сара смотрела, как они входят в море, пока волны не поглотили из обеих. Она видела, как светлые волосы смешиваются с каштановыми, плавая в пене, а затем — ничего.

Небо было серым и наполненным готовым пролиться дождем, словно слезами.

Больше нечего было сказать, не о чем подумать. Сара сидела, обнимая колени, ожидая пробуждения.

Может, скоро я присоединюсь к ним.

Море было холодными, серым, как небо, и таким же большим и одиноким.

Когда она проснулась, Сара не произнесла ни звука. Она не хотела, чтобы приходил Гарри. Она хотела, чтобы никто не приходил. Она хотела побыть одной, в тишине.

Глава 36. Рука в моей руке

Животное под моей кожей.

Зубы и когти.

Тайная я.

Последствия были ужасными. Сара хотела пойти на похороны Ли, но знала, что не может. Знала, что может привести с собой опасность. Она попросила Гарри сказать всем, что она все еще была слишком травмирована после смерти родителей, чтобы прийти.

Ли была повсюду, все говорили о ней. Девушку убили в академии Тринити. Ни следа, ни зацепки насчет того, кто это сделал.

Брайони и Элис приходили к ней домой, но Сара сказала отправить их обратно. Она не могла находиться рядом с ними. Если еще кто-нибудь умрет из-за нее...

Школа была закрыта на три дня, и это были самые длинные три дня в ее жизни. Она отказывалась говорить и есть, и Гарри не давил на нее. Когда он понял, что она хочет помолчать, он поддался. Она лишь лежала на кровати и смотрела в окно.

Гарри всем сердцем надеялся, что на них сейчас не нападут, и она не станет легкой мишенью. Слуга Саймона все еще поблизости. Как он выглядит? Он все еще владеет телом Люсинды?

Гарри боялся, что Сара не сможет выдержать битву в таком состоянии.

Он ошибался.

Сара первой услышала рев.

— Гарри, — сказала она, и ее голос был хриплым от молчания.

— Да, — Гарри тоже это услышал. Вернулся слуга Саймона. Передышка окончена.

— Открой дверь, и спрячься за ней, — прошептал Гарри во второй раз с момента их знакомства. Сара посмотрела на него и не ответила. Гарри моргнул. Она странно выглядела. По-другому.

И вдруг он понял, что она не собирается делать, что он сказал. Снова.

«О, Боже, она хочет, чтобы ее убили!» — испуганно подумал Гарри.

Но он снова ошибался.

Сара открыла дверь и непоколебимо стояла. Женщина, которая однажды была Люсиндой, низко зарычала. Теперь Люсинда была мертва несколько дней, и ее тело начало разлагаться — кончики пальцев уже потемнели, ее глаза были пустыми. Глаза мертвеца.

Люсинда была готова прыгнуть, ее твердое тело подчинялось воле демона. Движения были болезненными, резкими. На долю секунды Сара позволила заглянуть ей в глаза. Время замерло, пока взгляд Миднайта действовал на демона.

Люсинда вздрогнула и попыталась напасть, но это был нерешительный, однобокий прыжок, который никуда ее не привел. Она завопила, и этот звук все еще был жутко похож на человеческий.

Сара схватила короткие волосы Люсинды обеими руками и бросила ее на землю, прижимая к полу и не отводя взгляда.

Гарри не мог поверить. Это была Сара? Как ей удалось?

А потом он понял. Он видел, как настоящий Гарри это делал. Конечно. Взгляд Миднайта. Она только взглянула на Люсинду, посмотрела ей в глаза, и этого было достаточно. Она не могла делать этого раньше.

Люсинда заскулила. Она не могла пошевелиться, ее мышцы подергивались, слюна текла изо рта.

— Гарри, кинжал, — позвала Сара, не отводя взгляда от Люсинды.

Гарри бросил ей скин ду, и Сара подняла руку, чтобы поймать его, отворачиваясь на долю секунды. Гарри мельком увидел ее лицо. Он ахнул.

Мораг Миднайт.

Фотографии, которые показывал ему настоящий Гарри. Те же глаза, то же выражение.

Наконец-то. Сара становилась такой, какой должна быть. Одной из них.

А потом пришло понимание: Гарри ненавидел видеть Сару такой. Она становилась настоящей Миднайта, как ее бабушка. Это было необходимо, об этом Гарри говорил ей со дня их встречи, но он ненавидел это. Это было, словно погружать розу в сталь. От понимания у него закружилась голова.

Той секунды, на которую глаза Сары покинули Люсинду, хватило, чтобы демон поднялся на ноги, резко трясая головой, пытаясь развеять чары Сары. Они снова встретились лицом к лицу, и лицо Люсинды было искажено от животного воя, но лицо Сары холодное, словно луна. Взгляд Миднайта снова был на демоне, заставляя его взвыть. Ноги демона подкашивались, пока он, наконец, не упал. Он снова издал полный боли крик.

«Сейчас Сара попытается пощадить ее», — подумал Гарри. Она всегда пытается избежать убийства.

Но этого не случилось. Не в этот раз. Сара схватила демона за волосы, заставляя его поднять голову и обнажить шею. Это был глубокий, широкий порез, от уха до уха. У Люсинды не было шанса.

Сара издала странный звук — рык триумфа и ненависти. Темная кровь текла из раны Люсинды и ее рта, стекая по подбородку. Она задыхалась и хрипела, пытаясь вдохнуть, но захлебывалась собственной кровью.

На лице Сары не было ни следа милосердия. Она ждала, пока демон не перестанет двигаться. Она встала, не говоря ни слова.

Смерть Ли сделала это с ней. Смерть Ли изменила ее, — понял Гарри.

— Ты в порядке?

Сара посмотрела на Гарри, чтобы ответить, но сделала это слишком быстро, и взгляд Миднайта ударил его острой болью, словно лезвие между глаз.

Сара быстро моргнула.

— Прости, — она глубоко вздохнула. — Я уберу здесь все.

Конечно. Что еще можно было сказать?

Гарри потер лоб. Все еще болело.

Он смотрел, как Сара присела рядом с Люсиндой, готовясь расплавить ее. Это новая Сара, незнакомка, занявшая ее место. Он запер дверь на замок и цепочку, на всякий случай.

По крайней мере, она снова говорит.

Сара почувствовала себя лучше после охоты. Она снова чувствовала себя собой, даже если ей было так больно за смерть Ли. Она снова была готова сражаться. Впервые, впервые за всю жизнь, она чувствовала такое освобождение. Теперь она словно бы понимала их — своих родителей, Гарри, свою бабушку — как боль заставляла их себя чувствовать. Пустыми. Слабыми. Уставшими. Словно какое-то давление покинуло их, их разумы, их руки.

Освобождение.

Сара знала, что сны заберут ее этой ночью. Когда она почувствовала, что засыпает, она

не боролась с ними. Она была напугана, но позволила себя забрать. Ей нужно было посмотреть, что скажет сон, нужно было положить всему этому конец. Никого больше не убьют, — поклялась она себе. Никого.

Сара закрыла глаза и открыла их во сне. Она стояла в вереске, в знакомом месте с пурпурным небом. Трава сияла, мокрая от росы. Кто-то к ней шел. Она сразу же узнала его, то, как он ходит — быстро, словно он всегда занят, чуть наклонен вперед, направляясь к следующей задаче, следующему приключению.

Это был Гарри. Сара начала бежать к нему. Они встретились на полпути, на небольшом склоне между двумя холмами. Она была так счастлива, видеть его. Его, вместо какого-то жуткого чудовища. Она посмотрела ему в лицо, и он улыбнулся, его глаза были наполнены теплом. Сара улыбнулась в ответ.

Но улыбка умерла у нее на губах.

Что-то было не так.

Гарри больше не был Гарри. Его лицо менялось, словно он превращался в кого-то другого. В одно мгновение он был собой, его сияющие голубые глаза были на месте, а в следующее — перед ней стоял светловолосый мужчина с зелеными глазами, отражением ее собственных. С тем же лицом, что у нее. Он выглядел, как близнец ее отца. Он выглядел, как ее близнец.

Сара собиралась спросить, что он такое, когда она снова превратился в Гарри с ясными глазами и ямочкой на левой щеке. Но он выглядел печальным.

— Сара, мне нужно идти, — сказал он. Его лицо было полно боли.

— Идти? Куда? Я не понимаю.

— Мне нужно идти. Мне нужно оставить тебя. Мне жаль.

Сара почувствовала, словно сердце вырывают из груди.

— Почему?

— Мне жаль, — повторил он. Он отвернулся и начал идти. Сара хотела побежать за ним, но она приросла к земле. Она не могла пошевелиться.

— Гарри! — позвала она.

Он не обернулся.

— Сара! Проснись! Сара!

Гарри знал, что ему не следовало будить ее, что ему нужно было дождаться конца видения, чтобы они смогли извлечь из него максимум информации. Но он не мог видеть ее такой.

Сара открыла глаза и увидела Гарри, склонившегося над ее кроватью. Она обвила руки вокруг него и спрятала лицо у него на шее.

— Шшшш... все закончилось... не бойся.

Гарри был в ярости, полон невыразимого гнева. Почему она должна так мучиться? Ради Бога! Они что, сами себе не могут помочь?

Он больше не уважал миссию Миднайтов. Не уважал свято. Быть Провидцем — просто проклятье. Они спасали жизни, да. Но не свои. И жизнь Сары было единственным, что имело для него значение.

Сара дрожала, она не могла успокоиться. Гарри начал волноваться. Она должна уже немного прийти в себя. Что она видела?

— Сара, все в порядке... — она прижалась к нему еще крепче. — Что тебе снилось?

Она покачала головой. Она не хотела говорить. Слишком больно.

— Сара...

— Ты бросил меня, — прошептала она.

— Я не собираюсь никуда уходить.

Сара долго смотрела на него, будто ища что-то в его глазах.

— Мне снилось, что ты не был... собой. И что ты бросал меня.

— О, Сара, — он взял ее лицо в свои руки. — Это просто дурацкий сон. Не видение. Всем снятся такие сны. Я никогда не уйду, я никогда тебя не оставлю.

Сара посмотрела на него несчастными глазами и снова вернулась на свое место на его плече. Гарри гладил ее по волосам, пока она глубоко не вздохнула и не расслабилась.

— Что ты не был собой, — сказала она.

Это не было видение. Я никогда не собираюсь уходить. Только если она сама меня не попросит.

— Ты — все, что у меня есть, — прошептал он в ее мягкие волосы.

— Ты — все, что у меня есть, — сказала Сара в ответ.

Как называется это чувство? Когда не можешь без кого-то жить? Я не могу назвать его. Я не могу назвать то, что не должна чувствовать.

Глава 37. В большой спешке

Все сны под водой.

Из всех лишь один

Принадлежит мне.

Гранд-Айл, Луизиана

— Найл, иди сюда.

— Что такое?

— Это Сабха. Я думаю, что нашел какой-то канал, по которому они общаются.

Найл оторвался от собственного компьютера и встал рядом с Майком, перегнувшись через спинку его стула. Экран отражал их лица — черное как ночь Майка и по-ирландски белое Найла, у обоих расширенные глаза, оба в ужасе.

— Боже мой. Это предатели.

Найл почувствовал головокружение. Он посмотрел на море, на его непрозрачные зеленые воды под желтеющим небом. Мелкие капли дождя покрывали окна, капли становились больше с каждой секундой. Шторм прибывал из Мексиканского залива. Он видел туман, находящийся на земле, словно армия.

— Нам надо позвонить Шону.

— Уже.

— Подожди секунду. Тут что-то еще. Смотри, — в голосе Майка было что-то, посылающее мурашки по спине Найла. Страх. Леденящий ужас.

— Найл. Это карта, это вид на Луизиану со спутника. Это Гранд-Айл. О, черт, это наше хижина! Они нас нашли!

— Выключи! Выключай все! — Майк схватил провода и вырвал их из стены, пока Найл выключал все оборудование, которое попадалось на глаза. Все экраны в комнате погасли, компьютеры тихо жужжали, а потом затихли. Без света экранов комната вдруг казалась темной, и неестественный желтый свет, предвещающий шторм, проникал сквозь окно.

Майк встал и провел рукой по волосам. Найл посмотрел в лицо друга, и миллион невысказанных слов пролегли между ними.

Они оба знали, что было слишком поздно. Они оба знали, что их нашли, и что предатели из Сабха найдут их, и это лишь вопрос времени.

Глава 38. Детские мечты

Ветер с дождем скрывают мои страдания.

Стоя на холоде,

Дочь места, которого больше нет,

Знала, что тебе нужно уходить.

Дождь стучал по крыше, стекая по окнам, просачиваясь в сад Анны. Было темно, и небо было таким темным, таким грозным, что казалось, что оно хочет разверзнуться и поглотить землю. Сара любила дождь, но у нее было странное предчувствие, которое преследовало ее с того дня, как заговорил сапфир, и погода добавилась к ним.

Когда она сказала Гарри, что сапфир снова пел, он тихо кивнул. Словно они сделали безмолвный выбор спокойно ждать, хвататься за моменты покоя. Это был медленный день, медленный и сонный, и они вдвоем жили в собственном мире. Сара играла, Гарри слушал. Сара писала в дневник, Гарри читал книги, которые нашел в вещах Джеймса. Потом музыка, чай и тихие разговоры, не имеющие ничего общего со смертью, опасностью и тем, что их поджидало.

В голове Сары крутились мысли о ее почти-поцелуе.

У меня и с этим было все странно. Разве я не могу побыть нормальной хоть раз?

Она глубоко вздохнула. Мастерница. Наконец-то. Наконец-то. Уже почти конец. Последнее имя в списке. Это должна быть она. Кэтрин Холлоу.

— Скоро прослушивание, — мечтательно сказала Сара, касаясь пальцами нот, которые аккуратно были сложены на журнальном столике.

— Давай сосредоточимся на выживании, а о твоей карьере подумаем позже.

— Справедливо, — вздохнула Сара.

— Если ты не поступишь в ККШ, можешь попасть куда-нибудь еще. Много где можно изучать музыку.

— Мама туда ходила. И я не хочу переезжать из этого дома.

— Это будет всего на три года. Я бы поехал с тобой.

— Ты бы поехал со мной?

— Если хочешь, — быстро добавил он. — Нет, если ты бы предпочла своих друзей.

— Что скажут друзья, если увидят, чем я занимаюсь ночью? — грустно сказала она.

— Думаю, ты права. Я-то привык к этому, — он улыбнулся.

— Именно. И ты поддерживаешь мой уровень кофеина, — она улыбнулась в ответ.

— Я буду тебе готовить и натирать твою виолончель.

Сара засмеялась.

— Буду делать тебе суп после концертов.

— И гладить мои концертные платья.

— Нет, я ужасно глажу. Ты была бы помятым музыкантом.

Они посмотрели друг на друга. Несколько несказанных слов.

А затем Гарри выбрал сарказм.

— Идеальное время вы выбрали, Валайя. Прямо перед твоим прослушиванием.

— Да, идеальное. Как раз вовремя, чтобы разрушить мне будущее!

— Если у тебя вообще будет будущее.

Он был прав. Она подумала о Ли, и комок слез образовался в горле. Как я могла

смеяться минуту назад? Как я вообще смогу смеяться, если она мертва?

— Я пойду приму душ, — сказала она с хрипотцой в голосе.

Гарри почувствовал изменение в ее настроении и захотел найти способ вернуть ее обратно из печали. Но он не мог.

— Я приготовлю обед, — сказал он вместо этого.

Я присмотрю за тобой — вот что он имел в виду.

Сара разделась под пристальным взглядом Тени и включила воду в душе. Она сидела на кровати, завернутая в полотенце и ждала, пока побежит горячая вода.

Звук далекого грома раздался в комнате, а затем новая вспышка сильного дождя по стеклу. Небо было желтым. Сильный шторм приближался с моря.

Сара задрожала. Она не могла успокоить сердце, не могла заставить кровь бежать так, как она должна. Она чувствовала тревогу, натянутую, словно струна ее виолончели.

Она закрыла дверь ванной и отгородилась от мира. Пар покрыл зеркала, и в комнате было тепло и влажно. Это был ее собственный мир, полный сладких запахов и средств, место, где она могла побыть одна и в безопасности. Сара аккуратно сложила полотенце, положив его рядом с раковиной, и зашла в душевую кабинку. Это было замечательно. Она закрыла глаза, позволяя воде стекать по волосам, лицу, телу, словно сотня нежных рук смывали страх. Она намылилась душистым персиковым мылом, вдыхая прекрасный аромат. Сделала глубокий вдох, и часть напряжения покинула ее.

Лучше.

Она не могла вытащить себя из-под горячей воды более чем пятьдесят минут. Она заставила себя выйти из душевой кабинки, быстро потянувшись за полотенцем рядом с раковиной. Завернувшись в него, с ее волос капала вода...

Стоя перед запотевшим стеклом, Сара взяла еще одно полотенце и начала вытирать свои длинные волосы. Она мельком увидела себя в запотевшем зеркале — призрак бледной девушки с белой кожей, волосами чернее ночи и встревоженными глазами, слишком много всего повидавшими. Она открыла лосьон для тела и начала втирать его в ноги, наслаждаясь приятным ароматом и ощущением мягкости на коже. Ее руки были грубыми из-за постоянной уборки. Сара с жалостью посмотрела на них.

Внезапно холодок побежал по ее телу. В комнате изменилась температура, словно кто-то выпускал наружу пар. Сара вздрогнула.

Она замерла.

Дверь ванной была слегка приоткрыта.

— Гарри?

Он не мог просто так войти. Не вошел бы в ванную, пока я принимаю душ.

— Гарри? — позвала она снова.

Сара чувствовала себя голой, незащищенной в одном лишь полотенце. С ее волос по спине стекала вода.

Ничего. Это сквозняк. Ничего.

Она шагнула к двери. Ее рука почти касалась ручки, когда ее выхватили и широко открыли.

— Здравствуй, Сара.

Перед ней стояла женщина — низенькая, светловолосая женщина с холодными глазами и черной татуировкой на шее. Кольцо. На секунду Сара погрузилась во тьму и почувствовала, как подкашиваются ноги. Ее сердце стучало так сильно, что она подумала, что умрет от

страха.

Скин ду на моем столе. Мои руки. Мне нужна Темная вода. Гарри, она здесь, Гарри! Мысли взрывались в ее голове, словно фейерверки с оглушительными звуками, но одна была громче остальных: она пришла убить меня.

— Ты Мастерница? — прошептала она, ее голос звучал издалека, словно говорил кто-то другой.

— Я Кэти Дагган. Или Кэтрин Холлоу, смотря как тебе больше нравится. Иди и присядь, дорогая.

Дорогая?

Она коснулась руки Сары, подводя ее к кровати. Сара подскочила при прикосновении, и Кэти засмеялась.

— Я не собираюсь тебя убивать, глупышка! — пальцы Кэти впились в голую кожу Сары, когда она заставила ее сесть рядом.

Сара размяла руки, чувствуя, как они наливаются темной водой... но ее инстинкты говорили, что ей нужно выслушать Кэти.

Кэти улыбалась. Она была красива: поразительные голубые глаза, высокие скулы и белокурые вьющиеся волосы, обрамляющие лицо. И все же, была в ее глазах какая-то тьма, бесконечная тьма. И что-то еще.

Ярость. Чистая ярость, и она направлена на меня. Почему?

— Зачем ты здесь, если не собираешься убивать? — Сара дрожала так, что ее зубы начали стучать. Она хотела убежать, кричать, но не могла пошевелиться, не могла крикнуть. Ее кровь превратилась в лед.

— Мне нравится смотреть, как ты сходишь с ума от страха. Поэтому я здесь.

О, Боже. Она и вправду сумасшедшая.

— У тебя глаза отца, — Кэти погладила ее лицо холодными, изящными пальцами. — Жаль, что волосы матери, — она нежно пробежалась рукой по ее влажным волосам, а потом вдруг больно дернула, заставляя Сару слабо вскрикнуть.

— Все почти закончилось, — прошептала Кэти, глядя Сару по волосам длинными, мягкими движениями. — Каким-то образом тебе удалось убить их всех. Но не меня. Пришел конец Миднайтов.

— Когда?

— Скоро, моя дорогая. Мне нравится видеть тебя напуганной, но это не может длиться вечно, правда же? Даже все лучшее когда-нибудь заканчивается.

— Где?

— Думаю, ты знаешь. У меня для тебя хороший сюрприз. О, кстати, продолжай заниматься со своей виолончелью. Мне говорили, что ты хороша.

Кто тебе говорил?

— Жаль, что ты умрешь слишком молодой, чтобы что-то с этим сделать.

«Сумасшедшая корова», — подумала Сара, ненависть горела в ней. Кэти снова коснулась ее лица. Сара отпрянула.

— Скоро все закончится, дитя. О, и передай от меня сообщение... Гарри. Скажи, что я знаю, — Кэти наклонилась, чтобы поцеловать ее, и ощущение холодных губ Кэти на своей щеке заставило Сару поморщиться.

Тело Кэти, кажется, размывалось, медленно теряло очертания. Она встала с кровати и вылетела из окна, словно призрак. Теперь она была лишь контуром воды на стекле, пока,

наконец, не исчез и он.

Остался лишь звук дождя, барабнящего по окнам.

— Она была здесь. Мастерница. Она была в моей комнате.

Гарри поднял глаза от своего телефона и увидел Сару в дверном проеме, белую и дрожащую. Она надела джинсы и футболку, и ее волосы спадали влажными прядями по плечам.

— О, Боже, Сара, ты в порядке? Где она?

— Она ушла. Я в порядке, — Сара коснулась левой руки, и глаза Гарри устремились туда же. Красный отпечаток ее жестких пальцев медленно розовел. Гарри взял руки Сары и почувствовал, как они дрожат.

— Что она сказала?

— Что они придут за мной. Скоро. И что я знаю, где это случится. Но я не могу понять где... — Сара покачала головой.

— Шшшш. Не думай об этом сейчас.

— Она передала для тебя сообщение.

Сердце Гарри остановилось. Она знает. О, Боже, она знает.

— Она сказала передать тебе, что она знает, — эхом ответила Сара.

Да. Конечно.

Конечно.

— Что она имела в виду?

— Ничего. Она просто сумасшедшая.

Сара изучила его глаза. Он что-то от меня скрывает. Но она не могла думать об этом сейчас, она должна была спрятать лицо у него на груди, вдохнуть его. Гарри.

— Она исчезла, — сказала она в его плечо. — Словно... растворилась. Как она это сделала?

— Я думаю... думаю, это была не она. Она на самом деле не была здесь. Ее астральная сущность, или астральное отражение, как это называют. Она может перемещаться из своего тела.

— Она была достаточно настоящей, — она показала ему темнеющий синяк на руке.

— Астральные отражения могут касаться, могут чувствовать прикосновения.

— Ты можешь это делать? Можешь перемещаться из своего тела?

— Нет.

Сара крепче обняла его. Она хотела спрятать лицо в изгибе его шеи и остаться там. Навсегда. Они молча сидели в объятиях друг друга, каждый думал о своем, каждый нес свое бремя. Они оба чувствовали, что земля скоро разверзнется у них под ногами, и оба боялись, что падение их убьет.

Это было просто, словно дышать, правда, тело Сары само это делало за нее, она не контролировала его. Ей нужно быть ближе к нему, и все. Она должна спрятать лицо у него на груди и крепко обнимать, вдыхая его запах, касаться его затылка и сомкнуть руки за спиной, чтобы никогда не отпускать его. Она чувствовала себя такой одинокой, что хотела плакать. Он был единственным, кто мог ее спасти.

Она не ожидала, что он нарушит правила. Она не ожидала, что он просто повалит ее на диван, прижимая плечи. Она представить не могла, что хотела, чтобы он это сделал, так же, как и он хотел, и даже больше. Она поняла, что до этого самого мгновения даже не знала, что такое желание. Она никогда раньше его не чувствовала, и оно было сильным, как ужас,

сладким, как любовь. Она думала, что это было так неправильно — это покалывание, пробегающее по телу, не оставляющее ей никакого выбора, кроме как сдаться.

Волна нежности захлестнула ее с ног до головы, и оставила ее теплой и податливой, готовой упасть. Она чувствовала, как тает одиночество, и впервые в жизни она чувствовала себя в безопасности.

Гарри тонул. Он боялся, что завтра все будет кончено — он в любом случае знал, что скоро все закончится. Он не мог потерять ее, не завладев ею первым. Когда она нежно обняла его руками, он больше не мог этого выносить.

Я не твой друг. Я не твоя семья.

Я люблю тебя.

— Ты — все, что у меня есть, — прошептал он в ее шею. Их мантра, их тайный код. Единственное «Я люблю тебя», которое им разрешалось произносить.

Он высвободился из ее рук и толкнул на диван, прижимая за плечи. И в ужасе застыл на мгновение, понимая, что наделал. Она удивленно смотрела на него широкими глазами. Но что-то еще было в ее глазах, и это что-то заставило его дрожать. Это было «да». Он взял ее лицо в свои руки и медленно, глубоко поцеловал ее, пока она снова и снова не обвиняла руки вокруг него и притягивала ближе, пока каждая капля крови в ее жилах превращалась в мед.

«Мой первый поцелуй», — подумала она. Так вот как это, вот о чем все говорят...

Гарри боялся собственного желания и попытался отстраниться. Она была такой маленькой и незащищенной в его руках. Он хотел защитить ее, он никогда не причинит ей боли. А затем нежность сменилась голодом, таким сильным, что он был выше его воли. Еще немного, еще немного... Я остановлюсь через секунду, пока не будет слишком поздно... Обещаю, я остановлюсь. Она издала звук, словно маленькое животное, и сильнее, крепче прижалась к нему. Он знал, что должен ее остановить. Не так, не пока ты не знаешь кто я.

Он оторвался от ее губ и тела, снова мягко обнимая, как и раньше.

Сара почувствовала изменение, и была подавлена, но позволила ему обнимать себя, потому что отстраниться будет маленькой смертью. Она чувствовала себя жидкой, бесформенной и он помогал ей не раствориться. Гарри почувствовал ее растерянность и взял ее лицо в свои руки. Она выглядела потерянной.

— Скоро, когда все это закончится, — пообещал он.

«Если он бросит меня, я умру», — подумала Сара и тут же отбросила эту мысль, словно она была кометой с неба — прекрасной и сияющей, но для всех — печальным предзнаменованием.

Глава 39. Смотрящие глаза

*Время возводить, время разрушать,
А не хранить.*

Кэти

Я наблюдала за тобой долгое время, смотря, как ты растешь. Я была там, когда ты вышла из больницы на маминых руках. Я заглядывала в коляску, когда ты спала в саду. Как бы легко было задушить тебя тогда.

Я наблюдала за тобой в окно, когда ты играла на коврикe и ползала вокруг. Я сидела перед твоей школой и ждала, пока ты выйдешь в своем маленьком переднике и красном пальто. Как легко было бы похитить тебя тогда, забрать навсегда.

Я была там, когда ты впервые играла на концерте для школ, сидела там, где ты не увидишь меня. Меня тошнило от всего этого. Я видела дочь, которую должна была иметь, жизнь, которая должна была быть моей. И все же, я не могла оставаться в стороне.

Мне даже не приходило в голову жить собственной жизнью. Какая жизнь может быть без Джеймса, без его детей? Вообще без детей?

Я много, много раз приближалась к твоему убийству. Особенно, с тех пор как появился Ноктюрн. Мы наблюдали за тобой на карусели, ты была в своем маленьком пальто и любимых блестящих туфлях и твои волосы развевались на ветру. Как я ненавижу эти волосы, волосы твоей матери! Мы наблюдали за тобой из кустов вдоль реки, молча и неподвижно.

Ты нас видела, но я не думаю, что поняла это. Не думаю, что ты понимала, что смотришь в лицо своей смерти. Тебе было лишь семь.

Я почти приказала Ноктюрну пойти и свернуть тебе шею.

Я почти приказала ему привести тебя ко мне, чтобы мы смогли быть матерью и дочерью. Я могла бы вырастить тебя. Но я знала, что это невозможно. У тебя ее волосы — бесконечное напоминание о том, что ты не моя. Как ты можешь быть моей дочерью, если у тебя кровь Анны в жилах?

Мы ждали, мы с Ноктюрном, ждали подходящего времени уничтожить твоих родителей. Мы ждали подходящего времени уничтожить тебя.

В следующий раз, когда я увижу твои черные волосы, спадающие по спине, они станут красными.

Моя милая, милая Сара.

Глава 40. Ложь

Хотел бы я, чтобы мир для нас изменился.

Они были в гостиной, ждали. Сара продолжала ходить туда-назад, по пути выпрямляя все, что попадется под руку, смахивая частицы пыли, вытирая невидимые пятна. Она приготовила обед, что-то со слоеным тестом, и они съели его, даже не заметив. Они знали, что должны заставить себя поесть, но просто не могли. Они пили кофе, чтобы продолжать двигаться. Слова Кэти повисли между ними *«Мне нравится смотреть, как ты сходишь с ума от страха»*. Ей определенно это удавалось.

Время проходило, час за часом, словно дождь, барабанивший по окну. Дом был окутан абсолютной тишиной. Наступила ночь, и стало не намного темнее, чем было днем. Ливень уже был менее сильным, но дождик все еще продолжал капать.

— Интересно, как выглядит демон Кэти? — Сара сортировала свои диски в алфавитном порядке.

Гарри не ответил. У него за поясом был пистолет. Он был готов воспользоваться им. Готов заставить Кэти замолчать.

— Сара, тебе нужно поспать. Они пытаются вымотать нас.

— Тебе тоже.

— Я все равно никогда не сплю. Ты первая. Давай.

Гарри сел в кресло Сары, а Сара легла на кровать, полностью одетая. Она долго ворочалась, но, наконец, уснула.

И ей снился сон.

Она была в игровом парке, на карусели. Она видела собственные ноги, руки, но они были детскими. Она была одета в красное пальто, которое носила в семь, и черные блестящие балетки.

Я снова ребенок.

Она кружилась и кружилась. Это было днем, но свет был приглушенным, и небо заволкло тучами. Никого не было вокруг. Как и обычно в ее снах, она чувствовала, словно была единственным человеком во всем мире.

Когда она обернулась, то уголком глаза заметила что-то странное. Что-то на нее смотрело. Кто-то. Выглядело, как человек, но он был очень, очень высоким и полностью черным. Его глаза светились красным между ветками, на краю игрового парка. Его огромные руки спускались к коленям.

Сердечко Сары начало биться в два раза быстрее. Она попыталась остановиться и прыгнуть, но карусель кружилась слишком быстро. Она проехала еще один круг и снова увидела его.

И снова.

А потом — нет. Оно ушло.

Карусель остановилась, и Сара в ужасе прыгнула. Она обернулась. Она крутилась на месте, и серое небо крутилась вместе с ней, пока она снова не увидела его.

Он был прямо перед ней, поднимал ее за плечи к своему лицу.

Она закричала и проснулась в своей комнате.

— Гарри, детский парк! — выдохнула она.

— Что?

— Он в игровом парке. Я видела. Вот что она имела в виду, когда сказала, где это случится. — Она прыгнула с кровати. — Пойдем.

Они бежали всю дорогу в темноте. Сара так сильно хотела, наконец, закончить все это. Она хотела быть свободной или умереть. Она не могла больше жить в постоянной опасности.

Она посмотрела на часы. Час ночи. Стояла мертвая тишина, темноту нарушали лишь уличные фонари и неоновые вывески на другом берегу реки.

Она стояла рядом с каруселью и ждала, пока Гарри нарезал вокруг нее круги соскин ду в руках, его пистолет за поясом.

И они пришли.

— Привет, Сара. Как ты, моя дорогая? — Кэти подошла к ним, улыбаясь своей звездной улыбкой, словно они встретились за чашечкой кофе. Она села на карусель и похлопала по месту рядом с собой. — Присядь, давай поговорим, — сказала она ласково. Сара почувствовала тошноту. — Я не могу задержаться надолго. Потом я оставлю тебя Ноктюрну.

Гарри ахнул и лихорадочно огляделся. Он знал, кто такой Ноктюрн. Все Егери знали.

— Прежде чем ты умрешь, я хочу кое-что рассказать тебе, Сара. Этот человек, — Кэти указала на Гарри, словно рассказывала какую-то смешную историю, — не тот, за кого себя выдает.

Гарри зарычал и бросился на нее. Кэти упала, ударяясь о металлический стержень головой. Она сидела на коленях на асфальте, держась за голову.

— Гарри! — прошептала Сара.

Что-то появилось из темноты, что-то с красными глазами и поблескивающими зубами. Что-то наблюдало за ними, прячась. Ноктюрн, создание из сна Сары.

А затем что-то щелкнуло в голове Сары. Это был не сон. Это было воспоминание.

Она видела его в том же игровом парке много лет назад. Анна ушла купить хлеба на другой стороне моста и попросила Сару подождать здесь. Она сидела на карусели и увидела... его. В кустах.

Это было предзнаменованием того, что случится десять лет спустя? Так я встречу свою смерть?

Ноктюрн побежал к ним и неожиданно нежно помог Кэти.

— Сара, не слушай ее, — лицо Гарри было очень белым в оранжевом свете уличных фонарей.

— Этот человек — не твой кузен, — прошипела она. — Его зовут Шон Ханни. Он врал тебе все это время.

— Не слушай ее...

— Он убил твоего кузена, чтобы занять его место. Он хотел быть Миднайтом, он хотел этого больше всего. И он убил ради этого.

— Что? — Сара почувствовала, как кружится голова. Она посмотрела в лицо Гарри.

Гарри справился с выражением своего лица как можно быстрее, нацепив маску пренебрежения.

— Она сумасшедшая! Не слушай ее!

Но было слишком поздно. Она видела. Она видела правду в его глазах, всего на долю секунды. Она знала.

— Гарри...

— Сара... — он чувствовал, как мир кружится вокруг него. Все падало, и он стоял в

пустыне камней, пыли и ничего больше. Надежда, любовь, гордость — все ушло, словно песок сквозь пальцы. Он не мог держаться. Он не мог это остановить.

— Мой сон прошлой ночью... вот что он значило? — прошептала Сара.

Она почувствовала, как разбивается сердце. Это ощущение было таким реальным, что она поднесла руку к груди. Вот оно, бьется. Трепещет, как умирающая бабочка.

— Я не убивал Гарри. Я бы никогда не навредил ему. Дай мне объяснить...

— Ты лгал мне. Все это время ты лгал.

Волна ярости захлестнула ее, и она тонула в ней. Словно тогда, когда она разнесла комнату родителей и сожгла дневник слов. Она была так зла, что стала самой яростью, пустой оболочкой для всепоглощающего гнева. Она подошла к Гарри под улыбающимся взглядом Кэти и подняла руки. Она чувствовала, как сила приливает к ним, жжет их...

Гарри не пошевелился, не защищался. Он закрыл глаза и решил позволить этому случиться.

Но Темной воды не было. Вместо этого Сара побелела и застыла, глядя на свои трясущиеся руки. Они больше не горели. Внезапно они были ледяными. Пустыми. Ее сила ушла.

Темная вода ушла.

Выражение ужаса и отчаяния на ее лице потряс даже Кэти на мгновение. Лишь на мгновение.

Ничего не осталось. Моя сила ушла. Я больше не владею Темной водой.

Она подняла взгляд на Ноктюрна. Она знала, что он делал что-то с ней все эти годы, пока она была маленькой девочкой.

Он ждал все это время? Так я должна уйти?

Она посмотрела ему прямо в глаза. Ноктюрн склонил голову набок.

Гарри взревел и встал между Сарой и демоном, но Ноктюрн ударил его по лицу так сильно, что он без сознания упал на асфальт. Сара опустила голову и ожидала удара, ждала, пока он сломает ей шею.

— Оставь ее, — глубокий мужской голос.

Она знала этот голос.

Она подняла взгляд. Листок появился рядом с ней из ниоткуда.

— Кто ты? — спросила Кэти.

— Я — огонь.

Он присел на корточки и коснулся травинки кончиком указательного пальца. Трава была влажной после дождя, но все равно вспыхнула. Крошечные огоньки превращались в высокий огонь, поглощающий деревья вокруг.

«Я был прав, он — огонь», — удивленно удалось подумать Гарри. После удара его разум находился между сном и реальностью. Каким-то образом он знал. Он видел это в глазах Листка, когда он спас Сару от тумана.

Ноктюрн не отвлекся на огонь. Он сделал два огромных шага к Саре и поднял ее за плечи, прямо как во сне. Сара подумала, что ее кости сейчас сломаются.

— Нет...

Сара опустила глаза на Листка, и их взгляды встретились. Кэти увидела выражение лица Сары и прищурила глаза.

Между ними что-то есть.

— Взять его! — Кэти потрясла руку Ноктюрна, указывая на Листка. — Забуди ее! Взять

его! — она нашла новый способ пытать Сару, причинить ей боль.

Ноктюрн подчинился и отшвырнул Сару. Буквально. Она приземлилась на холодный, твердый асфальт и почувствовала, как что-то ломается. Она лежала, сложенная в пополам, глядя, как огонь полыхает вокруг нее.

Ноктюрн пошел к Листку, который смотрел на демона горящими глазами. Листок не пошевелился, он просто стоял. В панике Сара поняла, что он делал. Он хотел, чтобы демон забрал его. И она останется одна.

— Листок, нет!

Ноктюрн легко поднял Листка и тряс его до тех пор, пока он не обмяк в его руках. Он исчез в ночи с Листком под рукой. Кэти подошла к Саре и пнула ее в ребра, пытаясь сломать еще одно. Затем она села на колени рядом с Сарой, ее голос был медленным и грозным.

— Вот так. Твой парень будет страдать, и это твоя вина. Я не сразу убью его. Можешь быть уверена, что я очень наслажусь этим. А потом я приду за тобой. И не будет никого, кто пришел бы тебе на помощь.

Она ушла во тьму, оставив Сару разбитой около растущего пламени.

— Сара, — позвал Шон. Он не думал, что можно чувствовать себя таким потерянным, таким потерявшим.

Сара посмотрела на черное небо над собой.

— Уходи.

— Позволь мне помочь тебе.

— Я не хочу тебя больше видеть! Ты убил Гарри! Ты убил последнего из моей семьи!

— Сара, нет, ты все неправильно поняла...

С огромным усилием Сара села, а затем встала, держась за бок.

— Почему? Почему, ради всего святого, ты убил Гарри? Почему притворялся им? Что тебе от меня нужно?

— Давай пойдем домой, я все объясню...

— Это не твой дом. Я не знаю, кто ты такой! — она рыдала из-за боли, разочарования и предательства.

— Сара... — он тоже плакал.

Звук пожарной машины заполнил ночь.

— Я никогда не хочу тебя больше видеть, — ее слова резали его, словно лезвия.

Сара дотащилась домой, и каждый шаг был агонией. Она легла на пол в гостиной, дрожа от страха и шока.

Глава 41. Некуда бежать

Камни на берегу

И каждый камешек — это мысль о тебе.

Гранд-Айл

Майк

Они пришли с моря и подползли к нашему коттеджу, как змеи между камней. Мы ждали их. Мы знали, что они придут.

Мы не могли воспользоваться компьютерами или телефонами, чтобы сказать Шону, что нас нашли. Но был другой способ. Я никогда не делал этого прежде в своей жизни, хотите — верьте, хотите — нет. Я написал письмо, настоящее письмо, а не имейл. Я написал его в большой спешке и собирался поехать отвезти его, а не сбежать — я знал, что не было способа бежать, они все равно найдут нас. Теперь уже нигде не спрятаться. Они нашли нас. Мы остались бы сражаться. Погибли, наверное, но, что же, мы все должны когда-то умереть. Все, что имело значение — это письмо.

Я почти добрался до машины, когда они пришли.

Письмо горело в моем кармане, пока я бежал к хижине. Я оставил его на столе, надеясь и молясь, что кто-то найдет его и отошлет.

Затем я вышел наружу и ждал. Это не заняло много времени. Они напали на меня через несколько минут, их щупальца были достаточно длинными, чтобы обвить меня за талию и утащить под воду.

Как я выжил, чтобы рассказать эту историю? Ничего удивительного. Я научился плавать в ледяных канадских озерах, и это помогло мне. Но, правда, в том, что они были больше заинтересованы в Найле, чем во мне. Поэтому я жив, а Найл мертв.

Он отвлек их, пока они тащили меня на дно, так что они оставили меня в покое, почти утонувшего и с разбитой головой, но все еще живого. Я видел, как они оборачивали щупальца вокруг талии Найла и затащили его на глубину.

Я думал, что они вернуться, чтобы закончить начатое, но, наверное, посчитали, что я мертв. Я ждал и ждал, надеясь, что Найл всплывет. Он и вправду всплыл, но не дышал.

Я прятался под пирсом, среди гниющего, наполовину прогнившего дерева. Я сидел рядом с телом своего друга и пил, пытаясь забыть боль. Но как я мог, если он лежал такой белый, такой холодный, его губы синие, а волосы слиплись от песка и водорослей. Он был юным и отважным, а еще мертвым.

Горе тяжелым валуном стояло у меня в груди. Я не мог дышать. Я не мог поднять голову, и каждая моя кость крошилась под его весом. Маленький полумесяц луны наблюдал за мной над водой, а я сидел и пил, пока не упал, пока не почувствовал песок на щеке и вода не начала плескаться у моих ног.

Глава 42. Заключительный акт

В момент, когда я узнала,

Все закончилось.

Я была единственной вне круга

Я ушла.

Когда наступил рассвет, Сара поняла, что ее определенно убьют. Не было другого выхода. Она знала, что это случится, это было просто вопросом времени.

Она потеряла темную воду и была одна. Она не хотела, чтобы Гарри — Шон — находился рядом с ней, а Листка похитили. Они собирались убить его, и, да, Кэти была права. Это ее вина. Она ответственна за смерть Листка, так же, как и за Ли.

И ее собственная жизнь приближалась к концу.

Какая жалость. *«Она никогда не влюбится, не будет играть... жить»*, — подумала она, наблюдая за тем, как небо светлеет. Она снова уснула, черным сном без сновидений, где не было боли, сном, который был немного похож на смерть.

«Может, это так и будет», — подумала она, ускользая.

Через два часа она снова проснулась. Боль в ребрах была ужасающей, настолько сильной, что ее затошнило.

Она поплелась наверх, преследуемая Тенью, и приняла две таблетки кодеина. Она поняла, что не ела со вчерашнего дня. Сара пошла на кухню и сделала тосты. Запах заставил ее падать в обморок от голода. Она сделала себе чашку чая и быстро и жадно все съела.

Гарри.

Сара чувствовала, как сердце зовет его, зовет и зовет. Она решительно заставила его замолчать.

Лжец. Убийца. Он ведь даже не был хорошим лжецом, выдал сам себя в конце. Она бы не выдала. Она бы сделала все как надо, и держалась бы.

Тогда мы оба прогнившие внутри.

Только она никогда не выбирала ложь, ей приходилось лгать.

Почему? Почему он убил Гарри? Почему притворялся моим кузеном?

Она посмотрела на часы. Девять. Девять часов субботнего утра, семьи обычно просыпаются и проводят этот день вместе.

Она проведет этот день, ожидая смерти. Потому что они вернутся, конечно же. И она никак не могла остановить их. У нее не было ничего, кроме маленького ножичка и целого арсенала оружия, которым она не могла пользоваться.

Теперь уже слишком поздно. Для всего поздно. Она могла лишь сидеть и ждать.

Она не боялась. Она была выше этого. Она чувствовала какую-то неизбежность. Конечно, они собирались убить ее. Как она вообще могла подумать, что переживет истребление Миднайтов? Она была последней из своей семьи. Ее родители мертвы, как и дядя с тетей, и теперь она знала, что и кузен тоже мертв. Никого не осталось, чтобы разделить с ней кровь.

Все кончено.

Она пошла в гостиную и попыталась играть, потеряться в музыке, но ее ребра слишком болели. Никакой больше игры на виолончели, никогда.

Она отчаянно хотела попрощаться с Брайони и тетей Джульеттой, но не могла

подвергнуть их опасности. Она никуда не могла пойти, она никого не могла видеть.

Я как проклятие, проклятие, которое скоро снимут.

Она сидела у окна и ждала. Как же красиво все это выглядело теперь, когда она знала, что не увидит следующей осени.

Она думала о том, что только вчера они с Гарри болтали в этой же гостиной, с непринужденностью двух людей, которые знают друг друга вечно. Она все еще могла видеть его, сидящего напротив и слышать его шутки про суп после концертов... Она видела его лицо, чувствовала руки, обнимающие ее, слышала его голос. Лишь вчера.

Она не знала, что Шон наблюдал за ней из сада, дрожа от боли после удара Ноктюрна, но оставаясь на страже. Прямо как когда он следовал за ней в школу или магазины — его не видно, но он здесь.

Потому что он не собирался дать ей умереть.

Он, может, и потерял ее, но собирался защищать до самого конца. Он собирался сохранить ей жизнь.

— Сара. Сара, проснись.

Она открыла глаза в темноте. Она была в своей комнате, но все-таки, это был сон.

Ее мать снова сидела на кровати, ее темные волосы сияли.

Сара ахнула.

— Мама... они собираются убить меня, — прошептала она.

Анна покачала головой.

— Ты должна быть сильной, тебе нужно сражаться...

— Скоро я буду с тобой и папой, — безутешно сказала Сара.

— Нет, не будешь. И, Сара, пожалуйста, прости меня. Прости, что не научила тебя большему, что не подготовила ко всему этому. Мне так жаль. Я пыталась защитить тебя, но лишь подвергла большей опасности.

— Все нормально, все хорошо, мам, — Сара почувствовала, как слезы катятся по щекам, и провалилась сквозь бестелесные руки матери.

— Если бы я смогла все исправить...

— Нет, пожалуйста, не вини себя...

— Если бы я могла, я бы научила тебя всему, что знала, как сделала твоя бабушка с Мейридой. Но я не могу. Я не могу все исправить. Настал твой черед жить и быть счастливой. Сара, ты должна пережить это и жить своей жизнью. Ты поняла меня? Ты должна.

Сара снова и снова кивала. Она рыдала.

— Я постараюсь. Я постараюсь. Мам, ты с папой? Где он? Где ты?

— Я не могу сказать. Прости, — сказала Анна и встала, становясь все прозрачнее и прозрачнее, пока полностью не растворилась. — Прости меня, — последнее, что Сара услышала.

Сара села в постели, ошеломленная, пока, наконец, не почувствовала, как ощущение реальности снова возвращается к ней. Она схватила подушку и одеяло и пошла вниз. Она вышла из дома в сад, преследуемая Тенью.

Сара пошла в уголок матери и легла там, заворачиваясь в одеяло, словно в кокон. Она посмотрела на черное, облачное небо над ней. Ни одна звезда не светила, луны не было видно. Стояла абсолютная тишина. Она закрыла глаза и тут же погрузилась в сон.

Проснулась с рассветом.

«Мне ничего не снилось», — такой была ее первая мысль.

Она села, вдыхая приятный запах маминых трав и сырой земли, и посмотрела на небо.

Я должна встретиться с ними лицом к лицу. Все зависит от меня. Никто не сделает это за меня, никто не поможет. Я должна пойти и сразиться с Кэти, даже если это будет последним, что я сделаю в жизни. И я знаю, что так и будет.

*Слишком поздно переживать,
Слишком поздно говорить правду.*

Сара приняла горячий душ, чтобы согреться после ночи в саду. Тень ходила вокруг нее. Она знала, что-то было ужасно неправильно и была напугана, как-то по-кошачьи наэлектризована.

Сегодня последний день моей жизни. Но я буду бороться. Я буду бороться. Не побегу, как овечка на убой. Я буду бороться до последнего вздоха.

Последний день этой безумной, проклятой жизни, которую мне подарили.

Подумать только, Анна выбрала такую жизнь. Она, должно быть, так сильно любила ее отца, что дала втянуть себя во все это.

Я мечтала о такой любви. Но у меня ее не будет. Я никогда не узнаю что такое любовь. Прямо как Ли, я умру до того, как начнется моя жизнь. Я скоро увижу их всех. Маму, папу, бабушку, Мейриду, Анджелу, Ли. Листка, если они уже убили его. Гарри, настоящего Гарри. Моего кузена.

Она подумала о Шоне — она едва могла называть его так, для нее он был Гарри — и это заставило ее почувствовать себя такой одинокой.

Поверить не могу, что он так со мной поступил. Она позволила себе представить, как он зовет ее, или входит в дверь, говоря, что это все ошибка, что это все большое недоразумение. Мысль о его лице, его голове, была словно ножом в сердце.

Но не произошло никакой ошибки, не было недоразумения. Его там не было.

Что случится, когда меня больше не будет? Что подумает тетя Джульетта, когда увидит вещи родителей — их оружие, магические принадлежности? Сара представить не могла ее реакцию. Она не могла представить ничью реакцию, глядя на все это. Джульетта подумает, что они все безумцы, что все это время она была права насчет ее отца, насчет Миднайтов. Что Анна не должна была с ними сближаться. Что, если Джульетта попробует чем-то воспользоваться? Что, если кто-то или что-то почувствует это и придет за Джульеттой и ее семьей? Сара не могла позволить этому случиться. Она должна предупредить Джульетту. Она должна уничтожить вещи родителей, прежде чем умрет.

Сара спрятала лицо в руках. Она не могла вынести и мысли о том, чтобы поджечь их вещи, похоронить их. Она не могла это сделать, не так. Она села у окна в гостиной со своим серебристым дневником и начала писать.

Сара написала все — о Миднайтах, о том, что делали родители, о своих снах. Она написала о Валайя и том, что они убили ее родителей и охотились за ней. Она также написала, что умрет от руки Кэти Дагган.

«Я знаю, что в это все сложно поверить. Просто посмотри на вещи в подвале и убедишься. Но не используй их, не делай ничего из того, что сказано в дневнике мамы. Сожги и закопай все это, быстро, в тот же день, когда прочтешь этот дневник. Я не хочу, чтобы они узнали о тебе, не хочу, чтобы они пришли за тобой, Тревором и девочками. Забудь о Миднайтах. Мне так жаль...»

Она завернула дневник в белую оберточную бумагу и положила на кофейном столике, прибавив записку: Джульетте от Сары.

Она сидела и ждала, пока придет ночь. Как только Сара увидела тени на болотах, она

надела куртку и вышла на улицу. Вечер был таким холодным, но для нее это было сладко — морозный воздух в вечернем небе, потому что она собиралась все это оставить.

Она начала идти. Знала, что они скоро найдут ее.

Она немного побродила вокруг. Призрак самой себя возник на каждом углу — ребенок Сара, идущая по улице с мамой; на качелях детской площадки у ее старой школы; выходящая из спортивного центра после урока плавания с мокрыми волосами и маленьким розовым рюкзаком; в школьной форме на экскурсии в библиотеке с классом; со своей виолончелью в пурпурном чехле, ожидающая следующего поезда в город; болтающая с друзьями перед киосками.

И наконец, призрак, который она искала — маленькая девочка в красном пальто, сидящая на карусели, не зная, что за ней наблюдают, не зная, что смерть так близко, что могла бы задеть ее щеку холодными пальцами.

Все было неподвижным и темным в игровом парке. Вокруг никого, кроме пьяниц и полицейских машин. Ночной мир, который испугает большинство людей, но не ее. Мир, в котором жила она, был намного страшнее.

Она села на карусель рядом с маленькой девочкой. Семнадцатилетняя Сара и семилетняя Сара посмотрели друг на друга.

Так вот кем я стану?

Так вот кем я была?

Сара почувствовала непреодолимое желание коснуться черных волос девочки, обнять и защитить от всего, что грядет. Спасти ее от всего, что произойдет, спасти от своих снов.

Они посмотрели в глаза друг другу и снова стали едины. Маленькая девочка заняла свое место внутри юной женщины, она спряталась, но все еще там была.

Саре не пришлось долго ждать. Скоро Ноктюрн принял форму — тьма на фоне реки. Он держал кого-то за руку — Листка — побитого и в синяках, но все еще живого.

Сара вскочила на ноги.

Он жив. Листок жив.

Тогда Кэти вышла из темноты — уверенная, улыбающаяся и приветливая, словно на одном из своих концертов, на каком-то светском мероприятии. Красивая, стройная, изящная. — Готова, Сара?

— Я хочу, чтобы ты отпустила Листка.

— О, так вот как его зовут. Я так не думаю. Мы убьем тебя и оставим себе твоего друга.

Сара закрыла глаза и снова медленно открыла их. Она посмотрела в глаза Кэти. Кэти застонала и согнулась, держась за голову. Она видела два зеленых лезвия, порхающих перед глазами, режущих снова и снова.

Ноктюрн позволил Листку упасть на землю там, где он стоял — слишком ослабевшего и измученного, чтобы встать — и подбежал к Кэти. Он взял ее за плечи с невообразимой нежностью, поднимая ее и снова опуская, пряча от Сары.

Взгляд Миднайта, кажется, не повлиял на Ноктюрна. Сара знала, что у нее не было шансов, но не хотела просто ждать, пока Ноктюрн свернет ей шею. Тишина была оглушительной. Сара задавалась вопросом, куда подевались все звуки ночи: машины, совы, плеск реки. Она ничего не слышала, словно все замерло в ожидании.

Она посмотрела в красные глаза Ноктюрна. Он поднял руки — длинные, мускулистые руки, свисающие до коленей. Сара не отвернулась, не всхлипнула, не умоляла. Она стояла и смотрела на него. Она чувствовала, что они за ней наблюдали — Анна, Джеймс, Мораг,

Мейрида, Гарри. Она чувствовала, что семья Миднайтов наблюдает, как убивают последнего из них, и она должна была выстоять с достоинством.

— Ноктюрн! — крикнул кто-то.

Голос Гарри. Голос Шона.

Он появился из ниоткуда, как обычно, тихо. Он все это время наблюдал за ней, — поняла Сара, — как тогда, когда она была в школе.

Шон поднял нож и начал чертить символы в воздухе. Кэти тут же начала делать то же самое, и это была словно странная дуэль, на которой они сражались пальцами, не касаясь друг друга. Сара видела сосредоточенность на их лицах. В оранжевом свете уличных фонарей, Сара заметила каплю пота, стекающую по лбу Шона. Кэти подняла другую руку и сделала жест Ноктюрну, все еще чертя таинственные знаки в воздухе. Шон зарычал и его движения стали быстрее, резче.

В ту же секунду, Ноктюрн вздрогнул и освободился от невидимой темницы, в которую его заточил рунами Шон. Он издал странный, глубокий звук, похожий на плач, а потом схватил Шона, словно куклу, поднял и швырнул на асфальт. Шон больше не шевелился. Сара видела его кровь на земле, стекающую с его бока на траву.

«Он мертв», — подумала она в отчаянии. Сара посмотрела на Кэти с такой ненавистью, такой злобой, что та почувствовала, что горит, горит вся ее ярость и зависть, накопленная за все эти годы.

— Ты думаешь, что лучше всех остальных, не так ли? Миднайт! Твои родители так же думали. Они думали, что правят миром. Ты смотришь на меня, как твоя мать. Словно она презирала меня. Словно я была пустым местом. И посмотри на меня сейчас.

— Да. Посмотри на себя сейчас, — сказала Сара спокойным, ровным голосом.

Кэти не могла этого вынести. Она в гневе закричала и в следующую секунду была больше похожа на демона, чем Ноктюрн.

— Прямо как твоя мать, да? Смотришь на меня, словно я ничтожество по сравнению с тобой!

Сара затряслась изнутри при упоминании матери.

— Что ты имеешь в виду? Как моя мать? Что она вообще тебе сделала? Что я тебе сделала?

— Конечно, они тебе не рассказали. Я даже не достойна упоминания. Словно я никогда не существовала, — грудь Кэти быстро поднималась и опускалась, ее лицо искажено. Сара почувствовала, как ее захлестывает волна гнева и почти отступила на шаг, как от физического удара, но продолжала стоять на месте и ждать. — Все было спланировано, организовано. Мораг удочерила меня, она учила меня. Мы с Джеймсом любили друг друга. Анна... — она выплюнула ее имя, — забрала у меня все. Все.

— Мои родители любили друг друга. Ты не имеешь к этому никакого отношения, Кэти. Они любили друг друга больше, чем что-либо, больше, чем меня. — То, что она сейчас сказала, тяжело ударило ее и сердце задрожало.

— Джеймс любил меня, пока не появилась Анна. Я должна была стать твоей матерью.

— Но это не так! Ты ведь не моя мать? И ты сделала все это... все это... потому что тебя бросил парень двадцать лет назад?

Момент тишины.

— Мой муж. Я была женой твоего отца.

Что?

— Ты знаешь, почему он выбросил меня и женился на твоей матери? Потому что я не могла иметь детей. Наш ребенок умер. Мне сказали, что у меня больше не будет детей. В ту же ночь, Сара, в ту же ночь... — рыдание прервало ее. — В ту же ночь Мораг с твоим отцом сказали мне, что у меня было все время мира, чтобы выздороветь. Они сказали, что заплатят за лучших докторов. Что они присмотрят за мной, пока не станет лучше. А потом мне придется паковать вещи и уезжать из их дома.

Сара ахнула.

— Мой отец бы не сделал ничего подобного, — начала она. А потом остановилась. Он сделал бы. И Мораг Миднайт тоже.

— Я не могла быть женой твоего отца, потому что бесплодна, — прошипела Кэти. — Они отослали меня, потому что я не могла выносить их драгоценного наследника! — Ее лицо было залито слезами. На мгновение она выглядела как брошенная девушка с разбитым сердцем, какой была двадцать лет назад. Сара вздрогнула.

Затем она вытерла глаза, и ее лицо изменилось — она снова стала Холлоу, Мастерницей. Она была здесь, чтобы завершить начатое. Она подняла руку и начертила руну в воздухе.

Ноктюрн услышал ее зов и знал, что пришло время, время убить последнюю из Миднайтов.

Сара закрыла глаза. Последним, что она видела, был Листок, смотрящий на нее с асфальта своими обсидиановыми глазами, не в состоянии подняться. Затем последовал удар, и он был чудовищным. Сара упала на тротуар, ее голова взрывалась от боли, а перед глазами почернело. Вот оно, вот что значит умирать.

Но трава и асфальт вернулись в поле ее зрения, как и чувство твердой земли против щеки.

Я не мертва. Но с последствиями пришла боль — резкая, жуткая, тошнотворная боль в груди, каждый раз, когда она вдыхала. Она тихо начала плакать, потому что боль была такой сильной, такой невыносимой, что она не могла больше. Это лишь начало. Она задавалась вопросом, как много уйдет времени на то, чтобы умереть, и это зависело от того, собирались они убить ее милосердно и быстро, или потянут время.

Она схватилась за живот и закрыла глаза, ожидая нового удара.

А потом она услышала звук.

Крик, словно кого-то душат.

Это была Кэти.

Сара открыла глаза и то, что она увидела, навсегда осталось у нее в памяти.

Мне пора гореть.

Мне пора заново восстать.

Листок стоял с поднятой рукой ладонью вверх. Ноктюрн был обездвижен, застывший, его подбородок опустился до груди, а сам он легко покачивался из стороны в сторону.

Кэти смотрела в неверии. Этот парень, так легко сдавшийся, которого они пытали и с которым играли — он остановил Ноктюрна и удерживал его? Как это возможно?

— Кто ты такой? — закричала она.

— Я — огонь, — его голос был мягким, едва слышным шепотом. Внезапно, Сара почувствовала запах опавших листьев, влажной земли и дыма — все эти запахи Листок, казалось, принес с собой.

Кэти в отчаянии подняла руки, пытаясь начертить руны. Она вдруг выглядела очень маленькой, ее красивое лицо обратилось к небу, словно в мольбе. Но все было бесполезно. Яростно хлопая крыльями, вороны уже были на ней, и в этот раз они ударили в полной тишине, ни разу не каркнув. Они полностью покрыли ее, и Сара могла видеть лишь ее белокурую макушку, теперь окрашенную красным, и подергивающиеся ноги.

Когда они закончили, то поднялись в небо, десятки маленьких клювов несли то, что осталось от Кэти. Они бросили ее в реку, и ее тело исчезло в нежном шуме волн и брызг.

Листок опустил руку, и на секунду, на долю секунды, Листок и Ноктюрн встретились взглядами.

А затем огонь вспыхнул вокруг Ноктюрна — синее пламя, которое быстро поднималось к небу. Оно касалось тела Ноктюрна, затем начало пожирать его, но Ноктюрн не сдвинулся с места, не закричал.

Синее пламя горело и горело перед испуганными глазами Сары, пока не осталась лишь обугленная, бесформенная насыпь, тлеющая, словно угли.

Все произошло в жуткой тишине. У Кэти даже не было времени закричать, под когтями и клювами воронов она могла лишь всхлипнуть. Ноктюрн не издал ни звука, кроме треска кожи и глухого стука, с которым он упал на асфальт наполовину сожженным. Шквал ворон, мягкий всплеск воды, когда она поглотила тело Кэти, шипение поднимающихся огней — тишина едва была нарушена.

И весь мир Сары вмиг изменился.

Она поднялась, сидя на тротуаре на коленях, прижимая руки к боку. На ее руках была кровь, собственная кровь, но она не была уверена, откуда — ее не волновало, где именно были порезы и синяки.

Все закончилось. Кэти и Ноктюрн мертвы от рук Листка. Она видела, что Шон стоял позади Листка — согнувшись и дрожа.

«Он хотя бы жив», — подумала она с облегчением. А потом вспомнила.

Убийца.

— Кто ты? — закричал Шон молчаливой фигуре Листка. — И не смей говорить мне тот бред про огонь. Кто ты?

Листок обернулся. Саре пришлось моргнуть, когда она увидела его лицо — они были черными, а лицо бледным, его черты были идеальным, почти ангельскими. Словно она видела его впервые.

— Меня зовут Николас Донал. Из семьи Донал.

— Тайной Семьи?

Тайной Семьи? Что это значит? Семьи как наша, как Миднайты? Есть и другие похожие на нас?

— Да.

— Я никогда о вас не слышал.

— Мы вне Сабха. Сами за себя. И я не должен тебе ничего объяснять.

Сабха? У Сары закружилась голова.

— Иди прочь, Шон, — Сара пыталась встать, но ноги ее подвели. Оба мужчины ступили к ней, но Сара отпрянула от рук Шона и взялась за Николаса. Он обнял ее за талию, чтобы поддержать. Сара расслабилась на секунду. Она устала, так устала, и все ее тело болело. Она прильнула к Николасу, и ее мысли начали растворяться. Туман, который Николас всегда приносил с собой, начал действовать, и она становилась теплой, полубессознательной, не в силах отпустить его.

— Николас Донал, — прошептала она.

— Я отведу тебя домой. Тебе пора уходить, Шон.

— Сара... — взмолился он.

— Я тебя предупреждаю, — глаза Николаса вспыхнули, и послышался звук хлопающих крыльев где-то из-за деревьев.

— Нет, Листок... Николас. Отпусти его!

— Он убил твоего кузена

Сара покачала головой. Она подумала о Шоне, покрытом воронами, как Кэти...

— Пожалуйста, отпусти его.

Николас крепче обнял ее.

— Теперь только ты имеешь значение, — сказал он, и его слова были словно колыбельная. Она закрыла глаза, кладя голову ему на грудь.

Николас Донал. Его имя крутилось в ее голове в водовороте опавших листьев и воронов.

— Отведи меня домой, — прошептала она.

Глава 45. На краю

*И слова, которые мы говорили, стали
Эхом из ничего.*

Листок

Она должна была стоять на краю и смотреть вниз. Она должна была быть уверена, чтобы пришел конец. Я хотел, чтобы она была в полном отчаянии, чтобы ее покинула всякая надежда, прежде чем я вмешаюсь. Чем больше она почувствует боли, тем слаще для нее покажутся мои руки. Чем страшнее ей будет, тем безопаснее я заставлю ее почувствовать себя.

Смешно было видеть реакцию Кэти. Она думала, что я беспомощный мальчишка, игрушка, которую она могла сломать, чтобы причинить Саре боль. Каким же было ее лицо, когда я заморозил Ноктюрна! И лучше всего — ее выражение лица, когда на нее набросились Элементали. Жаль, что отец этого не видел. Думаю, боль была ее искуплением. И тогда, должно быть, было много боли.

И это сработало. Теперь Сара мне верит. И какая же она красивая — такая бледная, такая испуганная. Ее кровь такая красная, а ее страх пахнет ночными цветами.

Теперь, меня зовут Николас Донал. Какая ирония, еще один человек, который не может сказать ей своего настоящего имени, прямо как Шон. Но теперь это все позади. Теперь мы можем подумать о нашей совместной жизни.

Глава 46. Пепел

Соленые слезы в соленой воде.

Рука, которую я не вижу.

Вложить мои беспокойные мысли.

В его любящую ладонь.

Сара не могла вспомнить, как они добрались домой. Словно она моргнула, и они уже были там. Он открывал дверь, заводя ее внутрь. Они стояли в темном коридоре.

— Николас... Тайные Семьи... есть еще такие, как мы? Как Миднайты?

— Нас много. И все мы в опасности.

Она тихо застонала. Ее ребра болели.

— Шшш. Теперь тебе нужно поспать. Я посторожу, не переживай.

Ты останешься? — почти сказала она. Но остановила себя. Ей нужно побыть одной. Ей нужно поразмыслить обо всем — о личности Листка, смерти Кэти. Тайных Семьях. Шоне. Сабха.

— Когда я снова тебя увижу?

— Скоро. Я обещаю.

Лицо Сары было поднято к нему, и их губам было бы просто, так просто встретиться, но Тень, тихо спустившаяся по лестнице, прыгнула прямо на их переплетенные руки, так что Саре пришлось поймать ее.

— Тень!

— Привет, милый котик, — прошептал Николас. Тень зашипела. Николас не обратил на нее внимания. — Ты будешь в порядке? Хочешь, чтобы я уложил тебя в постель?

Сара покраснела.

— Нет, нет, — она отстранилась, держа Тень на руках, словно преграду между ними.

— Я просто имел в виду... — он казался смущенным, запутанным.

— Я знаю. Я знаю.

— Тогда я пойду. Не волнуйся, я посторожу. Ты в безопасности.

Сара кивнула.

— Спасибо. Николас, мне нужно знать. О Тайных Семьях и Сабха. Мне нужно знать все.

— Я все тебе расскажу. Они скрывали от тебя правду. Шон, твои родители... Но я все тебе расскажу, — Сара вздрогнула при упоминании родителей. Откровение Кэти было невыносимым и таким болезненным, что она хотела бы не знать этого вовсе.

Мягкий поцелуй на ее волосах, последнее дыхание листьев и дыма, поднимающееся из его груди, а затем он ушел.

Сара осторожно сняла одежду, пытаясь не задеть порезы и синяки. Она ступила под душ. Обжигающая вода смыла кровь, грязь и пепел из костра, на котором сторел Ноктюрн. Она долго, долго стояла под душем, пытаясь распутать клубок своих мыслей.

Убийцей ее родителей была сломанная женщина, изучавшая темные искусства. Вот и все.

Или нет. Если были другие Тайные Семьи, такие же люди, как она, может, были и другие Валайя. И Совет — Сабха, как они назвали его — какая-то организация, объединяющая семьи. Но не ее собственную. И не семью Николаса.

Все это было загадкой. Она не могла дождаться, пока Николас все ей расскажет.

Шон ушел. Мысль промелькнула у нее в голове, и она почувствовала укол боли. Каждый раз, когда она в ужасе просыпалась после видения, он был там, присматривая за ней. Она подумала о его заносчивой улыбке, его бесстрашии, и как он заставлял ее смеяться даже в самой жуткой ситуации. Она подумала о его глазах — таких ясных, таких ярких. Его голосе — таком мягком, и похожем на голоса ее родителей. Она все еще слышала его. Она так хотела поговорить с ним — нет, не с Шоном. С Гарри. Она хотела, чтобы вернулся ее Гарри. Она хотела закрыть глаза и прислушаться к его голосу.

Но все это было ложью. Он был убийцей и лжецом.

Сара больше не могла стоять. Боль в ребрах была невыносимой. Она выключила воду и осторожно завернулась в полотенце. Глубокая усталость переполняла ее, и она едва заставила себя двигаться. Она вытерлась, но у нее не было сил высушить волосы. Она надела свои шорты и футболку и легла на одеяло. Через пару минут она уже спала.

Тень улеглась рядом с Сарой и закрыла свои янтарные глаза. Она увидела темный силуэт за окном и застыла. Это были вороны. Она запрыгнула на подоконник.

— Все хорошо, Тень. Они друзья, — прошептала Сара, ее голова покоилась на подушке.

Но Тень продолжала наблюдать за воронами, ее хвост тревожно постукивал по подоконнику.

Закрывая глаза, Сара понадеялась, что этой ночью ей не приснится сон, чтобы ей позволили отдохнуть. Но желания никак не влияли на ее видения.

Ей снилось, что она снова была под землей, прямо как в том видении в библиотеке. Она была в ловушке в небольшой пещере под стоящим камнем. Она снова освободилась, выползая на поверхность. Она была в кругу камней посреди ночи, под самой белой, самой чистой луной. Ветер бил ее по лицу, и пахло зимой.

Огни танцевали над ней, изменяя цвет и двигаясь — зеленые, голубые, желтые. Северное сияние. Настолько красивое, что не передать словами.

Ее сердце пропустило удар, когда она поняла, что Николас снова был здесь. Его бледное лицо, черные, горящие глаза...

Он поднял руку и показал ей опал, лежащий у него на ладони. Камень светился от света, исходящего из его середины, и этот свет кружился, снова и снова переворачиваясь внутри камня. Сара сделала шаг к нему, но Николас отступил на шаг, словно не хотел, чтобы она приближалась.

Сара почувствовала, что опал словно притягивает ее, будто они с камнем каким-то образом связаны. Она увидела, что то, что крутилось в нем, было маленьким облачком, и оно отчаянно сжималось и разжималось, пытаясь освободиться.

Сара посмотрела на Николаса, теряясь в его черных глазах. Сначала она не могла прочесть его выражение лица. Но Сара увидела, что его глаза понемногу меняются. Что-то формировалось в них, эмоция, которую она не могла распознать.

Вина. Да, это была вина.

Глаза Николаса просили простить его.

За что? Он спас мне жизнь!

Сара проснулась. Несколько секунд она ждала, пока Шон зайдет и спросит, была ли она в порядке. Он сядет на кровать и возьмет ее за руку, выводя из сна в реальность. Из страха, в мир, которым она могла управлять.

Она забыла о видении, она забыла о живом камне и круге серых камней. Она подумала о руках Шона, держащих ее, и бросилась в слезы.

Мир без тебя —

Бесконечные сожаления

Выбор.

— Гарри... уехал в Лондон на несколько дней. По работе. Чтобы закончить что-то, вроде бы. Я точно не знаю, — Сара почувствовала горький привкус во рту. — Нет, в этом нет необходимости, он скоро вернется... Спасибо. Да, я приду на обед. Тогда увидимся завтра, — она положила трубку.

Я не расклеилась. Я все еще могу врать сквозь зубы, как и обычно. Не то чтобы это доставляло ей удовольствие — она ненавидела это. Сказать тете Джульетте, что Гарри был в Лондоне, было самым безобидным по сравнению со всеми теми историями, которые она придумывала, чтобы не говорить ей о своей безумной, странной жизни.

— Не ври никогда и не о чем, кроме одного случая — если тебе придется защищать нашу тайну. В этом случае — ври своей семье, своим друзьям, ври всем, кто будет слушать, и будь очень убедительна. — Вот что сказал ее отец, когда ей было пять, и она никогда об этом не забывала. Она никогда не предавала их, даже когда ей так отчаянно хотелось сказать правду, немного облегчить свою ношу.

Она никогда не позволяла себе это сделать.

Она почувствовала волну страданий, накрывающую ее, и схватилась руками за безупречный кофейный столик, смахивая невидимую пыль. Ее взгляд упал на свадебные фотографии ее родителей в рамках. На Анне было длинное белое платье, а в руках — букет вереска, перевязанный фиолетовой лентой. Она сама собирала вереск на болотах за день перед свадьбой. Она говорила, что ее букет пах Шотландией.

Ты была такой красивой, мама.

Сара собралась с духом. Ей всеми силами нужно удерживать исчезновение Гарри в тайне. Она не могла покинуть дом Миднайтов. Это будет, как снова потерять своих родителей.

Прошла неделя с той ночи, когда убили Кэти, и вместе с ней Валайя. Неделя, с тех пор, как она потеряла Гарри... Шона. Как бы его не называли. Она скучала по нему почти на физическом уровне, и это ее пугало. Она ненавидела его за то, что он убил ее кузена, за то, что украл его жизнь, но все же его отсутствие было словно дырой в ее сердце. Потеря была такой неожиданной, что она не могла принять ее, она думала, что он в любую минуту войдет в комнату, в любую минуту позвонит ей.

Почему я не могу перестать думать о нем, почему не могу выкинуть из головы?

Каждую ночь ей снился Гарри. И это были не видения, просто сны. Как у нормальных людей. Ей снилась вечеринка в доме Миднайтов теплой летней ночью. Сад был украшен бумажными фонариками, и там стоял длинный стол с кучей прекрасной еды и дюжинами свечей. Ее родители тоже были там — улыбающиеся, счастливые, и все ее друзья, и родственники тоже: Маккентрики, Брайони, Элис, Джек... И Ли. Они смеялись, ели, танцевали. Впервые их дом был открытым для мира, а не скрытым и изолированным. Гарри стоял рядом с ней. Он внезапно обернулся и поцеловал ее голое плечо. Она в удивлении засмеялась.

Это был замечательный сон, такой замечательный, что когда она проснулась и поняла,

что это не правда, она задыхалась от горя.

Ее родители умерли, Гарри не был Гарри, а Николас исчез. Снова.

Она села у окна, засмотревшись на белый свет луны. Сара завернулась в свой шерстяной кардиган, а Тень спала на ее коленях. В руках она держала фотоальбом в серебристой обложке, тот, который ей подарила Джульетта. В нем не было фотографий, лишь опавшие листья — красные, коричневые, желтые, осторожно разложенные по файликам.

Я действительно одна.

Сад был окутан тенью. Она едва смогла различить его очертания, когда он вышел из-под деревьев и шел рядом с кустами. Но даже перед тем, как она отчетливо увидела его на фоне белого гравия, она знала, кто пришел с ней увидеться.

Сара побежала вниз по лестнице и открыла дверь с подпрыгивающим сердцем.

— Николас!

— Сара. Боже, я скучал по тебе. Прости, что так долго не приходил. Нужно было со многим разобраться. Я все тебе расскажу.

— Заходи, — прошептала она, не доверяя себе и не говоря больше ни слова.

Человек стоял, прислонившись к дубам Сары, невидимый, неподвижный, словно само дерево. Его рука сомкнулась на маленьком красном мешочке на шее.

Он видел, как Николас идет по дорожке, как Сара открывает ему дверь. Он видел, как темноволосый парень вошел с дом Сары, в ее сердце, а затем дверь закрылась. И для прячущегося человека это было как закрытая дверь ко всему, что он когда-либо любил и чего желал.

Глава 48. Повелители моря

Волосы — это водоросли.

Кожа — чешуя.

Глаза — ракушки.

Дыхание — волны.

Коралловые губы.

Сердце — прилив.

Гранд-Айл, Луизи ана

Майк открыл глаза в сером свете рассвета. Первое, что он увидел, было белое лицо, покрасневшие глаза и синие губы, склонившиеся к нему. Это было лицо утопленника. Его бледные руки держали его за плечи, трясли его.

— Господи! — Майк вскочил, выбрасывая руки вперед, чтобы защититься от чудовищ. — Ты мертв. Ты мертв! Отойди!

Трясущимися руками он потянулся к пистолету, который всегда носил за поясом.

— Ради Бога, Майк! Убери его!

— Держись от меня подальше.

— Это я. Найл. Это я!

— Ты мертв!

— Я выгляжу мертвым?

Синевато-белая кожа, синие губы, синие ногти.

— Вообще-то, да! Посмотри на свои руки! И лицо!

— А, да. Это ненадолго. Через пару часов я опять буду нормальным. Майк?

Но Майк уже не слышал его, потеряв сознание и валяясь на песке лицом в мешанине водорослей.

Найл почувствовал запах алкоголя от тела друга. Он приходил в себя, моргая и потирая лицо. Несмотря на опасность и страх, Найлу эта ситуация казалась очень забавной.

— Господи! — воскликнул Майк, увидев его.

— Ты это уже говорил.

— Ты мертв!

— И это тоже говорил. Нет, я не мертв. Ну, был мертв. Но я вернулся.

— Как... как...?

— Помнишь, когда ты сказал, в чем моя сила? И я сказал — пение? У меня есть еще одна. У всех Флиннов она есть. Вода не может убить нас.

— Так ты жив?

— Такой же живой, как и ты.

— Ты жив! — Майк бросился ему на шею, но мгновенно отпрянул. — Да, хорошо. Я волновался, — они оба смотрели в песок несколько секунд.

— Возьми, — Майк вытащил флягу из кармана.

— О, да. Мне это нужно, — Найл сделал большой глоток.

— Как это было?

— Бурбон? О, замечательный. Лучше только ирландский виски, но нельзя иметь всего, — Майк заметил, что голос Найла звучал немного гортанно, будто у него все еще была вода в легких.

— Как это было — тонуть? Умирать?

— Отвратительно. Но это был мой первый раз. А вот мой дед, похоже, делал это девять раз.

Они немного посидели в тишине, наблюдая за рассветом над морем, пока Найл набирался сил и согревался.

— Так что теперь? — Найл выпутывал водоросли из волос.

— Нам нужно добраться до Шона.

— Они нас увидят. Они найдут нас.

— Они думают, что мы мертвы.

— Скоро поймут, что живы.

— К тому времени мы будем в Шотландии. Пойдем.

— В аэропорт?

— В порт. Я знаю кое-кого, кто может посадить нас на грузовое судно.

— Круто! Несколько недель в море! — лицо Найла засияло.

— Мне на ум приходят немного другие слова, если честно.

— Ах, это будет великолепно, — он улыбнулся, вытряхивая из карманов моллюсков, забравшихся туда.

По дороге в Новый Орлеан, Майк опустил письмо для Шона в почтовый ящик. Не случай, если они не доберутся.

Глава 49. В стекле и воде

Никогда не забуду.

Темноволосую девушку и ее спокойные глаза.

Ей слишком рано уходить.

Кастельмонте

Элоди

Я больше не могла этого выносить. Я почти вздохнула с облегчением, когда они появились на пороге. Все в дизайнерских костюмах и солнечных очках. Туринские Валайя нашли нас.

Я впустила их. Я предложила им сесть за мой стол.

Марина с Аикой уехали на фьеру, ярмарку, в соседнюю деревню. Леандро был на рыбалке. К счастью, я была одна. Лучше я, чем они. У них еще осталось ради чего жить.

Может, я скоро увижу Гарри снова...

Я собралась с силами. Не нужно позволять себе думать об этом. Я должна бороться. За Аико, за наследников.

— Где наследник Аянами? — спросили они меня с сильным французским акцентом.

— Я не знаю.

Они засмеялись. Оба мужчины, оба молоды, оба по-итальянски, высокомерно красивы. Словно весь мир им принадлежал.

— Ты красивая, — сказал один из них. — Поэтому у меня хорошее настроение.

— Да. Мы могли бы не спеша вытащить из тебя правду.

Он положил что-то на стол. Это был маленький флакончик. Значит, никаких хлопот, никаких демонов, никакой крови. Лишь капля этой жидкости и мы будем ходячими мертвецами, как был мой муж днями, даже неделями. Им придется лишь убедить нас, что смерть — лучше, чем жизнь, и если подумать о том, что Валайя делали со своими жертвами, то не возникло сомнений, что мы согласимся очень, очень быстро.

Но я все еще ничего не чувствовала. Я не боялась. Я готовилась.

Потому что видеть будущее — не единственная моя способность. Брюны еще кое-что имели в крови. Что-то более опасное, что-то, что в отличие от видений, вернулось ко мне. Я знала, потому что проверяла. Я пробовала это на животных — белках, птицах, на всем, до чего могла добраться. Жестоко, но необходимо.

Оно вернулось.

Я отбросила волосы с лица. Я видела, как мужчины оценивающе наблюдают за мной. На мне были обтягивающие джинсы и топ на бретельках. Я поблагодарила судьбу за то, что выбрала такой наряд.

— Я уверена, что мы можем договориться, — сказала я, медленно поднимаясь и подходя к ним.

У первого мужчины были черные как смоль волосы и улыбка на миллион долларов. Он смотрел на меня, как на обед. Я положила руку ему на плечо и села к нему на колени, приблизив лицо. Я погладила его щеку рукой.

— Можете забирать их. Просто отпустите меня.

— Ты одна из наследников, Элоди. Мы не можем тебя отпустить, — сказал другой мужчина, его глаза сияли.

— Я сделаю так, чтобы вы не потратили это время зря, — прошептала я.

— Я скажу тебе, какая у нас будет сделка. Ты сдаешь их нам, и мы все равно забираем то, что хотим, — сказал мужчина, на котором я сидела, отвратительным, грубым голосом, лапая мою талию и грудь.

— Видимо, у меня нет выбора, — промурлыкала я ему на ухо.

— Именно. У тебя нет выбора.

— Нет. Не думаю, что ты понял, — я снова взяла его лицо в руки и притянула к себе. Наши губы встретились, и он жадно целовал меня несколько секунд, забравшись руками под мой топ.

Пока не начал задыхаться.

Какая ирония, что они убили моего мужа ядом и хотели им же убить меня, а я сама оказалась ядовитой. Мужчина задыхался, когда я отпустила его, и упал на пол, открыв рот, словно рыба на суше, отчаянно пытаюсь вдохнуть. Его кожа становилась белой, синевато-белой, как у утопленников.

Теперь мне требовалась всего доля секунды, мгновение, в которое другой мужчина будет слишком удивлен, слишком ошеломлен, чтобы пошевелиться. У меня почти было это время. Но не совсем. Он уже вытащил пистолет и был готов застрелить меня. Он целился почти в упор, прямо мне в живот. Я представила себя на полу, покрытую кровью, словно лебедь. Пророчество вот-вот сбудется.

Но прямо в тот момент открылась в дверь и вместе с ними открылась бездна отчаяния: в дверях появились Аико с Мариной, все еще улыбающиеся, не заметившие того, что происходит внутри.

Мужчина повернулся и выстрелил. Были крики и звуки падающих тел. Я знала лишь, что мне нужно поцеловать его, и я это сделала.

Двое мужчин из Валайя лежали на полу, задыхаясь.

И Марина, держась за сердце. Аико плакала, ее маленькие ручки были в крови, слезы текли по ее щекам.

Я ничего не могла сделать. К тому времени, как я села рядом с ней на колени, она уже была мертва. Это была она, Марина, мертвый лебедь в луже крови, а не я. Это был знак того, что случится со мной однажды, и цепочка событий, ведущая к этому, должно быть, сместилась, и незаметное изменение привело к совершенно другому результату.

Или, может, это была лишь случайность. Мое предсказание все еще может сбыться. Придет время, и я буду окровавленным лебедем.

— Мы все должны выбрать сторону, — сказал Леандро. Никто не в безопасности, никому не спрятаться. Я оставила с ним Аико в крошечном деревянном домике в уединенной долине. До тех пор, пока не придет зима. Две месяца, и снегопады и холод сделают домик непригодным для жизни. Два месяца, и им придется искать новый выход.

Но я знала, что не могу там больше находиться. Я должна пойти по пути, который оставил Гарри и уничтожить Врага.

Но я не могу сделать это в одиночестве. И есть лишь один человек, кому я могу доверить свою жизнь.

Шон Ханни.

Глава 50. Душа

Прости меня.

Шон

Мысли о ней мучили меня каждую секунду. Я скучал по каждому мгновению каждого дня. Я не могу потерять ее, просто не могу.

Она не в безопасности. От этого Николаса Донала у меня кожа покрывается мурашками. Я доверяю ему не больше, чем этим его кровожадным воронам. Я спрошу Майка и Найла что они знают о семье Доналов, но от них уже давно ничего не слышно. Никакой связи. Телефоны не работают, невозможно дозвониться. Я опасаясь худшего, что их нашли и убили — Сулари или Сабха, без разницы.

Николас рассказал Саре о существовании других Тайных Семей, о существовании Сабха. Он подверг ее еще большей опасности. Разве он не знает, что в Сабха предатели? Разве не знает, что никому нельзя доверять? Или он один из них?

Нужно было рассказать все Саре. Я сделал ту же ошибку, что и ее родители — я держал ее в неведении, думая, что придет время все рассказать.

Я наблюдаю за ней днем и ночью. Я смотрю на нее, сидящую у окна, расчесывающую волосы. О, я помню запах ее волос! Я смотрю, как она идет в школу и возвращается домой. Иногда я так близко к ней, что могу коснуться, но она все равно понятия не имеет о моем присутствии.

Сегодня я видел, как Николас идет по дорожке. Я видел ее лицо, когда она открыла ему дверь, ее радость, когда она увидела его. Меня словно сжигали.

Я должен найти способ вернуться в ее жизнь.

И на ум приходит лишь один способ: рассказать ей правду.

Я была по ту сторону.

Я — Персефона.

Элоди

Я не удивилась, когда видение образовалось в окне самолета. Когда я покидала Кастельмонте, я почувствовала, как что-то внутри меня развязывается, разворачивается, снова оживает — словно моя сила была рекой, и огромный валун преграждал ей путь. Ярость после смерти Марины, чувство освобождения, наполняющее меня, когда я вышла из укрытия и снова присоединилась к битве, оставили от валуна лишь пыль.

Я видела Шона и темноволосую девушку, в которой узнала Сару Миднайт. Я видела ее на коленях, и кто-то стоял над ней. Я видела, как душа покидает ее — белый огонек, бьющийся над ее головой в безумном ритме, огорченный, потерянный и неуверенный куда идти. Сара упала на землю, когда душа покинула ее, словно марионетка с перерезанными нитями. Видение растворилось, и отражение моего бледного, испуганного лица, заменило его.

Мое сердцебиение ускорилося, и горькие слезы наполнили глаза. Мои видения всегда сбываются. Все, что я вижу в стекле или воде, сбывается.

И я видела смерть Сары Миднайт.

Больше книг на сайте - Knigolub.net